

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Миронова А. А., Татарко А. Н.

Психологические причины коррупции: роль тревоги

Полякова Е. Ю., Манокин М. А.

Специалисты в области культуры на российском рынке труда

Хаскел Д., Вестлейк С. Капитализм без капитала: подъем нематериальной экономики

Казун А. Д., Пашахин С. В. «Чужие выборы»: новости соседнего государства о выборах президента РФ в 2018 г.

**Экономическая
социология**
Т. 22. № 1
Январь 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2 квартал).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 22. No 1.
January 2021

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Экономическая
социология**
Т. 22. № 1.
Январь 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Университет Бостона (США)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Университет Аризоны (США)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Лундский университет (Швеция)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич НИУ ВШЭ (Россия)

- National Research
University
Higher School of
Economics
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

А. А. Миронова, А. Н. Татарко

Психологические причины коррупции: роль тревоги 11

Е. Ю. Полякова, М. А. Манокин

Специалисты в области культуры на российском рынке труда 35

Новые переводы

Д. Хаскел, С. Вестлейк

Капитализм без капитала: подъём нематериальной экономики 61

Расширение границ

А. Д. Казун, С. В. Пашахин

«Чужие выборы»: новости соседнего государства о выборах президента РФ в 2018 г. 71

Профессиональные обзоры

Ю. Д. Керша

Социально-экономическая композиция школы как фактор неравенства в образовании.

Обзор подходов к измерению и механизмов взаимосвязи с академическими результатами 92

Новые книги

Д. Р. Лебедева

Творить нельзя коммерциализировать: о повседневных практиках российских технопредпринимателей

Рецензия на книгу: О. Бычкова, Б. Гладарев, О. Хархордин, Ж. Цинман.

Фантастические миры российского хай-тека. СПб.: Издательство

Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. Серия

«Прагматический поворот». Вып. 8 (ред. О. Бычкова). 416 с. 124

Тексты на английском языке

Debut Studies

I. Viatkin, K. Komarova

A Loosening Grip: Why Do Autocracies Engage in the Neoliberalization of Their Welfare Sectors?..... 140

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

New Texts

Anna Mironova, Alexander Tatarko

Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries 11

Evgeniya Polyakova, Mikhail Manokin

Cultural Professions in Modern-Day Russia: Statistical Portrait of the Workers 35

New Translations

Jonathan Haskel, Stian Westlake

Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy (an excerpt)..... 61

Beyond Borders

Anastasia Kazun, Sergei Pashakhin

'Alien Elections': Neighboring State News on the 2018 Russian Presidential Elections 71

Professional Review

Yuliya Kersha

School Socio-economic Composition as a Factor of Educational Inequality.

Review of Measurement Approaches and Relation with Academic Outcomes..... 92

New Books

Daria Lebedeva

Create not to Commercialize: On the Everyday Practices of Russian Technopreneurs

Book Review: Bychkova O., Gladarev B., Kharkhordin O., Tsinman Zh. (2019)

Fantasticheskie miry rossiyskogo hay-teka [Sci-Fi Worlds of Russian Hi-Tech],

St. Petersburg: EUSP Press (in Russian)..... 124

Texts in English

Debut Studies

Iliya Viatkin, Kristina Komarova

A Loosening Grip: Why Do Autocracies Engage

in the Neoliberalization of Their Welfare Sectors?..... 140

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели,

Новый, 2021-й год, пока не принёс нам видимых изменений. Но он принёс нам надежду на то, что злключения уходящего года вскоре уйдут вслед за ним. По-прежнему здоровья вам и всем вашим близким.

Представляем вашему вниманию новый номер журнала.

Тексты на русском языке

В рубрике «**Новые тексты**» канд. соц. н. *А. А. Миронова* (научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ) и докт. псих. н. *А. Н. Татарко* (главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ

ВШЭ) предлагают результаты исследования «Психологические причины коррупции: роль тревоги», которое отвечает на два вопроса: (1) связан ли опыт переживания тревоги индивида с приемлемостью для него коррупции? (2) отличается ли данная взаимосвязь в странах с разным уровнем коррупции? Работа основана на данных шестой волны Всемирного обзора ценностей (World Value Survey). Для анализа были отобраны три группы стран с разным уровнем индекса восприятия коррупции. Авторы показывают, что макро- и микротрвоги имеют существенную взаимосвязь с приемлемостью коррупции. Чем больше человек беспокоится о себе или своей семье, тем больше он принимает коррупцию. Люди, которые беспокоятся об обществе в целом, с большей вероятностью не одобряют коррупцию.

Е. Ю. Полякова (ассистент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета) и канд. культурологии *М. А. Манокин* (старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета) публикуют статью «Специалисты в области культуры на российском рынке труда». На основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата за 2016 и 2018 гг. выявлено, что изучаемая группа преимущественно представлена служащими библиотек и архивов, преподавателями музыкальных и художественных школ, работниками музеев и галерей, лингвистами, журналистами и литераторами. Самую значительную долю в ней составляют замужние женщины в среднем чуть старше 40 лет с высшим образованием, работающие в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге.

В рубрике «**Переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом книги *Джонатана Хаскела* (профессор экономики Школы бизнеса Имперского колледжа Лондона) и *Стиана Вестлейка* (исполнительный директор в области политики и исследований Национального фонда инноваций Nesta, Великобритания) «Капитализм без капитала: подъём нематериальной экономики». В книге анализируется сдвиг от материальных инвестиций к нематериальным, наблюдаемый во всех развитых странах мира на протяжении последних 40 лет. Денежные средства всё более направляются в такие сферы, как программное обеспечение, исследования и разработки (ИИР), дизайн и конструкторские работы, художественные произведения, исследования рынка, обучение и новые бизнес-процессы. Журнал публикует вводную главу книги «Старый добрый метод оценки, или Вот уже тысячу лет в Эссексе», в которой авторы разбирают значение инвестиций, определяют отличия материальных инвестиций от нематериальных вложений, а также выдвигают предположение, почему некоторые базовые свойства невещественных инвестиций столь сильно изменяют современную экономику. Перевод с английского *Юрия Каптуревского*.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья канд. соц. н. *А. Д. Казун* (старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ) и *С. В. Пашахина* (стажёр-исследователь Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ) «“Чужие выборы”: новости соседнего государства о выборах президента РФ в 2018 г.». В работе представлен анализ 19,5 тысячи новостных сообщений русскоязычных СМИ Украины о президентских выборах России в 2018 г. Дается оценка степени персонализированности дискуссии в освещении выборов. Обнаружены три основных способа освещения данного вопроса: (1) количественные оценки и результаты выборов; (2) подготовка к выборам в Крыму и (3) победа В. Путина. При этом если публичные фигуры освещаются преимущественно в нейтральном ключе, то в отношении неперсонализированных символов чаще допускаются негативные и оценочные суждения.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» свою статью представляет *Ю. Д. Керша* (преподаватель департамента образовательных программ Института образования НИУ ВШЭ). Тема статьи: «Социально-экономическая композиция школы как фактор неравенства в образовании: обзор подходов к измерению и механизмов взаимосвязи с академическими результатами». Целью автора является анализ имеющихся работ по теме с фокусом на выработке рекомендаций и дальнейших направлений для эмпирических исследований. В обзоре вводится термин «эффект социально-экономической композиции» и перечисляются основные подходы для его измерения.

В рубрике «**Новые книги**» *Д. Р. Лебедева* (стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ) знакомит нас с книгой *О. Бычковой, Б. Гладарева, О. Хархордина и Ж. Цинман «Фантастические миры российского хай-тека»*. (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019). На основе большого массива данных глубинных биографических интервью с технопредпринимателями из России, а также из Финляндии, Тайваня и Южной Кореи авторы фокусируют своё внимание на самих технопредпринимателях, наполняющих рынки высоких технологий. Используя концептуальный аппарат теории практик и исследований науки и технологий, авторы книги пытаются пересобрать жизненные миры российских технопредпринимателей и соотнести индивидуальные нарративы с социокультурным контекстом их разработок.

Текст на английском языке

В рубрике «**Дебюты**» публикуется статья *Ильи Вяткина* и *Кристины Комаровой* (оба автора из НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), рассказывающая о том, почему автократии проводят неолиберальные реформы в сфере социальной политики и общества благосостояния. Авторы задействуют три дополняющие друг друга теоретические перспективы, предлагающие объяснения стимулов, которые могут мотивировать автократические режимы уходить из сектора благосостояния: авторитарная легитимизация, авторитарная модернизация и политико-экономическая перспектива. Эти теории тестируются на материале 42 автократий, существовавших в 1980–2005 гг. Установлено, что наивысшей объяснительной силой обладает теория авторитарной модернизации, поскольку именно она наилучшим образом фиксирует пути к либерализации общественного сектора.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

This new issue of our journal comes out during these difficult times. The second wave of the COVID-19 pandemic is on its way. It brings new challenges, which are comparable with those of the previous wave. Lockdowns and distant communications are returning. We hope that you and your friends and relatives will survive this time safely.

Now let us introduce this new issue.

Dr. Anna Mironova (Research Fellow, Institute for Social Policy, HSE University) and Dr. Alexander Tatarko (Chief Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, HSE University) present their paper, ‘Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries’. This study answers two related questions: (1) Do individuals’ worries and sufferings correlate with the acceptability of corruption from their perspectives? (2) Does this differ by country in terms of corruption levels? This study is based on the data from the 6th-wave World Value Survey. The authors have identified three groups of countries based on the different levels of the corruption perception index. It has been found that macro and micro worries have a significant relation with the acceptability of corruption. The more the people worry about themselves or their families, the more they accept corruption. In contrast, the people who worry about society are more likely to disapprove of corruption.

Evgeniya Polyakova (Junior Research Fellow at the Laboratory of Labor Market Studies, HSE University) and Dr. Mikhail Manokin (Senior Lecturer at the Journalism and Mass Media Department, Perm State University) present their study, ‘Cultural Professions in Modern-Day Russia: Statistical Portrait of the Workers’. The data from the ‘Comprehensive Monitoring of Living Conditions’ were used to illustrate the main differences in socio-demographic and occupational characteristics of culturally employed respondents and other professional groups. The findings show that a larger number of cultural workers among the respondents are librarians, archivists, teachers of music and art schools, linguists, museum workers, journalists, and writers. Most of them are highly educated married women in their forties or older who live predominantly in the Russian Federation’s largest regions, such as Moscow and St. Petersburg.

We publish a translated excerpt from the book, *Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy*, written by Jonathan Haskel (Professor of Economics at Imperial College London) and Stian Westlake (Executive Director of Policy and Research of Nesta, UK). The authors explore the shifts from tangible to intangible investments that have occurred in almost all developed countries over the last forty years. Increasing amounts of investment have been transferred to the areas of computer software, research and development, design, works of art, market research, learning, and new business processes. We publish the introductory chapter, ‘Valuation, the Old-Fashioned Ways: Or a Thousand Years in Essex’, where the authors discuss the meaning of investments, define the distinctions between tangible and intangible assets, and explain why some basic properties of intangible assets generate such dramatic changes in the contemporary economy. The chapter was translated by Yuri Kapturevsky.

Dr. Anastasia Kazun (Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University) and Sergei Pashakhin (Research Assistant at the Laboratory for Social and Cognitive Informatics, HSE University) present their paper, ‘“Alien Elections”: Neighboring State News on the 2018 Russian Presidential Elections’. They provide an analysis of 19.5k news messages collected from Russian-language Ukrainian news outlets covering the 2018 presidential elections in Russia. Using a mixed-method approach, the authors find three central angles: the focus on polls and election results, election preparations in Crimea,

and Vladimir Putin's victory. In relation to the public figures, the media coverage is predominantly neutral, while in relation to symbolic issues, this coverage is more prone to negativity and ideological bias.

Yuliya Kersha (Lecturer at the Department of Educational Programs, Institute of Education, HSE University) provides the analytical review, 'School Socioeconomic Composition as a Factor of Educational Inequality: Review of Measurement Approaches and Relation with Academic Outcomes.' The author offers a systematic analysis of relevant studies, with a focus on developing recommendations and directions for future empirical research. The author introduces the term *socioeconomic composition* and describes the main approaches used in its measurement.

Daria Lebedeva reviews the book, *Sci-Fi Worlds of Russian Hi-Tech*, written by Olga Bychkova, Boris Gladarev, Oleg Kharkhordin, and Zhanna Tsinman (St. Petersburg: EUSP Press, 2019; in Russian). Based on a large set of in-depth interviews with entrepreneurs from Russia, as well as Finland, Taiwan, and South Korea, the authors' focus is on the technopreneurs, who update the high-tech markets on their daily practices, ways of social interactions, worldviews, interactions with developers, technical prototypes, and themselves. Employing the concepts from the theory of practice and science and technology studies (STS), the authors have attempted to re-examine the life worlds of Russian technopreneurs and to align their individual narratives with the sociocultural context in which the daily life of developers is embedded.

Ilia Viatkin and Kristina Komarova (both from HSE University) present their study, 'A Loosening Grip: Why Do Autocracies Engage in the Neoliberalization of Their Welfare Sectors?' The authors employ three mutually nonexclusive theoretical perspectives—authoritarian legitimation, authoritarian modernization, and political economy—that suggest incentives that may motivate autocrats to retreat from the welfare sector. They have tested these theories on a sample of 42 autocracies active during the period 1980–2005. The results reveal that the authoritarian modernization theory has the highest explanatory power, as it identifies distinct pathways to public sector neoliberalization.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. А. Миронова, А. Н. Татарко

Психологические причины коррупции: роль тревоги¹

МИРОНОВА Анна Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: amironova@hse.ru

Данное исследование посвящено ответу на два вопроса: (1) связан ли опыт переживания тревоги индивида с приемлемостью для него коррупции? (2) отличается ли данная взаимосвязь в странах с разным уровнем коррупции? Мы сосредоточились на анализе связи макро- и микротревог с приемлемостью для индивида коррупционного поведения. Исследование основано на данных Шестой волны Всемирного обзора ценностей (World Value Survey). Для анализа были отобраны три группы стран на основе индекса восприятия коррупции: страны с низким уровнем коррупции (Австралия, Нидерланды, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция); страны со средним уровнем коррупции (Белоруссия, Китай, Южная Корея, Малайзия, Румыния); страны с высоким уровнем коррупции (Россия, Бразилия, Колумбия, Перу, Таиланд). Анализ проводился с использованием моделирования структурными уравнениями. Результаты исследования показали, что макро- и микротревоги имеют существенную взаимосвязь с приемлемостью коррупции. Согласно полученным результатам, чем больше человек беспокоится о себе или своей семье, тем больше он принимает коррупцию. Люди, которые беспокоятся об обществе в целом, с большей вероятностью не одобряют коррупцию. Однако значимость описанных взаимосвязей варьирует в зависимости от того, о какой группе стран идёт речь — с высокой, средней или низкой коррупцией. Для стран с низким уровнем коррупции значимой оказалась только связь между микротревогами и приемлемостью коррупции; для стран с высоким уровнем коррупции — только связь между макротревогами и приемлемостью коррупции; для стран со средним уровнем коррупции и для России приемлемость коррупции оказалась значимо связана как с микро-, так и с макротревогами.

Ключевые слова: приемлемость коррупции; страдание; тревоги микро- и макроуровня; индекс восприятия коррупции; межстрановой анализ; Всемирный обзор ценностей.

Введение

Коррупция является одной из наиболее актуальных проблем современности, затрагивает как развивающиеся, так и развитые страны мира. Международные организации позиционируют коррупцию как одну из основных проблем, препятствующих развитию стран во всём мире [Детье 2003]. Среди негативных последствий коррупции — обострение доходного нера-

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

ТАТАРКО Александр

Николаевич — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: atatarko@hse.ru

венства в обществе, замедление роста ВВП, сокращение инвестиций в экономику страны, нерациональное распределение государственных средств, незащищённость прав собственности [Gupta, Davoodi, Alonso-Terme 2002; Méon, Sekkat 2005; Lambsdorff 2006a]. В связи с этим борьба с коррупцией выступает одной из важнейших и непростых задач современности, что обуславливает актуальность исследований коррупционного поведения.

Коррупция, имея различные формы, представляет собой сложный социальный феномен. Так, она может приобретать как форму сделки, так иметь и односторонний характер [Morris 2011]. Среди способов односторонней коррупции — мошенничество, незаконное обогащение, хищение. В случае наличия договорённости между участниками такого рода деятельности коррупция проявляется в форме сделки. Если сделка подразумевает сетевой характер, то коррупция воплощается в лоббизме, блате, фаворитизме, nepotизме, реципрокности. В случае рыночной сделки коррупция приобретает формы взяточничества, откатов, вымогательства [Morris 2011]. Разнообразие коррупционного поведения свидетельствует о многогранности данного феномена.

В связи с этим довольно сложно сформулировать строгое определение того, что подразумевается под коррупцией. В научном дискурсе отсутствует единое и чёткое представление о том, что такое коррупция и каковы границы коррупционного поведения. Чаще всего коррупция определяется как злоупотребление служебным положением или властью в корыстных целях [Klaveren 1989; Park 2003; Svensson 2005; Lambsdorff 2006b]. Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции» (№ 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г.), «коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [О противодействии коррупции... 2008: ст. 1, п. 1(а)].

Уровень коррупции в обществе определяется различными факторами — политическими, экономическими, институциональными и социокультурными. При этом факторы коррупции могут анализироваться как на социетальном уровне, так и на уровне отдельных индивидов. Исследования показывают, что на уровне общества распространённость коррупции определяется следующими факторами: размер государственного сектора в экономике и наличие экономических свобод [Montinola, Jackman 2002; Graeff, Mehlkop 2003], уровень доходного неравенства [Jong-Sung, Khagram 2005], качество нормативного регулирования [Treisman 2000; Gerring, Thacker 2005; Svensson 2005], наличие конкуренции в экономике [Ades, Di Tella 1999; Sung, Chu 2003; Gerring, Thacker 2005], культурные традиции и ценностные установки [Davis, Ruhe 2003; Mansilla 2003; Park 2003; Welzel, Inglehart, Klingemann 2003; Bosco 2016; Kravtsova, Oshchepkov, Welzel 2017].

На индивидуальном уровне на вовлечённость в коррупцию влияют уровень образования и дохода, пол, возраст, брачный статус [Gupta, Davoodi, Alonso-Terme 2002; Heyneman 2004; Torgler, Valev 2006; 2010; Mosap 2008]. Проведённые исследования показали, что женщины осуждают коррупционное поведение больше, чем мужчины. С ростом уровня образования индивида его склонность к одобрению коррупционного поведения сокращается. Принадлежность к высшему экономическому классу способствует негативному восприятию коррупции. Люди, состоящие в браке, с большим неодобрением относятся к коррупции, чем люди с иным брачным статусом. Возраст индивида оказывает устойчивое влияние на одобрение коррупционного поведения. Чем старше становится индивид, тем реже он оправдывает коррупцию [Torgler, Valev 2006].

Значительная часть существующих исследований рассматривает коррупцию как особый вид социального явления. Однако коррупции как некоей части поведенческой системы индивида до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Выбор индивида в пользу участия в коррупционной деятельности может быть связан с различными факторами — моральными принципами, значимостью предполагаемой выгоды, давлением со стороны общества. При этом участники коррупционной деятельности далеко не всегда являются нечестными людьми, одобряющими коррупцию. Другими словами, выбор индивида в пользу коррупции в данной конкретной ситуации не всегда означает, что человек в целом толерантно или, более того, позитивно относится к коррупции. Его поведение может быть обусловлено обстоятельствами, снижающими моральные издержки нечестного поведения и позволяющими действовать неэтично; при этом индивид может продолжать воспринимать себя как честного человека. Это объясняется тем, что иногда влияние ситуационных факторов перевешивает моральные принципы и ценностные установки [Milgram 1963; Zimbardo 1969]. В качестве такого ситуативного фактора способно выступать страдание.

Взаимосвязь между нечестным поведением и страданием является глубоко укоренённой во многих культурных и религиозных практиках. Например, в христианстве [Сабиров 2001] и мусульманстве [Хасянов 2009] идея религиозного поста сводится к тому, что через страдания, обеспечиваемые путём лишений и ограничений, человек достигает духовного очищения от своих грехов, то есть страдание искупляет неэтичное с религиозной точки зрения поведение.

Взаимосвязь между страданием и неэтичным поведением подтверждается и психологическими исследованиями. Согласно имеющимся данным, люди, которые испытывали чувство вины за своё аморальное поведение, были более склонны к тому, чтобы подвергать себя страданиям, в том числе физическим [Bastian, Jetten, Fasoli 2011; Inbar et al. 2013]. Причинение себе боли в данном случае может быть механизмом, нейтрализующим чувство вины, вызванное неэтичным поведением [Nelissen, Zeelenberg 2009].

Таким образом, можно говорить о том, что влияние неэтичного поведения на страдание находит своё подтверждение в исследованиях. Но обнаруживается ли обратное влияние страдания на склонность к аморальному поведению?

Существующие исследования показывают, что состояние социальной или душевной боли способно увеличивать склонность человека к нечестному поведению [Poon, Chen, De Wall 2013]. Механизм этой связи может быть сведён к следующему: значительная часть людей разделяет мнение, что человек получает в жизни то, что заслуживает [Lerner 1980; Furnham 2003]. Испытывая страдания, люди склонны расценивать их как несправедливость по отношению к себе. Чтобы компенсировать несправедливость, человек решает позволить себе большее, оправдывая свою лояльность к нечестному поведению. Таким образом, люди более склонны к нечестному поведению, если воспринимают ситуацию как несправед-

ливую по отношению к себе. В этом случае неэтичное поведение является способом восстановления справедливости и, следовательно, воспринимается оправданным в сложившейся ситуации [Kouchaki, Desai 2015]. Например, у пациентов, страдающих хронической болью, обостряется чувство несправедливости. В связи с этим они пытаются восстановить справедливость, расширяя для себя границы дозволенного [Sullivan, Scott, Trost 2012; McParland, Eccleston 2013].

Несмотря на то что страдание и боль обычно рассматриваются как исключительно негативные явления, некоторые исследования показывают, что состояние страдания имеет и положительные стороны [Leknes, Bastian 2014]. Например, отсутствие способности чувствовать физическую боль выступает серьёзной проблемой. Люди, с такой врождённой неспособностью сталкиваются с многочисленными угрозами. В случае ожога такой человек не получает сигнала о том, что необходимо прекратить контакт с источником травмы и продолжает взаимодействовать с ним. Таким образом, физическая боль — важный предупредительный сигнал для организма [Leknes, Bastian 2014]. Аналогичные функции несёт социальная боль. Проявляемая в виде страданий, она играет роль сигнала о необходимости менять сложившуюся ситуацию. Кроме этого, страдание используется людьми в качестве возможности для демонстрации своих добродетелей — выносливости, терпеливости, самообладания [Bastian et al. 2014].

Страдание и приемлемость коррупции: гипотезы исследования

Связи между страданием и коррупцией на индивидуальном уровне посвящено ограниченное число исследований. Коррупционная деятельность имеет потенциально негативные последствия для участников коррупционной сделки, среди которых репутационные издержки, публичное осуждение, штрафы, в некоторых случаях — тюремное заключение [Zahra, Priem, Rasheed 2005]. В связи с наступлением подобных последствий коррупционеры могут испытывать страдания. На примере случаев коррупции в академической среде было показано, что студенты-спортсмены чаще всего испытывают страдания из-за трёх основных последствий разоблачения коррупционной деятельности: (1) негативное отношение окружающих; (2) санкции и (3) чувство потери, связанное с репутационными или финансовыми издержками [Kihl, Richardson, Campisi 2008]. Также обсуждалась связь между страданием пациентов и коррупцией в сфере здравоохранения. Было отмечено, что в условиях коррумпированности системы здравоохранения шансы получения качественного лечения и облегчения страданий больных людей часто определяются тем, будет ли пациент включаться в коррупционную деятельность [Chattopadhyay 2013].

Среди отечественных работ нам не встречались исследования, которые фокусируются именно на связи между страданием и коррупцией. В то же время вскользь данная проблематика затрагивается при рассмотрении феномена коррупции. Так, было установлено, что среди различных социальных категорий населения наибольшие моральные страдания, обусловленные коррупцией, испытывают интеллигенты и предприниматели [Жигун 2019]. В контексте анализа коррупции в сфере здравоохранения отмечалось, что человеческое страдание является ценой коррупции в сфере здравоохранения [Терешонок 2016].

Наше исследование посвящено анализу взаимосвязи между страданием индивида, измеренным на уровне тревог, и его толерантностью к нечестному поведению, в частности к коррупции.

В рамках данного анализа толерантность индивида к коррупции оценивается на основе показателя приемлемости коррупции, которая представляет собой совокупность позитивных индивидуальных установок по отношению к коррупции как средству достижения целей путём подкупа государственных должностных лиц [Tatarko et al. 2020].

В качестве индикатора страдания мы рассматриваем тревоги индивида, разделяемые на макро- и микротревоги. Для начала рассмотрим феномен тревоги и его связь со страданием, а также проанализируем особенности макро- и микротревог; затем обоснуем их связь с приемлемостью коррупции.

Несмотря на то что изучению состояния тревоги посвящено немало научных работ, однозначное толкование данного термина в научном дискурсе отсутствует. Тревогу, как правило, связывают с ситуацией неопределённости. Так, согласно Д. А. Леонтьеву, тревога представляет собой «своего рода эмоциональный аккомпанемент неустранимой неопределённости будущего» [Леонтьев 2003]. Помимо ситуации неопределённости, важным атрибутом тревожности выступает ощущение беспомощности. З. Фрейд отмечает, что тревога является первичной реакцией человека на состояние беспомощности [Фрейд 2006: 308]. В то же время тревога как ситуативное переживание бывает связана с изменением политического строя, с экономическими или социальными преобразованиями в обществе, которые для индивида могут означать материальную нестабильность и угрозу безопасности [Кононов 2016]. В данном исследовании под тревогой мы будем понимать состояние индивида, при котором он, находясь в ситуации неопределённости, обеспокоен возможностью наступления негативных событий в различных сферах жизни — здоровье, безопасность, окружающая среда, личные взаимоотношения и т. д. Причём эти негативные события могут касаться как самого индивида, так и его ближайшего окружения, страны и мира в целом.

Состояние тревоги связано с переживанием страдания. Согласно одному из определений страдание представляет собой сильную эмоциональную реакцию, вызванную чем-то, что угрожает самости или целостности человека в отношении его физического, эмоционального или душевного состояния [Hickman, Tilden, Tolle 2004: 21]. С одной стороны, переживание страдания в высшей степени субъективно и лично [Starck, McGovern 1992]. С другой стороны, человеческое страдание имеет биологические корни, поэтому является универсальным переживанием для всех людей [Breggin 2014]. Тревога как негативно окрашенное эмоциональное переживание способна выступать причиной страдания индивида. Исследования свидетельствуют о том, что тревоги наряду с физической болью и другими неприятными симптомами рассматриваются как фактор, вызывающий страдание [Charman, Gavrin 1993; 1999]. Даже у людей, испытывающих проблемы со здоровьем, страдание может быть обусловлено не столько объективным состоянием, сколько субъективным восприятием и интерпретацией ощущаемых симптомов. В частности, люди в некоторых случаях страдают даже от незначительного физического дискомфорта, если интерпретируют своё состояние как проявление опасного прогрессирующего заболевания [Kahn, Steeves 1986]. Таким образом, тревога может не только усугублять страдания, вызванные объективными обстоятельствами (например, физической болью), но и быть самостоятельной причиной страдания.

Основываясь на классификации тревог, предложенной К. Бёнке с коллегами [Boehnke et al. 1998], в общей совокупности тревог мы выделяем микро- и макротревоги в зависимости от того, кто или что является объектом, вызывающим обеспокоенность индивида. Микротревоги — это тревоги, касающиеся непосредственно самого индивида или его ближайшего окружения (семьи, друзей, знакомых), то есть в случае микротревог объектом беспокойства выступает сам индивид или те, с кем он тесно связан. Макротревоги — это тревоги об обществе, о стране, о мире в целом. В этом случае объектом беспокойства являются сущности, внешние по отношению к индивиду. В то же время необходимо отметить, что разделение на макро- и микротревоги является условным. Например, макротревоги, связанные с опасением по поводу вступления страны в войну, могут быть расценены как беспокойство о личной безопасности и безопасности своего ближайшего окружения, что позволяет отнести это беспокойство к микротревогам. Однако для простоты анализа в данном исследовании будем придерживаться разделения на тревоги макро- и микроуровня.

Микротревоги отрицательно связаны с удовлетворённостью жизнью и общим психическим здоровьем. Данная зависимость представляет собой сложную многонаправленную связь. С одной стороны, микротревоги сами могут выступать в качестве причины плохого психологического состояния [Boehnke et al. 1998]. Чем больше человек тревожится относительно различных проблем, касающихся непосредственно его самого или его близких, тем хуже он адаптируется к сложившимся обстоятельствам и тем выше негативные эффекты для его психологического самочувствия [Brown et al. 1993; Molina, Borkovec 1994; Tallis, Davey, Bond 1994]. С другой стороны, микротревоги в некоторых случаях являются следствием плохого психического здоровья. Например, депрессивные люди острее ощущают озабоченность различными проблемами [Boehnke et al. 1998]. Таким образом, микротревоги зачастую связаны с наличием психологических проблем. Значит, имея микротревоги, человек испытывает определённого рода страдание. Страдание, в свою очередь, как было показано ранее, повышает вероятность аморального поведения. Следовательно, допустимо предположить, что микротревоги положительно связаны с приемлемостью коррупции.

Гипотеза 1 (H 1). Микротревоги положительно связаны с приемлемостью коррупции.

Что касается макротревог, то исследования показывают, что беспокойство о проблемах, внешних по отношению к индивиду и его близкому окружению, положительно связано с субъективным благополучием индивида и свидетельствует о его хорошем психологическом самочувствии [Doctor, Goldenring, Powell 1987; Griffin, Prior 1990; Boehnke et al. 1994]. Это объясняется тем, что люди, находящиеся в плохом психологическом состоянии, как правило, погружены в решение своих личных проблем, в связи с чем у них не остаётся энергии на внимание к проблемам макроуровня. Напротив, те люди, которые не испытывают психологических проблем, имеют больше психологических ресурсов для обращения к внешнему миру и в большей степени озабочены его проблемами [Hamilton et al. 1989]. Исходя из этого, мы можем предположить, что человек, испытывающий макротревоги, будет склонен меньше одобрять коррупцию. Другими словами, макротревоги будут отрицательно коррелировать с приемлемостью коррупции.

Гипотеза 2 (H 2). Макротревоги отрицательно связаны с приемлемостью коррупции.

Методика исследования

Исследование основано на данных шестой волны Всемирного обзора ценностей за 2011 г. (World Value Survey). Страны были сгруппированы на основе индекса восприятия коррупции, который отражает уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран [Россия в Индексе восприятия коррупции...], а также с учётом наличия и качества данных по анализируемым переменным. Для анализа были отобраны три группы стран — с низким уровнем коррупции (Австралия, Нидерланды, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция), со средним уровнем коррупции (Белоруссия, Китай, Южная Корея, Малайзия, Румыния), с высоким уровнем коррупции (Россия, Бразилия, Колумбия, Перу, Таиланд). Выборка включает 23 144 индивида; из них 7398 — респонденты из стран с низким уровнем коррупции, 7838 — респонденты из стран со средним уровнем коррупции, 7908 — респонденты из стран с высоким уровнем коррупции. Подробные характеристики выборки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики выборки исследования

Страна	N	Доля (%)		Возраст (среднее значение и стандартное отклонение)
		Мужчины	Женщины	
Страны с низким уровнем коррупции, в том числе:	7398	45,3	54,7	49,2 (17,8)
Австралия	1477	44,2	55,8	53,9 (16,8)
Нидерланды	1902	46,5	53,5	53,3 (16,4)
Новая Зеландия	841	42,3	57,7	51,4 (16,9)
Сингапур	1972	45,1	54,9	41,9 (16,6)
Швеция	1206	47,2	52,8	47,4 (19,4)
Страны со средним уровнем коррупции, в том числе:	7838	47,4	52,6	44,1 (15,9)
Белоруссия	1535	44,7	55,3	44,4 (17,1)
Китай	2300	49,0	51,0	43,9 (15,0)
Южная Корея	1200	49,3	50,7	43,2 (14,9)
Малайзия	1300	51,4	48,6	40,0 (14,0)
Румыния	1503	42,8	57,2	48,4 (17,2)
Страны с высоким уровнем коррупции, в том числе:	7908	46,2	53,8	43,2 (16,3)
Россия	2500	44,6	55,4	46,1 (17,4)
Бразилия	1486	37,6	62,4	42,8 (16,4)
Колумбия	1512	49,6	50,4	40,4 (15,8)
Перу	1210	50,2	49,8	39,4 (16,4)
Таиланд	1200	52,3	47,7	45,2 (12,3)
Итого	23 144	46,3	53,7	45,4 (16,9)

В качестве зависимой переменной использовался следующий вопрос: «Насколько, по Вашему мнению, то, о чём говорится, заслуживает оправдания: “Получение взятки, используя служебное положение”» (1 — никогда не оправдано... 10 — всегда оправдано). В качестве основных факторов, влияющих на индивидуальную приемлемость коррупции, выступают тревоги микро- и макроуровня.

Микротревоги оценивались на основе следующих утверждений: «В какой степени Вас беспокоит...»

- «...вероятность потерять работу или не найти работу»;
- «...невозможность дать детям хорошее образование»;
- «...то, что правительство прослушивает телефоны, читает почту и электронные письма».

Макротревоги оценивались на основе таких утверждений, как: «В какой степени Вас беспокоит...»

- «...война в Вашей стране»;
- «...атаки террористов»;
- «...гражданская война».

Каждая из ситуаций, отражающих тревоги индивидов, оценивалась респондентами на основе 4-балльной шкалы, где 1 — совершенно не беспокоит, 4 — очень беспокоит.

Надёжность полученных шкал макро- и микротревог проверялась на основе коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха: «микротревоги» $\alpha = 0,730$ (3 пункта), «макротревоги» $\alpha = 0,931$ (3 пункта). Данные коэффициенты свидетельствуют о согласованности шкал.

Среди контрольных переменных использованы социально-демографические характеристики респондентов: пол, возраст, уровень образования. Анализ взаимосвязи между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции производился с использованием моделирования структурными уравнениями (*structural equation modeling*).

На первом этапе исследования анализируемые переменные (приемлемость коррупции, микро- и макротревоги) были «очищены» от влияния социально-демографических факторов (пол, возраст, уровень образования) с помощью регрессионного анализа.

На втором этапе проводилось моделирование структурными уравнениями для оценки зависимости одобрения коррупции от микро- и макротревог. Обработка данных проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS 20.0 и AMOS 20.0.

Результаты исследования

В таблице 2 представлены описательные статистики анализируемых переменных по трём группам стран. Все различия оказались статистически значимыми на уровне $p < 0,001$.

Таблица 2

Средние значения анализируемых переменных

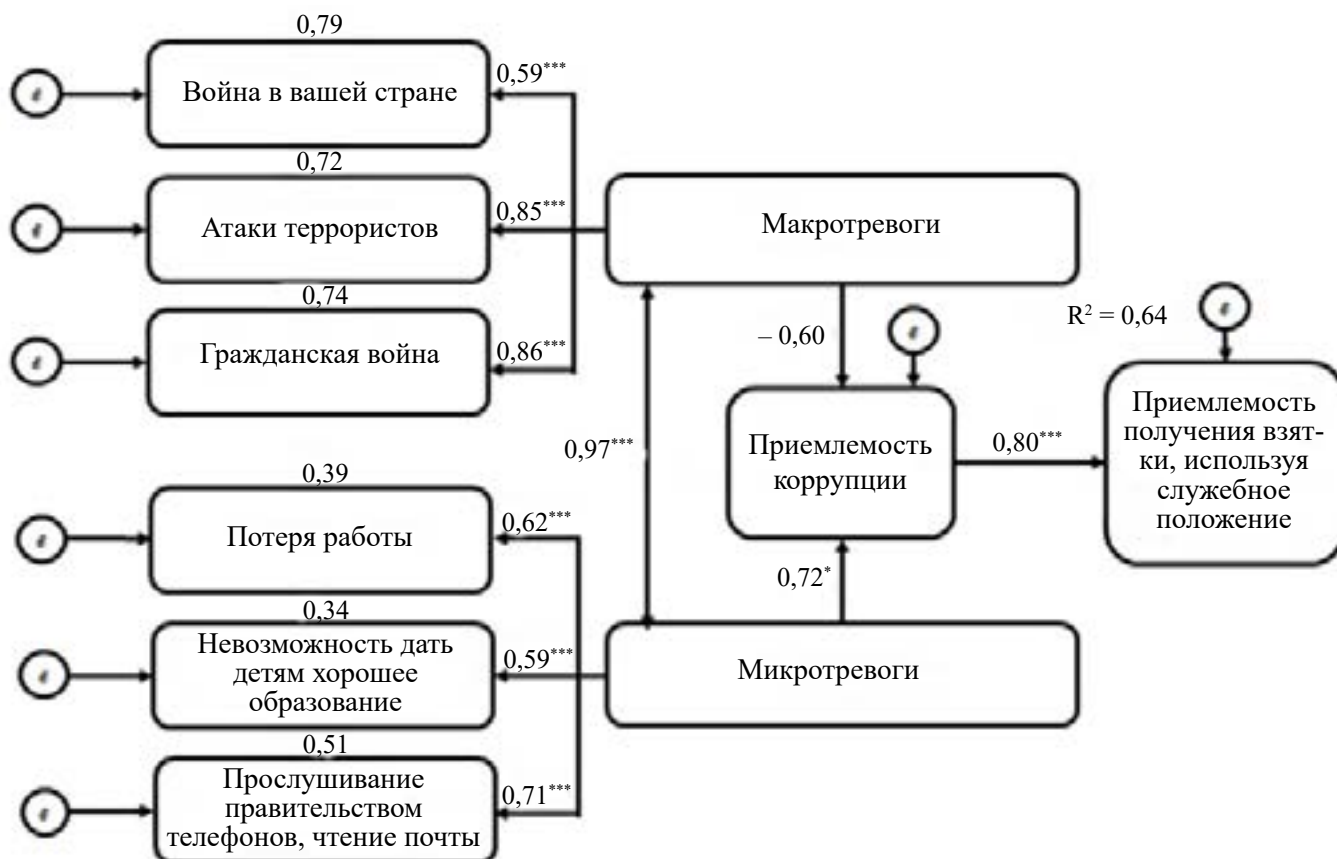
Переменная	Среднее значение		Стандартное отклонение	
	(группа стран с низким, средним и высоким уровнем коррупции)		(группа стран с низким, средним и высоким уровнем коррупции)	
Индекс восприятия коррупции*	9,09		0,24	
	3,75		0,91	
	3,15		0,54	
Приемлемость коррупции	1,79		1,68	
	1,95		1,80	
	1,80		1,63	
Микротревоги				
Вероятность потерять работу или не найти работу	2,22		1,08	
	2,99		1,02	
	3,02		1,09	
Невозможность дать детям хорошее образование	2,15		1,12	
	3,05		0,97	
	3,13		1,03	
То, что правительство прослушивает телефоны, читает почту и электронные письма	1,86		0,96	
	2,62		1,08	
	2,46		1,17	
Макротревоги				
Война в Вашей стране	1,94		1,00	
	2,88		1,00	
	3,02		1,10	
Атаки террористов	2,10		0,97	
	2,86		1,03	
	3,12		0,98	
Гражданская война	1,70		0,97	
	2,81		1,05	
	2,87		1,04	

* Индекс восприятия коррупции варьирует от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 10 (самый низкий уровень коррупции).

Как видно из таблицы 2, наибольший уровень приемлемости коррупции наблюдается не в странах с высоким индексом её восприятия, как можно было бы ожидать, а в странах со средним уровнем индекса воспринимаемой коррупции. Наибольшую озабоченность тревогами макро- и микроуровня в основном демонстрируют респонденты из стран с высоким уровнем индекса восприятия коррупции. Исключение составляет тревога, связанная с тем, что правительство прослушивает телефоны, читает почту и электронные письма; по этому поводу больше беспокоятся в странах со средним уровнем коррупции. В целом можно сказать, что чем выше уровень коррупции, тем сильнее выраженность тревог.

Проведя анализ взаимосвязи между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции, мы получили следующие результаты: страдание, измеренное на основе тревог, имеет значимую взаимосвязь с приемлемостью коррупции. Показатели качества полученной модели являются приемлемыми и свидетельствуют о статистической достоверности полученных результатов. При этом результаты разнятся в зависимости от того, о какой группе стран идёт речь.

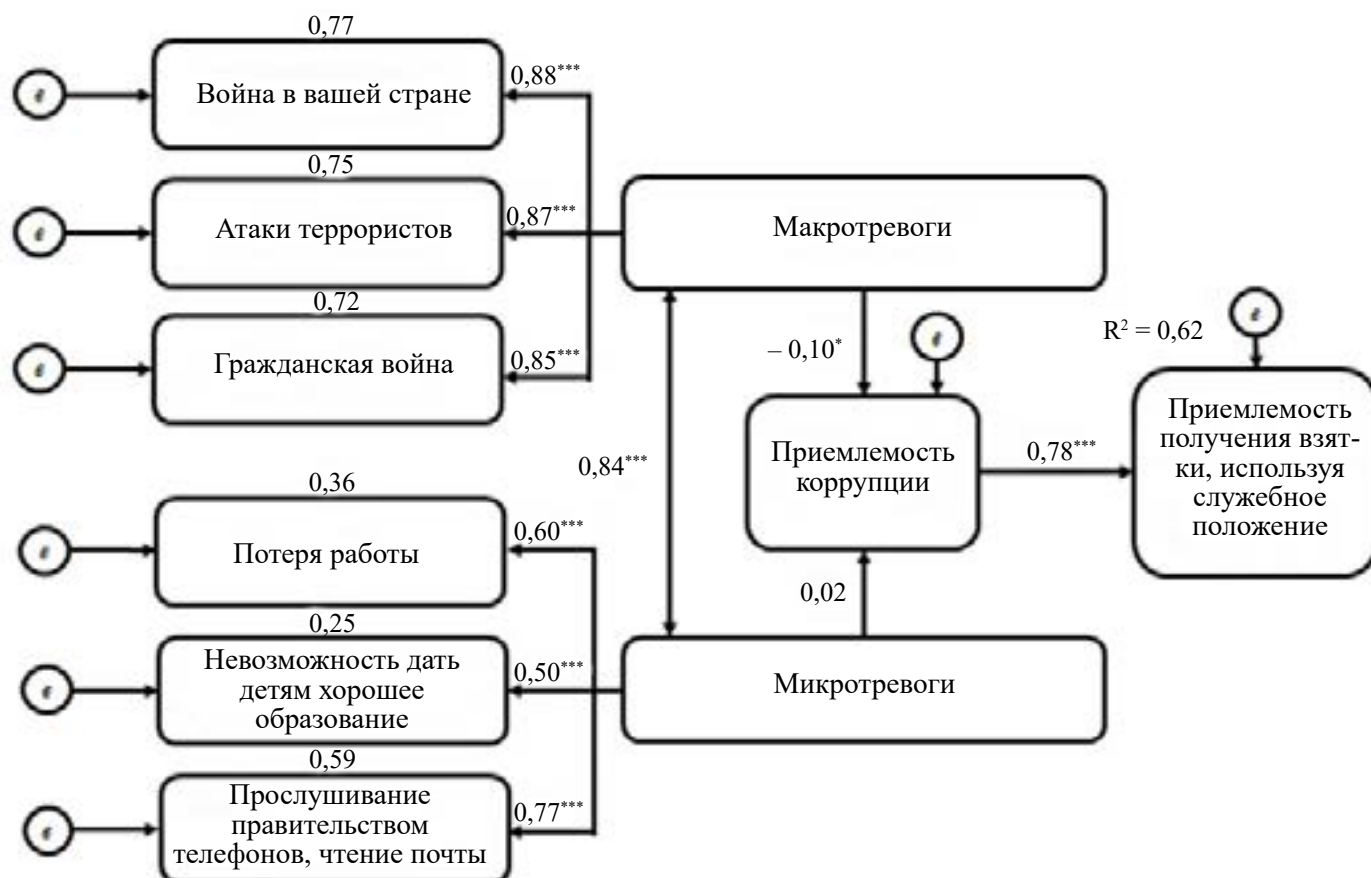
В странах с низким уровнем коррупции (Австралия, Нидерланды, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция) значимой оказалась только связь между микротревогами и приемлемостью коррупции. Связь макротревог и приемлемости коррупции оказалась статистически незначимой (см. рис. 1).

Примечание: CFI = 0,97; RMSEA = 0,045; PCLOSE = 1; *p < 0,05; ** p < 0,01, ***p < 0,001; $\chi^2 / df = 54$.

Рис. 1. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в странах с низким уровнем коррупции

В странах с высоким уровнем коррупции (Россия, Бразилия, Колумбия, Перу, Таиланд), напротив, незначимой оказалась связь между микротревогами и приемлемостью коррупцией, а макротревоги продемонстрировали значимую взаимосвязь с приемлемостью коррупции (см. рис. 2).

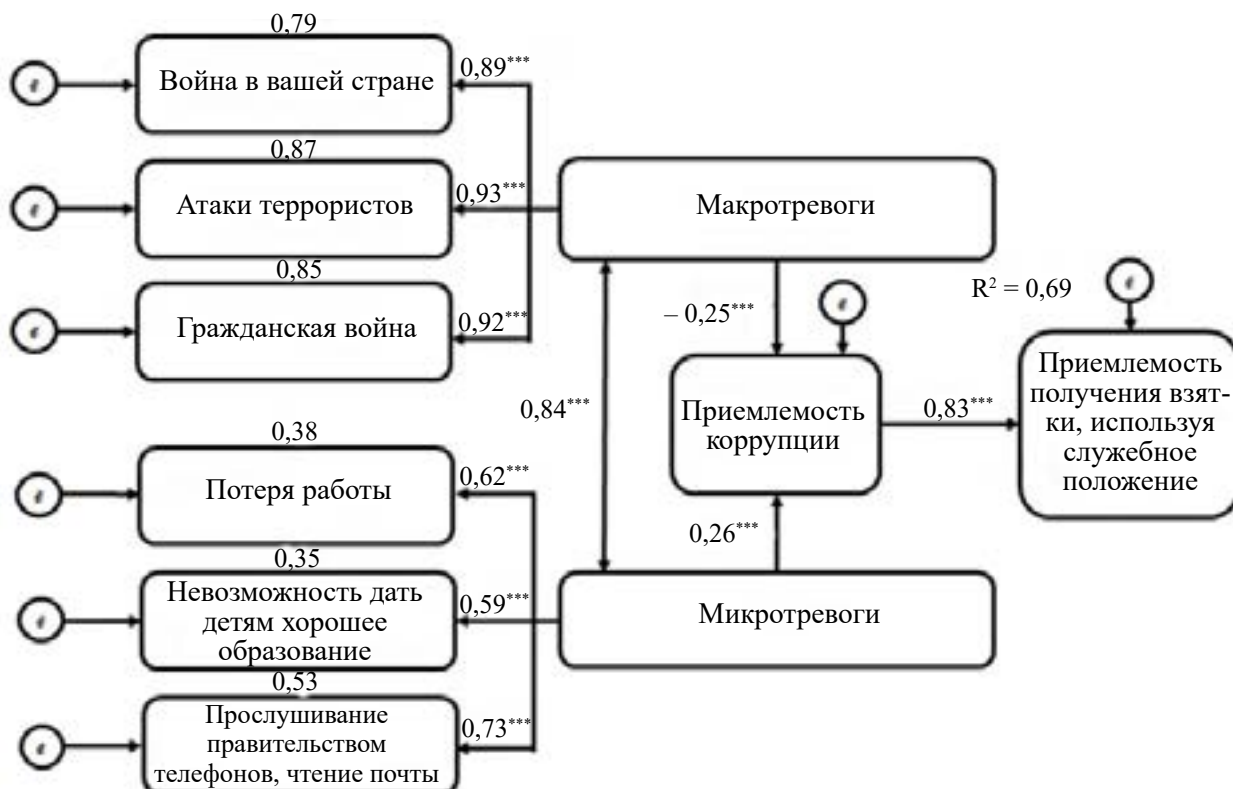
Примечание: CFI = 0,97; RMSEA = 0,045; PCLOSE = 1; *p < 0,05; ** p < 0,01, ***p < 0,001; x²/ df = 54.

Рис. 2. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в странах с высоким уровнем коррупции

Наибольшая значимость связей между макро- и микротревогами и приемлемостью коррупции, предполагаемых моделью данного исследования, характерна для стран со средним уровнем коррупции (Белоруссия, Китай, Южная Корея, Малайзия, Румыния). В этой группе стран статистически значимая связь с приемлемостью коррупции обнаруживается как для микро-, так и для макротревог (см. рис. 3).

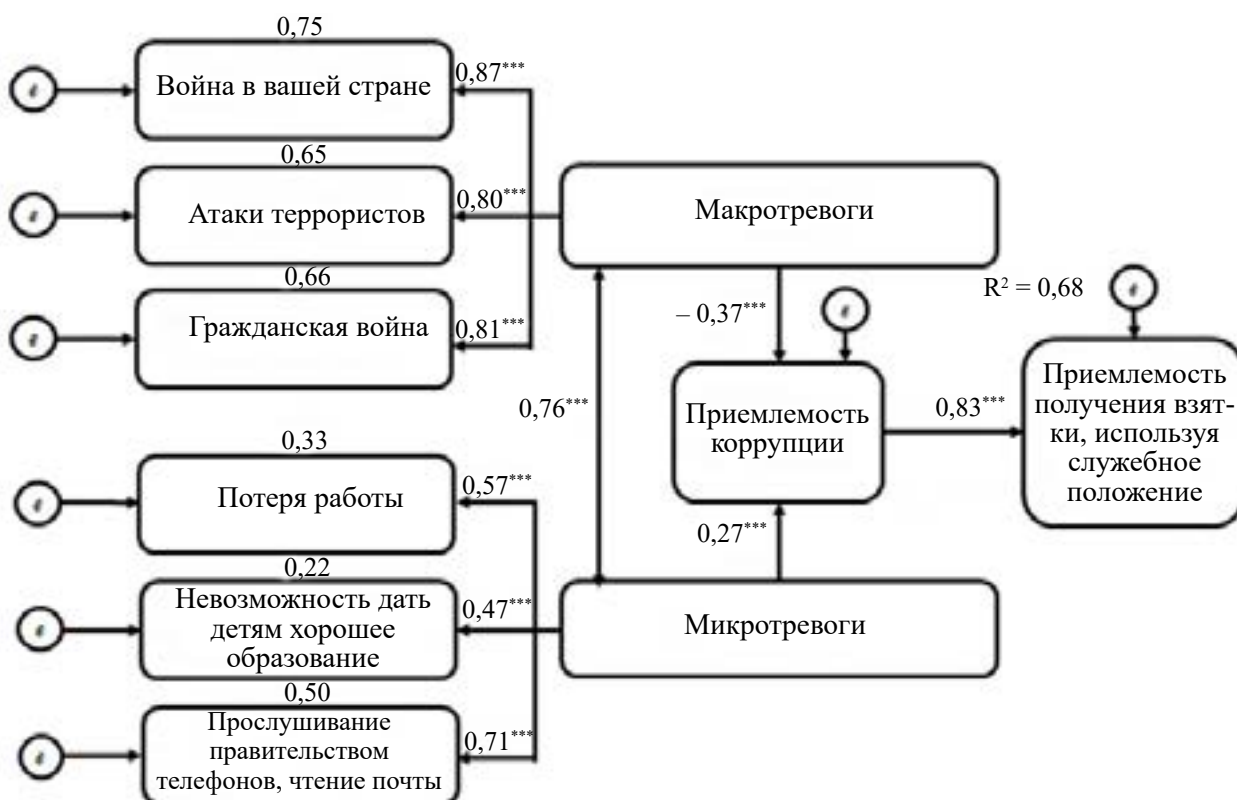
Общим для всех групп стран является направление связей между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции. Как и предполагалось, микротревоги положительно связаны с приемлемостью коррупции (H 1), а макротревоги — отрицательно (H 2). Таким образом, выдвинутые нами гипотезы получили частичное подтверждение и в отношении направления связей, и в отношении значимости этих связей.

Что касается России, то, несмотря на то что по уровню индекса воспринимаемой коррупции она относится к группе стран с высоким уровнем коррупции, результаты моделирования оказались более близкими к странам со средним уровнем индекса воспринимаемой коррупции (см. рис. 4).

Примечание: CFI = 0,97; RMSEA = 0,045; PCLOSE = 1; * p < 0,05; ** p < 0,01; ***p < 0,001; x² / df = 54.

Рис. 3. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в странах со средним уровнем коррупции

Примечание: CFI = 0,97; RMSEA = 0,045; PCLOSE = 1; * p < 0,05; ** p < 0,01; ***p < 0,001.

Рис. 4. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в России

Результаты исследования и их обсуждение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- состояние, когда индивид испытывает макро- или микротревоги, имеет существенную связь с тем, насколько для него приемлема коррупция;
- обеспокоенность проблемами микроуровня (личные проблемы, проблемы своей семьи и близкого окружения) повышает склонность индивида более лояльно относиться к коррупции;
- макротревоги (обеспокоенность относительно проблем страны и общества в целом) порождают неодобительное отношение к коррупции;
- для стран с низким уровнем коррупции значимость была обнаружена только для связи между микротревогами и приемлемостью коррупции; для стран с высоким уровнем коррупции — только для связи между макротревогами и приемлемостью коррупции; для стран со средним уровнем коррупции, а также для России приемлемость коррупции имеет значимую связь как с микро-, так и с макротревогами.

Таким образом, наряду с положительными аспектами, которые обсуждались ранее, страдание, измеренное на уровне тревог, имеет и «тёмную сторону». Как показало наше исследование, социальное страдание, измеренное через тревоги, повышает приемлемость такого вида нечестного поведения, как коррупция. При этом механизм взаимосвязи тревог с одобрением коррупции различается в зависимости от того, к какому уровню относятся тревоги индивида (микро- или макротревоги).

Когда речь идёт о тревогах микроуровня, то имеет место положительная связь с приемлемостью коррупции. Другими словами, чем больше человек беспокоится о себе или о своём непосредственном окружении (о семье, друзьях, знакомых), тем больше он склонен оправдывать коррупционное поведение. Например, в случае, когда человек остаётся безработным и не имеет возможности обеспечивать свою семью, он начинает более лояльно относиться к коррупции, возможно, рассматривая её как способ решения проблем. Таким образом, страдания, обусловленные тревогами о себе и своих близких, в некотором смысле оправдывают коррупцию как разновидность нечестного поведения.

Ситуация с макротревогами иная. Люди, которые беспокоятся о своей стране или об обществе в целом, с большей вероятностью не одобряют коррупционное поведение. Возможно, это связано с тем, что люди не чувствуют, что могут самостоятельно повлиять на ситуацию, вызывающую макротревогу (в отличие от микротревоги). Следовательно, коррупция в данном случае оценивается не как возможный способ решения проблем, а как абстрактное социальное явление, имеющее негативные последствия для общества. Кроме того, как отмечалось ранее, озабоченность проблемами макроуровня (мировыми проблемами, проблемами страны), как правило, присуща людям, которые не имеют значительных проблем на микроуровне. Таким образом, выраженная озабоченность проблемами макроуровня может косвенно свидетельствовать о благополучии индивида.

Описанные взаимосвязи между приемлемостью коррупции и тревогами не являются универсальными для всех стран. Это объясняется тем, что социальные нормы, основанные на культурных ценностях данного социума, усваиваются индивидом и оказывают значимое влияние на его лояльность к коррупционному поведению. В основе деятельности любого человека лежат его внутренние мотивы, обусловленные во многом степенью интернализации социальных норм, которые, в свою очередь, определяются культурными ценностями данного конкретного общества. Эмпирические исследования по-

казали, что склонность индивида к коррупционному поведению варьируется в зависимости от степени распространённости коррупции в стране проживания индивида [Barr, Serra 2010].

Оказалось, что в странах с высоким уровнем коррупции микротревоги не имеют статистически значимой взаимосвязи с приемлемостью коррупции, то есть как для тех, кто сильно озабочен проблемами микроуровня, так и для тех, кого они не сильно волнуют, приемлемость коррупции находится примерно на одном уровне. Это может быть связано с тем, что в этой группе стран сама коррупция является обыденным явлением. Как показывают исследования, люди, которые социализировались в странах с высоким уровнем коррупции, в целом более лояльно воспринимают коррупционное поведение, чем те, кто воспитывался в обществах, где коррупция представляет собой редкое явление [Barr, Serra 2010]. Например, в России, стране с высоким уровнем коррупции, одним из свойств массового сознания выступает терпимое отношение к коррупции как к повсеместному, неизбежному и неискоренимому процессу. В связи с этим акты коррупции не вызывают жёсткого осуждения со стороны членов общества. Кроме этого, в отношении к коррупции обнаруживается проявление системы двойных стандартов. Это выражается в том, что личная включённость в коррупционную деятельность или включённость родных и близких воспринимается как вынужденная реакция на сложившиеся обстоятельства. В то время как подобное поведение со стороны посторонних людей осуждается [Журавлев, Юревич 2012]. Таким образом, представители стран с высоким уровнем коррупции воспринимают её как часть обыденной жизни, и зачастую сами в ней участвуют.

Однако при этом в странах с высоким уровнем коррупции свою значимость продемонстрировала связь между макротревогами и коррупцией. Это может быть связано с тем, что именно в странах, где распространена коррупция, опасность внешних макроугроз (например, войны) воспринимается людьми наиболее остро. В этих условиях коррупция на уровне страны может расцениваться как явление, подрывающее государственную безопасность. В связи с этим макротревоги выступают значимым дифференцирующим фактором приемлемости коррупционного поведения.

В странах с низким уровнем коррупции акты коррупционной деятельности — редкость. Кроме этого, в данную группу, как правило, входят экономически благополучные страны. Как показывают исследования, по мере роста уровня благосостояния общества уровень коррупции в нём снижается [Фишер 2012]. Это может означать, что озабоченность макротревогами, рассматриваемыми в данном исследовании (террористические атаки и войны), несущественна. Исходя из этого связь макротревог с приемлемостью коррупции оказалась статистически незначимой. Однако при этом взаимосвязь микротревог и приемлемостью коррупции продемонстрировала свою значимость. Это может быть связано с тем, что в экономически благополучных странах, к которым чаще всего относятся страны с низким уровнем коррупции, широкое распространение имеют ценности постматериализма [Лига 2015]. Распространённость постматериалистических ценностей связана с усилением индивидуализма, что может объяснять значимость микротревог в модели для стран с низким уровнем коррупции [Kravtsova, Oshchepkov, Welzel 2017].

Ограничения исследования

Проведённое исследование имеет следующие ограничения:

- приемлемость для индивида коррупции оценивалась абстрактно безотносительно включённости его самого в коррупционную деятельность;
- полученная модель связи между макро- и микротревогами и приемлемостью коррупции не является инвариантной;

- разделение на макро- и микротревоги условно. Так, макротревоги, связанные с опасением по поводу вступления страны в войну, могут быть расценены как тревоги относительно личной безопасности и безопасности своего ближайшего окружения. В этом случае данный вид тревоги можно позиционировать как микротревогу;
- влияние индексов микро- и макротревог на приемлемость коррупции может быть опосредовано рядом институциональных, культурных и личностных факторов, которые не учтены в представленных моделях.

Литература

- Детье Ж. 2003. Коррупция в странах СНГ-7. *Всемирный банк*. URL: <http://web.worldbank.org/archive/website00504/WEB/PDF/DETHIE-8.PDF>
- Жигун Л. А. 2019. Социологический анализ коррупции. В сб.: Абрамов Р. А., Минашкин В. Г. (ред.) *Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы*. М.: Изд. дом «Третьяковъ»; 123–127.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. 2012. Коррупция в современной России: психологический аспект. *Знание. Понимание. Умение*. 2: 56–65.
- Кононов А. Н. 2016. Феномен тревоги о будущем как отдельное понятие в психологической науке. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 4 (38): 173–179.
- Леонтьев Д. А. 2003. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться. *Московский психотерапевтический журнал*. 2: 107–119. URL: http://psylib.org.ua/books/_leond03.htm
- Лига М. Б. 2015. Качество жизни и постматериалистические ценности. *Ползуновский вестник*. 3: 222–229.
- О противодействии коррупции. 2008. *Федеральный закон*. 25 декабря (№ 273-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
- Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137-е место. *Transparency International*. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballovo-i-137-mesto.html>
- Сабиров В. Ш. 2001. Проблема добра и зла в христианской этике. *Человек*. 5: 125–135.
- Терешонок Т. А. 2016. Коррупция в сфере здравоохранения. *Плехановский барометр*. 4: 21–24.
- Фишер Р. 2012. Прикладная кросс-культурная психология социальных изменений и развития общества: на примере исследования благополучия и коррупции. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 9 (2): 23–42.
- Фрейд З. 2006. Истерия и страх. В изд.: Фрейд З. *Собрание сочинений*: В 10 т. Т. 6. М.: Фирма СТД.

- Хасянов О. Р. 2009. Традиция празднования мусульманских праздников: вчера и сегодня (на материалах села Поповка). *Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии*. 2 (9): 102–104.
- Ades A., Di Tella R. 1999. Rents, Competition, and Corruption. *American Economic Review*. 89 (4): 982–993.
- Barr A., Serra D. 2010. Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*. 94 (11–12): 862–869.
- Bastian B. et al. 2014. The Positive Consequences of Pain: A Biopsychosocial Approach. *Personality and Social Psychology Review*. 18 (3): 256–279.
- Bastian B., Jetten J., Fasoli F. 2011. Cleansing the Soul by Hurting the Flesh: The Guilt-Reducing Effect of Pain. *Psychological Science*. 22 (3): 334–335.
- Boehnke K. et al. 1998. The Structure and Dynamics of Worry: Theory, Measurement, and Cross-National Replications. *Journal of Personality*. 66 (5): 745–782.
- Bosco B. 2016. Old and New Factors Affecting Corruption in Europe: Evidence from Panel Data. *Economic Analysis and Policy*. 51: 66–85.
- Breggin P. R. 2014. *Guilt, Shame, and Anxiety: Understanding and Overcoming Negative Emotions*. New York: Prometheus Books.
- Brown T. A. et al. 1993. Diagnostic and Symptom Distinguishability of Generalized Anxiety Disorder and Obsessive-Compulsive Disorder. *Behavior Therapy*. 24 (2): 227–240.
- Chapman C. R., Gavrin J. 1993. Suffering and Its Relationship to Pain. *Journal of Palliative Care*. 9 (2): 5–13.
- Chapman C. R., Gavrin J. 1999. Suffering: The Contributions of Persistent Pain. *The Lancet*. 353 (9171): 2233–2237.
- Chattopadhyay S. 2013. Corruption in Healthcare and Medicine: Why Should Physicians and Bioethicists Care and What Should They Do. *Indian Journal of Medical Ethics*. 10 (3): 153–159.
- Davis J. H., Ruhe J. A. 2003. Perceptions of Country Corruption: Antecedents and Outcomes. *Journal of Business Ethics*. 43 (4): 275–288.
- Doctor R. M., Goldenring J. M., Powell A. 1987. Adolescents' Attitudes about Nuclear War. *Psychological Reports*. 60 (2): 599–614.
- Furnham A. 2003. Belief in a Just World: Research Progress over the Past Decade. *Personality and Individual Differences*. 34 (5): 795–817.
- Gerring J., Thacker S. C. 2005. Do Neoliberal Policies Deter Political Corruption? *International Organization*. 59 (1): 233–254.
- Graeff P., Mehlkop G. 2003. The Impact of Economic Freedom on Corruption: Different Patterns for Rich and Poor Countries. *European Journal of Political Economy*. 19 (3): 605–620.

- Griffin M., Prior M. 1990. Young People and the Nuclear Threat. *Journal of Youth Studies*. 7 (2): 40–43.
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. 2002. Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? *Economics of Governance*. 3 (1): 23–45.
- Hamilton S. B. et al. 1989. Relationships between the Life Values of US College Students and Their Cognitive/Affective Responses to the Threat of Nuclear War. *Journal of Adolescence*. 12 (1): 55–68.
- Heyneman S. P. 2004. Education and Corruption. *International Journal of Educational Development*. 24 (6): 637–648.
- Hickman S. E., Tilden V. P., Tolle S. W. 2004. Family Perceptions of Worry, Symptoms, and Suffering in the Dying. *Journal of Palliative Care*. 20 (1): 20–27.
- Inbar Y. et al. 2013. Moral Masochism: On the Connection Between Guilt and Self-Punishment. *Emotion*. 13 (1): 14–18.
- Jong-Sung Y., Khagram S. 2005. A Comparative Study of Inequality and Corruption. *American Sociological Review*. 70 (1): 136–157.
- Kahn D. L., Steeves R. H. 1986. The Experience of Suffering: Conceptual Clarification and Theoretical Definition. *Journal of Advanced Nursing*. 11 (6): 623–631.
- Kihl L. A., Richardson T., Campisi C. 2008. Toward a Grounded Theory of Student-Athlete Suffering and Dealing with Academic Corruption. *Journal of Sport Management*. 22 (3): 273–302.
- Klaveren J. van. 1989. The Concept of Corruption. In: Heidenheimer A. J., Johnston M., LeVine V. T. (eds). *Political Corruption: A Handbook*. New Brunswick: Transaction Publishers; 25–28.
- Kouchaki M., Desai S. D. 2015. Anxious, Threatened, and Also Unethical: How Anxiety Makes Individuals Feel Threatened and Commit Unethical Acts. *Journal of Applied Psychology*. 100 (2): 360–375.
- Kravtsova M., Oshchepkov A., Welzel C. 2017. Values and Corruption: Do Postmaterialists Justify Bribery? *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 48 (2): 225–242.
- Lambsdorff J. G. 2006a. Causes and Consequences of Corruption: What do We Know From a Cross-Section of Countries? In: Rose-Ackerman S. (ed.) *International Handbook on the Economics of Corruption*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, Inc.; 3–51.
- Lambsdorff J. G. 2006b. Measuring Corruption: The Validity and Precision of Subjective Indicators (CPI). In: Sampford Ch. et al. (eds) *Measuring Corruption*. Hampshire, UK: Ashgate Publishing Ltd; 81–100.
- Leknes S., Bastian B. 2014. The Benefits of Pain. *Review of Philosophy and Psychology*. 5 (1): 57–70.
- Lerner M. 1980. *The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion*. New York, NY: Plenum.
- Mansilla H. 2003. The Traditional Mentality as an Obstacle to Democratization in Bolivia. *Psicología Política*. 26: 25–40.

- McParland J. L., Eccleston C. 2013. "It's Not Fair": Social Justice Appraisals in the Context of Chronic Pain. *Current Directions in Psychological Science*. 22 (6): 484–489.
- Méon P. G., Sekkat K. 2005. Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? *Public Choice*. 122 (1–2): 69–97.
- Milgram S. 1963. Behavioral study of obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 67 (4): 371–378.
- Mocan N. 2008. What Determines Corruption? International Evidence from Microdata. *Economic Inquiry*. 46 (4): 493–510.
- Molina S., Borkovec T. D. 1994. The Penn State Worry Questionnaire: Psychometric properties and associated characteristics. In: Davey G. C. L., Tallis F. (eds). *Worry: Perspectives on Theory, Assessment, and Treatment*. Chichester, UK: Wiley; 265–283.
- Montinola G. R., Jackman R. W. 2002. Sources of Corruption: A Cross-Country Study. *British Journal of Political Science*. 32 (1): 147–170.
- Morris S. D. 2011. Forms of Corruption. *DICE Report*. 9 (2): 10–14.
- Nelissen R., Zeelenberg M. 2009. When Guilt Evokes Self-Punishment: Evidence for the Existence of a Dobby Effect. *Emotion*. 9 (1): 118–122.
- Park H. 2003. Determinants of Corruption: A Cross-National Analysis. *Multinational Business Review*. 11 (2): 29–48.
- Poon K.-T., Chen Z., De Wall C. N. 2013. Feeling Entitled to More: Ostracism Increases Dishonest Behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 39 (9): 1227–1239.
- Stark P. L., McGovern J. P. 1992. The Meaning of Suffering. In: Stark P. L., McGovern J. P. (eds) *The Hidden Dimension of Illness: Human Suffering*. New York: National League for Nursing Press; 25–42.
- Sullivan M. J. L., Scott W., Trost Z. 2012. Perceived Injustice: A Risk Factor for Problematic Pain Outcomes. *Clinical Journal of Pain*. 28 (6): 484–488.
- Sung H. E., Chu D. 2003. Does Participation in the Global Economy Reduce Political Corruption? An Empirical Inquiry. *International Journal of Comparative Criminology*. 3 (2): 94–118.
- Svensson J. 2005. Eight Questions about Corruption. *Journal of Economic Perspectives*. 19 (3): 19–42.
- Tallis F., Davey G. C. L., Bond A. 1994. The Worry Domains Questionnaire. In: Davey G. C. L., F. Tallis (eds) *Worry: Perspectives on Theory, Assessment, and Treatment*. Chichester, UK: Wiley; 285–297.
- Tatarko A. N. et al. 2020. The Relationship Between Human Values and Acceptability of Corruption in Russia and Greece. *Psychology in Russia. State of the Art*. 13 (3): 79–95.
- Torgler B., Valev N. T. 2006. Corruption and Age. *Journal of Bioeconomics*. 8 (2): 133–145.

- Torgler B., Valev N. 2010. Gender and Public Attitude toward Corruption and Tax Evasion. *Contemporary Economic Policy*. 28 (4): 554–568.
- Treisman D. 2000. The Causes of Corruption: A Cross-National Study. *Journal of Public Economics*. 76 (3): 399–457.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H. 2003. The Theory of Human Development: A Crosscultural Analysis. *European Journal of Political Research*. 42 (3): 341–379.
- Zahra S. A., Priem R. L., Rasheed A. A. 2005. The Antecedents and Consequences of Top Management Fraud. *Journal of Management*. 31 (6): 803–828.
- Zimbardo P. G. 1969. The Human Choice: Individuation, Reason, and Order Versus Deindividuation, Impulse, and Chaos. In: Arnold W. J., Levine D. (eds) *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press; 237–307.

NEW TEXTS

Anna Mironova, Alexander Tatarko

Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries

MIRONOVA, Anna — PhD in Sociology, Research Fellow, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: amironova@hse.ru

TATARKO, Alexander — Doctor of Sciences in Psychology, Chief Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: atatarko@hse.ru

Abstract

This study is devoted to answering two questions: (1) Do individuals' worries and sufferings correlate with the acceptability of corruption from their perspectives? (2) Does this correlation differ by country in terms of corruption levels? We focus on analyzing the correlation between macro and micro worries, on one hand, and individual acceptability of corrupt behavior, on the other hand. This study is based on the data from the 6th-wave World Value Survey. We identified three groups of countries based on the corruption perception index: countries with low-level corruption (Australia, The Netherlands, New Zealand, Singapore, and Sweden), countries with medium-level corruption (Belarus, China, South Korea, Malaysia, and Romania), and countries with high-level corruption (Russia, Brazil, Colombia, Peru, and Thailand). For the purposes of our analysis, we used structural equation modeling. We have found that macro and micro worries are significantly correlated with the acceptability of corruption. Our analysis shows that the more the people worry about themselves or their families, the more they accept corruption. The people who worry about society are more likely to disapprove of corruption. However, the significance of these links varies, depending on the group of countries.

For the countries with low-level corruption, the correlation is significant only for the link between micro worries and the acceptability of corruption. The countries with high-level corruption show a significant correlation only for the link between macro worries and the acceptability of corruption. For countries with medium-level corruption and for Russia, the acceptability of corruption is significantly correlated with both micro and macro worries.

Keywords: acceptability of corruption; suffering; micro and macro worries; corruption perception index; cross-country analysis; World Values Survey.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

References

- Ades A., Di Tella R. (1999) Rents, Competition, and Corruption. *American Economic Review*, vol. 89, no 4, pp. 982–993.
- Barr A., Serra D. (2010) Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*, vol. 94, no 11–12, pp. 862–869.

- Bastian B., Jetten J., Fasoli F. (2011) Cleansing the Soul by Hurting the Flesh: The Guilt-Reducing Effect of Pain. *Psychological Science*, vol. 22, no 3, pp. 334–335.
- Bastian B., Jetten J., Hornsey M. J., Leknes S. (2014) The Positive Consequences of Pain: A Biopsychosocial Approach. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 18, no 3, pp. 256–279.
- Boehnke K., Schwartz S., Stromberg C., Sagiv L. (1998) The Structure and Dynamics of Worry: Theory, Measurement, and Cross-National Replications. *Journal of Personality*, vol. 66, no 5, pp. 745–782.
- Bosco B. (2016) Old and New Factors Affecting Corruption in Europe: Evidence from Panel Data. *Economic Analysis and Policy*, vol. 51, pp. 66–85.
- Breggin P. R. (2014) *Guilt, Shame, and Anxiety: Understanding and Overcoming Negative Emotions*, New York: Prometheus Books.
- Brown T. A., Moras K., Zinbarg R. E., Barlow D. H. (1993) Diagnostic and Symptom Distinguishability of Generalized Anxiety Disorder and Obsessive-Compulsive Disorder. *Behavior Therapy*, vol. 24, no 2, pp. 227–240.
- Chapman C. R., Gavrin J. (1993) Suffering and Its Relationship to Pain. *Journal of Palliative Care*, vol. 9, no 2, pp. 5–13.
- Chapman C. R., Gavrin J. (1999) Suffering: The Contributions of Persistent Pain. *The Lancet*, vol. 353, no 9171, pp. 2233–2237.
- Chattopadhyay S. (2013) Corruption in Healthcare and Medicine: Why Should Physicians and Bioethicists Care and What Should They Do. *Indian Journal of Medical Ethics*, vol. 10, no 3, pp. 153–159.
- Davis J. H., Ruhe J. A. (2003) Perceptions of Country Corruption: Antecedents and Outcomes. *Journal of Business Ethics*, vol. 43, no 4, pp. 275–288.
- Det'e Zh. (2003) Korruptsiya v stranakh SNG-7 [Corruption in the CIS-7]. *World Bank*. Available at: <http://web.worldbank.org/archive/website00504/WEB/PDF/DETHIE-8.PDF> (accessed 20 June 2019) (in Russian).
- Doctor R. M., Goldenring J. M., Powell A. (1987) Adolescents' Attitudes about Nuclear War. *Psychological Reports*, vol. 60, no 2, pp. 599–614.
- Fisher R. (2012) Prikladnaya kross-kul'turnaya psikhologiya sotsial'nykh izmeneniy i razvitiya obshchestva: na primere issledovaniya blagopoluchiya i korruptsii [Applied Cross-Cultural Psychology of Social Change and Social Development: A Case Study of Well-Being and Corruption]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 9, no 2, pp. 23–42 (in Russian).
- Frejd Z. (2006) Isteriya i strakh [Hysteria and Fear]. *Collected Works*, 10 vols, vol. 6, Moscow: Firma STD (in Russian).
- Furnham A. (2003) Belief in a Just World: Research Progress over the Past Decade. *Personality and Individual Differences*, vol. 34, no 5, pp. 795–817.

- Gerring J., Thacker S. C. (2005) Do Neoliberal Policies Deter Political Corruption? *International Organization*, vol. 59, no 1, pp. 233–254.
- Graeff P., Mehlkop G. (2003) The Impact of Economic Freedom on Corruption: Different Patterns for Rich and Poor Countries. *European Journal of Political Economy*, vol. 19, no 3, pp. 605–620.
- Griffin M., Prior M. (1990) Young People and the Nuclear Threat. *Journal of Youth Studies*, vol. 7, no 2, pp. 40–43.
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. (2002) Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? *Economics of Governance*, vol. 3, no 1, pp. 23–45.
- Hamilton S. B., Lynch R. S., Naginey J. L., Peters K. A., Piske K. R. (1989) Relationships between the Life Values of US College Students and Their Cognitive/Affective Responses to the Threat of Nuclear War. *Journal of Adolescence*, vol. 12, no 1, pp. 55–68.
- Hasyanov O. R. (2009) Traditsiya prazdnovaniya musul'manskikh prazdnikov: vchera i segodnya (na materialakh sela Popovka) [The Tradition of Celebrating Muslim Holidays: Yesterday and Today (Based on Materials from the Village of Popovka)]. *Vestnik Ul'yanovskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii = Vestnik of Ulyanovsk state agricultural academy*, no 2 (9), pp. 102–104 (in Russian).
- Heyneman S. P. (2004) Education and Corruption. *International Journal of Educational Development*, vol. 24, no 6, pp. 637–648.
- Hickman S. E., Tilden V. P., Tolle S. W. (2004) Family Perceptions of Worry, Symptoms, and Suffering in the Dying. *Journal of Palliative Care*, vol. 20, no 1, pp. 20–27.
- Inbar Y., Pizarro D., Gilovich T., Ariely D. (2013) Moral Masochism: On the Connection Between Guilt and Self-Punishment. *Emotion*, vol. 13, no 1, pp. 14–18.
- Jong-Sung Y., Khagram S. (2005) A Comparative Study of Inequality and Corruption. *American Sociological Review*, vol. 70, no 1, pp. 136–157.
- Kahn D. L., Steeves R. H. (1986) The Experience of Suffering: Conceptual Clarification and Theoretical Definition. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 11, no 6, pp. 623–631.
- Kihl L. A., Richardson T., Campisi C. (2008) Toward a Grounded Theory of Student-Athlete Suffering and Dealing with Academic Corruption. *Journal of Sport Management*, vol. 22, no 3, pp. 273–302.
- Klaveren J. van (1989) The Concept of Corruption. *Political Corruption: A Handbook* (eds. A. J. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. LeVine), New Brunswick: Transaction Publishers, pp. 25–28.
- Kononov A. N. (2016) Phenomen trevogi o budushchem kak otdel'noe ponyatie v psikhologicheskoy nauke [The Phenomenon of Anxiety about the Future as a Separate Concept in Psychological Science]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, no 4 (38), pp. 173–179 (in Russian).
- Kouchaki M., Desai S. D. (2015) Anxious, Threatened, and Also Unethical: How Anxiety Makes Individuals Feel Threatened and Commit Unethical Acts. *Journal of Applied Psychology*, vol. 100, no 2, pp. 360–375.

- Kravtsova M., Oshchepkov A., Welzel C. (2017) Values and Corruption: Do Postmaterialists Justify Bribery? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 48, no 2, pp. 225–242.
- Lambsdorff J. G. (2006a) Causes and Consequences of Corruption: What do We Know from a Cross-Section of Countries? *International Handbook on the Economics of Corruption* (ed. S. Rose-Ackerman), Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, Inc., pp. 3–51.
- Lambsdorff J. G. (2006b) Measuring Corruption: The Validity and Precision of Subjective Indicators (CPI). *Measuring Corruption* (eds. Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galtung), Hampshire, UK: Ashgate Publishing Ltd, pp. 81–100.
- Leknes S., Bastian B. (2014) The Benefits of Pain. *Review of Philosophy and Psychology*, vol. 5, no 1, pp. 57–70.
- Leont'ev D. A. (2003) Ekzistentsial'naya trevoga i kak s ney ne borot'sya [Existential Anxiety and How Not to Deal with It]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, no 2, pp. 107–119. Available at: http://psylib.org.ua/books/_leond03.htm (accessed 10 December 2019) (in Russian).
- Lerner M. (1980) *The Belief in A Just World: A Fundamental Delusion*, New York, NY: Plenum.
- Liga M. B. (2015) Kachestvo zhizni i postmaterialisticheskie tsennosti [Quality of Life and Post-Materialistic Values]. *Polzunovskiy vestnik*, no 3, pp. 222–229 (in Russian).
- Mansilla H. (2003) The Traditional Mentality as an Obstacle to Democratization in Bolivia. *Psicología Política*, vol. 26, pp. 25–40.
- McParland J. L., Eccleston C. (2013) “It’s Not Fair”: Social Justice Appraisals in the Context of Chronic Pain. *Current Directions in Psychological Science*, vol. 22, no 6, pp. 484–489.
- Méon P. G., Sekkat K. 2005. Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? *Public Choice*, vol. 122, no 1–2, pp. 69–97.
- Milgram S. (1963) Behavioral Study of Obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 67, no 4, pp. 371–378.
- Mocan N. (2008) What Determines Corruption? International Evidence from Microdata. *Economic Inquiry*, vol. 46, no 4, pp. 493–510.
- Molina S., Borkovec T. D. (1994) The Penn State Worry Questionnaire: Psychometric Properties and Associated Characteristics. *Worry: Perspectives on Theory, Assessment, and Treatment* (eds. G. C. L. Davey, F. Tallis), Chichester, UK: Wiley, pp. 265–283.
- Montinola G. R., Jackman R. W. (2002) Sources of Corruption: A Cross-Country Study. *British Journal of Political Science*, vol. 32, no 1, pp. 147–170.
- Morris S. D. (2011) Forms of Corruption. *DICE Report*, vol. 9, no 2, pp. 10–14.
- Nelissen R., Zeelenberg M. (2009) When Guilt Evokes Self-Punishment: Evidence for the Existence of a Dobby Effect. *Emotion*, vol. 9, no 1, pp. 118–122.

- O protivodeystvii korruptsii. Federal'nyy zakon* [Federal Anti-Corruption Law] (2008). № 273-FZ. 25 December. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed 1 December 2020) (in Russian).
- Park H. (2003) Determinants of Corruption: A Cross-National Analysis. *Multinational Business Review*, vol. 11, no 2, pp. 29–48.
- Poon K.-T., Chen Z., De Wall C. N. (2013) Feeling Entitled to More: Ostracism Increases Dishonest Behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 39, no 9, pp. 1227–1239.
- Rossiia v Indekse vospriyatiya korruptsii — 2019: 28 ballov i 137 mesto [Russia in the Corruption Perception Index 2019: 28 Points and 137th Place]. *Transparency International*. Available at: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html> (accessed 2 December 2020) (in Russian).
- Sabirov V. Sh. (2001) Problema dobra i zla v khristianskoy etike [The Problem of Good and Evil in Christian Ethics]. *Chelovek*, no 5, pp. 125–135 (in Russian).
- Stark P. L., McGovern J. P. (1992) The Meaning of Suffering. *The Hidden Dimension of Illness: Human Suffering* (eds. P. L. Stark, J. P. McGovern), New York: National League for Nursing Press, pp. 25–42.
- Sullivan M. J. L., Scott W., Trost Z. (2012) Perceived Injustice: A Risk Factor for Problematic Pain Outcomes. *Clinical Journal of Pain*, vol. 28, no 6, pp. 484–488.
- Sung H. E., Chu D. (2003) Does Participation in the Global Economy Reduce Political Corruption? An Empirical Inquiry. *International Journal of Comparative Criminology*, vol. 3, no 2, pp. 94–118.
- Svensson J. (2005) Eight Questions about Corruption. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 19, no 3, pp. 19–42.
- Tallis F., Davey G. C. L., Bond A. (1994) The Worry Domains Questionnaire. *Worry: Perspectives on theory, assessment, and treatment* (eds. G. C. L. Davey, F. Tallis), Chichester, UK: Wiley, pp. 285–297.
- Tatarko A. N., Mironova A. A., Gari A., van de Vijver F. J. (2020) The Relationship Between Human Values and Acceptability of Corruption in Russia and Greece. *Psychology in Russia. State of the Art*, vol. 13, no 3, pp. 79–95.
- Tereshonok T. A. (2016) Korruptsiya v sphere zdavookhraneniya [Corruption in the Health Sector]. *Plekhanovskiy barometr*, no 4, pp. 21–24 (in Russian).
- Torgler B., Valev N. (2010) Gender and Public Attitude toward Corruption and Tax Evasion. *Contemporary Economic Policy*, vol. 28, no 4, pp. 554–568.
- Torgler B., Valev N. T. (2006) Corruption and Age. *Journal of Bioeconomics*, vol. 8, no 2, pp. 133–145.
- Treisman D. (2000) The Causes of Corruption: A Cross-National Study. *Journal of Public Economics*, vol. 76, no 3, pp. 399–457.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H. (2003) The Theory of Human Development: A Crosscultural Analysis. *European Journal of Political Research*, vol. 42, no 3, pp. 341–379.

Zahra S. A., Priem R. L., Rasheed A. A. (2005) The Antecedents and Consequences of Top Management Fraud. *Journal of Management*, vol. 31, no 6, pp. 803–828.

Zhigun L. A. (2019) Sotsiologicheskii analiz korrupsii [Sociological Analysis of Corruption]. *Sovremennye podkhody k protivodeystviyu korrupsii: trendy i perspektivy*. [Modern Approaches to Combating Corruption: Trends and Prospects], Moscow: Tret'yakov Publishing House, pp. 123–127 (in Russian).

Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. (2012) Korrupsiya v sovremennoy Rossii: psikhologicheskii aspekt [Corruption in Contemporary Russia: the psychological aspect]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no 2, pp. 56–65 (in Russian).

Zimbardo P. G. (1969) The Human Choice: Individuation, Reason, and Order Versus Deindividuation, Impulse, and Chaos. *Nebraska Symposium on Motivation* (eds. W. J. Arnold, D. Levine), Lincoln: University of Nebraska Press, pp. 237–307.

Received: February 7, 2020

Citation: Mironova A., Tatarko A. (2021) Psikhologicheskie prichiny korrupsii: rol' trevogi [Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 11–34. doi: [10.17323/1726-3247-2021-1-11-34](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-11-34) (in Russian).

Е. Ю. Полякова, М. А. Манокин

Специалисты в области культуры на российском рынке труда¹

ПОЛЯКОВА Евгения Юрьевна — старший преподаватель департамента экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ассистент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: Россия, 193171, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, д. 3а.

Email: evpolyakova@hse.ru

На основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2016 и 2018 гг., проводимого Федеральной службой государственной статистики, даётся статистический портрет представителей профессий сферы культуры на российском рынке труда. В сопоставлении с другими профессиональными группами анализируются социально-демографический профиль, условия труда и наиболее значимые факторы, влияющие на занятость индивидов в культурных профессиональных группах.

Исследование основано на теоретических концепциях У. Бека, Р. Флориды, Дж. Урри, З. Баумана. На основе теоретической рамки, предложенной Ш. Фитцпатрик, рассматривается также советское наследие в современной российской культуре, влияющее на условия труда в данной сфере. Кроме того, учитываются современные релевантные научные труды по теме исследования.

Было выявлено, что изучаемая группа преимущественно представлена служащими библиотек и архивов, преподавателями музыкальных и художественных школ, работниками музеев и галерей, лингвистами, журналистами и литераторами. Полученные результаты также позволили составить статистический портрет данной группы. Это замужние женщины в среднем чуть старше 40 лет с высшим образованием, работающие в основном в крупнейших регионах России (Москва и Московская область, Санкт-Петербург), а практически три четверти из них имеют профильное образование. Они, как правило, заняты на постоянной основе со стандартной 40-часовой рабочей неделей с дневным графиком. Наиболее значимыми факторами, влияющими на вероятность занятости индивида по «культурным» профессиям, являются проживание в крупных регионах (Москва, Московская область и Санкт-Петербург) и образование по профильной специальности.

Ключевые слова: экономика культуры; культурные индустрии; культурная политика; работники культуры; рынок труда; Россия.

Введение

Особенностям труда работников отрасли культуры в России посвящено много исследований [Levshina, Orlov 2000; Chekova 2004; Tchouikina 2010; Кулева 2017; Gurova, Morozova 2018, Safonova, Sokolova, Barmina 2018]. Оживлённые дебаты вокруг данного вида труда отчасти вызваны убеждениями в том, что в эпоху преобразований труда культурные индустрии могут выступать одним из драйверов экономического роста в современных странах [Florida 2002; 2010]. В крупных городах России (Москва, Пермь и др.) открываются новые креативные пространства и кластеры, направленные на развитие культур-

¹ Исследование осуществлено в рамках проекта лаборатории исследований рынка труда, включённого в Программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

МАНОКИН Михаил Андреевич — кандидат культурологии, старший преподаватель департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Адрес: Россия, 614070, Пермь, ул. Студенческая, д. 38.

Email: mamanokin@hse.ru

ных индустрий в этих регионах [Гнедовский 2005; Tchouikina 2010; Лысенко 2016]. Но очевидно, что для создания и развития новых направлений экономической деятельности, связанных с культурной индустрией, необходимо знать современную ситуацию на рынке труда в области культуры.

При этом большинство существующих исследований, изучающих опыт работников культуры, посвящено изучению только части данной сферы, а именно различным типам нестандартно занятых работников на российском рынке труда. Такие работники зачастую заняты на основе временных трудовых контрактов, являются свободными художниками или фрилансерами [Gaav, Potapova 1996; Levshina, Orlov 2000; Chekova 2004; Tchouikina 2010; Абрамова 2012; Кулева 2017; Gurova, Morozova 2018]. Упомянутые работы позволяют получить подробную информацию об отдельных группах представителей отрасли культуры, но не проясняют общую картину на российском рынке труда в этой сфере, поскольку доля таких работников мала, несмотря на значимый эффект их работы [Ruutu, Panfilo, Karhunen 2009].

Малоизученными, практически невидимыми, остаются особенности труда и характеристики значительной части работников сферы культуры, например — служащих архивов, учителей музыки и рисования, сотрудников библиотек и государственных музеев. Известно, что их трудовая деятельность характеризуется строгим рабочим распорядком и подчинением локальной или отраслевой бюрократии, что может быть связано с тем, что большинство из них трудоустроено в государственных учреждениях культуры (см. подробнее: [Кулева 2017: 54]). До сих пор неизвестен портрет (характеристики, квалификация, образ жизни и т. д.) важной части работников культурных профессий, а ведь именно они производят основные услуги и продукты в современной российской культурной индустрии.

Цель данного исследования — оценить социально-демографические характеристики и условия занятости представителей культурных профессий на российском рынке труда. В качестве информационной базы используются репрезентативные статистические данные Комплексного наблюдения условий жизни (КОУЖ) населения России, проводимого Федеральной службой государственной статистики (Росстат). Данные КОУЖ позволяют выявить культурные профессии в соответствии с методикой статистической службы Европейского союза (Евростат), которая базируется на европейской системе статистики культуры [Beck-Domžalska, Frank 2012], выполнить анализ положения данной группы на российском рынке труда, а также сравнить её по различным характеристикам с другими профессиональными группами.

В соответствии с поставленной целью в работе были решены следующие задачи: на основе данных КОУЖ выделена группа культурных профессий, рассчитаны её масштабы и описаны социально-демографические характеристики и условия занятости; выполнен сравнительный анализ указанных характеристик исследуемой группы и групп лиц, относящихся к другим профессиональным группам; с помощью пробит-модели выделены наиболее значимые факторы, влияющие на вероятность того, что индивид работает в качестве специалиста в области культуры.

Предыдущие исследования труда в сфере культуры

В данной статье мы полагаемся на определение культуры, сформулированное в работах Д. Тросби. Культура может быть определена как комплекс норм и ценностей общества, например, изучаемых в рамках различных дисциплин. В то же время культуру можно понимать и в «функциональном» контексте. В этом случае культура должна рассматриваться как отрасль, имеющая отношение к интеллектуальным, моральным и художественным аспектам жизни человека. Она предназначена для развлечения, просвещения и воспитания разума в противовес техническим и профессиональным навыкам, создаваемым, например, отраслью образования [Тросби 2018]. В рамки этого определения попадают многочисленные организации. Это не только музеи, картинные галереи, но и массмедиа, школы, городские сады, парки, площади, а также секции и кружки искусства и проч. [DiMaggio 1994; Landry 2008; Тросби 2018]. Возникновение целой сферы, направленной на создание культурных продуктов, было описано ещё в публикациях Франкфуртской школы [Adorno 2001]. В данной сфере заняты как обслуживающий персонал (например, бухгалтера и уборщики), так и индивиды, имеющие непосредственное отношение к производству культурных продуктов и услуг [Garnham 2005; Hesmondhalgh 2008; 2019].

Сфера культуры как специфическая отрасль занятости стала претерпевать изменения в конце XX века в связи с трансформациями, происходящими на рынках труда крупнейших экономик, например — США, Франции, Германии, Великобритании и других государств Евросоюза [Garnham 2005; Hesmondhalgh 2008; 2019]. В частности, в исследованиях отмечаются усиление конкуренции между работниками, ослабление социальной защиты на рынке труда, рост безработицы, изменение отношения к труду и профессиональной карьере [Bauman 2004; Урри 2012; Connell 2013; Beck 2014]. В сфере культуры нормализуется идея нового типа творческих индустрий. Теперь творческим индустриям присуща непостоянность и неформальность занятости, когда работники могут совмещать или чередовать множество проектов [Chaston, Sadler-Smith 2012], что способно давать возможности для профессионального роста, а также положительно влияет на развитие городского пространства и экономики в целом [Florida 2002; 2010]. При этом подобная занятость зачастую сопровождается высокими рисками потери работы и социальной незащищённостью работников [Лэндри, Пахтер 2003; Зеленцова, Мельвиль 2013; Hesmondhalgh 2019].

В России новые формы занятости в сфере культуры начинали возникать в конце 1980-х гг. в виде непостоянной, неполной, неформальной работы и являлись следствием распада Советского Союза и отмены советской государственной политики в области культуры [Chekova 2004]. Конкретными явлениями, породившими их, стали снижение реальных заработных плат в учреждениях культуры [Chekova 2004], например — в музеях [Tchouikina 2010], модных домах [Gurova, Morozova 2018], театрах [Levshina, Orlov 2000], на киностудиях [Карпушин, Кулакова 2015], ослабление централизованного государственного управления культурой и либерализация данной сферы [Chekova 2004; Tchouikina 2010; Кулева 2017].

Работникам сферы культуры в этих условиях удобнее становились нестандартные формы занятости, то есть непостоянная и зачастую неформальная работа [Chekova 2004]. Помимо отмеченных выше экономических и политических причин, на работников культуры повлияло изменение их отношения к труду. В 1990–2000-е гг. часть специалистов, преимущественно из Москвы и Санкт-Петербурга, отправлялись на обучение и стажировки за рубеж и быстро осваивали характерное для Европы и США понимание труда в сфере культуры [Chekova 2004; Tchouikina 2010; Kuleva 2018]. Культурные продукты стали рассматриваться как товар, процесс их создания — как проекты, а отрасль — как высококонкурентный и динамичный рынок, на котором огромное значение играет продвижение продукта [Досси 2011; Томпсон 2017]. Для таких работников в конце 2000-х гг. создаются коммерческие культурные институции [Гнедовский 2005; 2006], ориентированные на применение зарубежного опыта (например,

музеи современного искусства «Гараж» и «Винзавод»). Однако подобных институций в России мало, и они в основном сосредоточены в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Пермь) [Chekova 2004; O'Connor 2005; Tchouikina 2010; Лысенко 2016; Kuleva 2018].

Условия занятости таких работников культуры ассоциируются со свободой и независимостью, возможностью развития и выбора мест работы [Tchouikina 2010; Кулева 2017, Kuleva 2018]. Однако занятость в этом случае непостоянна и часто неофициальна, как и заработная плата, нередко отсутствуют медицинская страховка и другие социальные гарантии [Абрамова 2012; 2013; Florida 2017]. Новая формация работников культуры нередко вынуждена перерабатывать, заниматься несколькими проектами одновременно [Абрамова 2012; 2013].

Исследования новой формации работников культуры позволяют получить представления о положении на рынке труда только малой части специалистов в этой области. Большая же их часть занята в бюджетной отрасли экономики, имеет стандартную рабочую неделю и постоянные контракты [Ruutu, Panfilo, Karhunen 2009; Gimpel'son, Zudina 2012; Капелюшников 2014]. Труд этих работников связан преимущественно с государственными культурными институциями, созданными ещё в советские годы: дома культуры, образовательные организации, музеи и галереи, театры, кино- и телестудии, в том числе локальные. Данные рабочие места отличаются относительно невысокими заработками и низким престижем занятости [Капелюшников 2014; Стефановская, Жуликова, Неверова 2015].

Большинство государственных учреждений культуры в современной России было создано ещё в Советском Союзе. Они использовались для формирования советской субъектности [Хархордин 2002] и поддержания определённого уровня «культурности». Для его поддержания советский человек должен был потреблять правильные культурные продукты, производимые театрами, издательствами, музеями и галереями [Fitzpatrick 1978; 1992; Kelly 2002]. Однако после 1991 г. контроль государства над культурными институтами ослабевает. В новых условиях часть институтов продолжают функционировать по инерции в том же режиме поддержания культурности, часть (как правило, в Москве, Петербурге или региональных центрах) адаптируют новые творческие технологии, включающие проектную работу и временную занятость [Tchouikina 2010; Лысенко 2016; Кулева 2017].

В последние годы в России, как раньше в Советском Союзе, предпринимаются попытки зафиксировать понимание услуг, которые должны оказывать работники государственных культурных институций, и создать на основании этого новую программу культурной политики [Ruutu, Panfilo, Karhunen 2009]. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. (№ 808) был принят документ стратегического планирования, определяющий главные направления государственной культурной политики: «Основы государственной культурной политики» (ОГКП) [Основы... 2014]. Определение культуры в ОГКП предполагает организацию управления культурными индустриями и в то же время перегружает понятие «культура» «советским» смыслом.

Для определения культурной политики в ОГКП используется понятие «духовность», сформированное на рубеже XIX–XX веков и ставшее одним из основных элементов советского дискурса о культуре [Volkov 2000]. Согласно данной стратегии, культура — это комплекс «институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей» [Основы... 2014: 7]², что значительно отличается от определения, приведённого, например, в работах Д. Тросби в рамках дискурса о культурных индустриях. Работники сферы культуры, особенно в госу-

² Важно отметить, что данное определение не совсем совпадает с пониманием культуры в широком смысле слова — как комплекса ценностей, норм и практик поведения. Оно также не вполне соответствует пониманию культуры в узком смысле — как искусства, — которое доминирует, например, в Великобритании или США и других странах с активно работающими творческими индустриями. Понимание, представленное в российских культурных институциях, соткано из компонентов того и другого осмысления.

дарственных учреждениях, согласно ОГКР, рассматриваются как элементы государственного механизма реализации культурной политики [Основы... 2014: 35–36].

Несмотря на то что значительная часть работников данной сферы деятельности занята воплощением официальной культурной политики в стране, об этих людях и их положении на российском рынке труда до сих пор известно немного. Исследования сосредоточены преимущественно на представителях нового креативного класса или на отдельных группах работников (например, на художниках, журналистах или кураторах выставок) [Абрамова 2012; 2013; Gurova, Morozova 2018; Kuleva 2018]. Но для получения полной картины о функционировании производства культуры и воплощении культурной политики необходимо понимание отличительных черт занятости всех специалистов сферы культуры в современной России, условий их труда, что позволит осмыслить особенности сохранения элементов культурной памяти, легитимации и делегитимации направлений искусства, культурных практик и артефактов. В данном исследовании предпринимается попытка восполнить отмеченный пробел и анализируются не ограниченные отдельной группой профессии представители сферы культуры на российском рынке труда.

Данные и методология

Данные

В исследовании используются данные КОУЖ за 2016 и 2018 гг. Они являются репрезентативными на уровне страны, то есть могут отражать тенденции, присущие генеральной совокупности (населению России). Наши результаты помогут выявить ряд социально-демографических характеристик и условий занятости респондентов, а также их удовлетворённость некоторыми аспектами трудовой деятельности. Данные имеют ряд ограничений. Во-первых, в КОУЖ нет информации об отраслевом распределении респондентов. Во-вторых, отсутствует информация о заработных платах работников. В-третьих, подобные обследования содержат недостаточно информации о лицах, вовлечённых в нестандартные формы занятости (например, о фрилансерах, которые входят в состав интересующей нас группы). Особенности труда неофициально занятых работников достаточно изучены другими исследователями, понимание их места в общей картине труда в отрасли культуры в данный момент неизвестно и, очевидно, вряд ли может быть изучено.

Для нашего исследования важно, что КОУЖ содержит информацию о профессиональной принадлежности респондента на максимально доступном дезагрегированном уровне (4-й знак Общероссийского классификатора занятий, ОКЗ), что позволяет выявить группу культурных специалистов. В связи с этим мы, например, не можем использовать имеющиеся в открытом доступе данные «Обследования рабочей силы» или «Обследования заработной платы по профессиям», поскольку в них используется агрегированная (двухразрядная) классификация профессиональных групп. Теоретически дезагрегированная информация о профессиональной принадлежности индивидов содержится в Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Мы провели предварительный анализ исследуемой группы на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, но количество представителей интересующих нас профессий оказалось крайне мало, что заставило серьёзно сомневаться в репрезентативности полученной выборки и не позволило нам проводить какой-либо анализ³.

В итоговую выборку вошли индивиды в возрасте 15–72 лет, удовлетворяющие хотя бы одному из следующих условий:

³ В РМЭЗ число представителей культурных профессий составило всего 173 человека в 2016 г. и сократилось после удаления пропущенных значений в переменных до 96 человек. Очевидно, что результаты описательной статистики и регрессий на такой выборке будут смещены, и это не позволит сделать обоснованные выводы об изучаемой группе.

- имели постоянную работу;
- выполняли какую-либо работу в фермерском хозяйстве, на предприятии или в собственном деле;
- находились в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске.

Для выделения культурных профессий применялась методология статистической службы Европейского союза (Евростат), которая базируется на европейской системе статистики культуры [Beck-Domžalska, Frank 2012; Guide to Eurostat... 2018]. В ней к занятым в сфере культуры отнесены три основные группы [Beck-Domžalska, Mercy 2016]:

- лица, работающие по профессиям культуры в культурных и креативных индустриях;
- лица, работающие по профессиям культуры в других отраслях экономики;
- лица, работающие в культурных и креативных индустриях, труд которых непосредственно не связан с культурой (например, продавцы, юристы, кассиры или уборщики).

В нашем исследовании в связи с ограничениями данных рассмотрены только первые две группы. Мы анализируем респондентов, которые являются представителями профессий в сфере культуры и работают как в креативных (культурных) индустриях, так и в других отраслях экономики. Таким образом, мы не учитываем лиц, чей труд не связан с непосредственным производством продуктов культуры, например, бухгалтеров в домах культуры, кассиров в музеях и театрах и другой персонал.

Профессиональные группы культурных работников отбирались на базе международной стандартной классификации занятий (профессий) — International Standard Classification of Occupations (ISCO-08), до 4-го знака, согласно методологии Евростата. Российским аналогом ISCO-08 является Общероссийский классификатор занятий, принятый в 2014 г. (ОКЗ-14), который используется для кодификации профессиональных групп в данных КОУЖ. ОКЗ-14 согласован с ISCO-08 путём внесения уточнений, отражающих специфику российской экономики, не нарушающих коды и границы понятий этого международного стандарта. Культурные профессии были сгруппированы в 30 категорий (см. табл. П.1). В исследуемую группу входят, например, преподаватели музыки в музыкальных школах, архитекторы и дизайнеры разных компетенций, художники, актёры, режиссёры и др.

В итоге общий размер выборки для 2016 г. составил 54 282 респондента с учётом пропущенных значений; доля представителей культурных профессий — 2,2%⁴. Для 2018 г. размер выборки составил 54 323 респондента, доля представителей культурных профессий — 1,9%.

Эконометрическая модель

Для ответа на вопрос «Какие факторы оказывают наибольшее влияние на выбор респондентами занятости по культурным профессиям?» использовалась пробит-регрессия. В пробит-модели зависимая переменная является бинарной и принимает значение 0 и 1. Она позволяет оценить вероятность влияния независимых переменных на то, что зависимая переменная принимает значение 1. Также дополнительно рассчитывались средние предельные эффекты (*average marginal effects*), которые позволяют выявить, насколько та или иная переменная повышает или понижает вероятность того, что индивид работает по культурной профессии.

⁴ Здесь и далее по тексту результаты указаны с учётом весовых коэффициентов, представленных в базе данных КОУЖ для возможности распространения выводов на всё население страны.

Согласно методологии, зависимая переменная в моделях принимала значение 1, если респондент работает по культурной профессии, и 0, если работает по другой профессии. Объясняющие переменные в модели были выбраны исходя из существующей научной литературы.

Во-первых, в модели оценивались возраст и пол респондента, семейный статус и наличие детей. Исследования показывают, что в российской культурной сфере наблюдается гендерный дисбаланс в пользу женщин, который отчасти связан с гендерными стереотипами, рассматривающими труд в отраслях культуры и образования как женский [Панов 2014; Тартаковская 2015]. Семейный статус и наличие детей тоже могут влиять на выбор индивидами места работы. Например, замужние женщины с детьми склонны выбирать место работы с постоянной занятостью и со стандартной рабочей неделей, чтобы иметь возможность совмещать домашние обязанности с трудовой деятельностью [Балабанова 2005].

Во-вторых, в моделях учитывалось, получил ли респондент профессиональное образование, связанное с областью культуры, а также длительность образования. Влияние профильного образования на вероятность трудоустройства по культурным профессиям не является очевидным. С одной стороны, знания, полученные во время обучения, не всегда могут совпадать с ожиданиями работодателей на рынке труда, что не будет способствовать успешному поиску работы. Культура как индустрия часто нуждается в конкретных навыках, а не в дипломах или сертификатах, и HR-специалисты при поиске работников обращают внимание на предыдущий опыт работы [Абрамова 2012; 2013]. С другой стороны, индивид, обучаясь в университете, может приобрести социальные связи и формальное подтверждение своих навыков в виде диплома, что в какой-то мере поможет ему при трудоустройстве по полученной специальности. В частности, государственные культурные институты ориентируются на государственные стандарты, которые акцентируют внимание именно на специальности полученного образования [Levshina, Orlov 2000].

В-третьих, в моделях учитывалось региональное распределение изучаемых индивидов. Ожидаемо, что в больших городах рынок труда для специалистов в области культуры будет более ёмким и спрос на них может быть выше. Например, крупнейшие музеи, библиотеки и театры расположены именно в центральных регионах, таких как Москва и Санкт-Петербург. Исследования свидетельствуют о доминировании культурных индустрий и характерных для них работников преимущественно в столицах с редко встречающимися такими исключениями, как крупные провинциальные города [Гнедовский 2006; Лысенко 2016].

Основные описательные статистики

Социально-демографические характеристики

Проведённый анализ позволяет составить портрет типичного российского специалиста в области культуры. Вне зависимости от рассматриваемого года это преимущественно замужние женщины среднего возраста (40 лет) с высшим образованием (см. табл. П.2). Данная группа в основном представлена служащими библиотек и архивов, преподавателями музыкальных и художественных школ, кружков, лингвистами, журналистами и литераторами. В используемой выборке меньше актёров, режиссёров и представителей других профессий, связанных с театром и кино (см. рис. П.1). Отчасти такая структура выборки может быть вызвана смещением, так как в государственные обследования в меньшей степени попадают лица творческих профессий, которые нередко бывают вовлечены в нестандартные формы занятости, такие как фриланс или проектная деятельность. Тем не менее исследования показывают, что огромная доля участников данного рынка занята — в той или иной форме — работой в области культуры: около 33% пишут тексты и переводят; 36% работают над дизайнерскими проектами; 7% производят видео; 9% снимают фотографии (индивиды могли сочетать разные виды деятельности) [Стребков, Шевчук, Спирина 2016].

Проведённый анализ также показал, что среди представителей культурных профессий практически в 1,5 раза больше женщин, чем среди других специалистов⁵ (см. табл. П.2). В целом это согласуется с результатами качественных исследований, в которых отмечается феминизация сферы культуры в России [Tchouïkina 2010; Кулева 2017], и отчасти может объясняться тем, что большинство рабочих мест работников сферы культуры находится в бюджетной отрасли экономики [Tchouïkina 2010]. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов влияние унаследованного от СССР понятия «культурности», которое и в современной России ассоциирует такой труд с женщинами [Fitzpatrick 1978; 1992; Volkov 2000]. Гендерный баланс во всей бюджетной сфере на российском рынке труда также сдвинут в сторону женщин [Шарунина 2016] из-за низкого престижа подобной занятости [Стефановская 2015; Кулева 2017], ожидаемой малой сложности такого труда и, соответственно, относительно невысокой заработной платы [Тартаковская 2015].

При этом работники культуры в среднем более образованны: доля лиц с высшим образованием среди них практически в два раза выше по сравнению с другими профессиональными группами как в 2016 г., так и в 2018 г. Аналогичная тенденция заметна и в европейских странах [McAndrew, McKimm 2010; Beck-Domžalska, Mercy 2016].

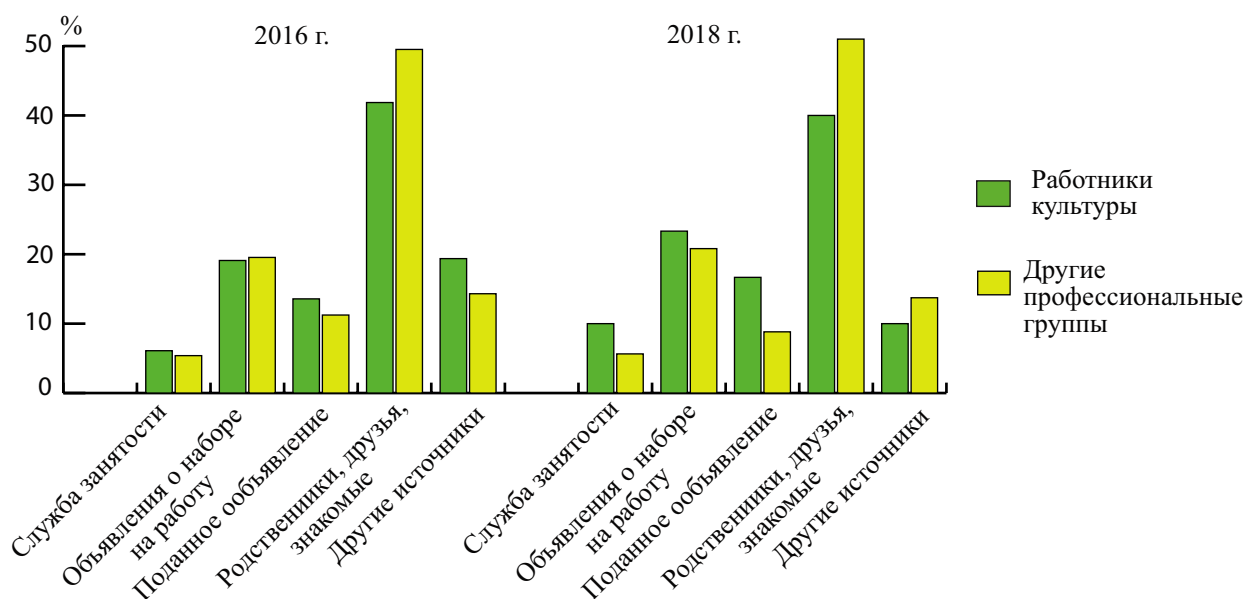
Как и в зарубежных странах, в России специалисты в области культуры концентрируются в основном в больших городах и городских агломерациях, в частности — в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге, что вполне ожидаемо, учитывая выделенную, например, в исследовании Й. Клоудовой централизацию креативной экономики, а значит, появление рабочих мест для изучаемой группы в новых библиотеках, музеях, театрах и других культурных центрах [Клоудова 2010]. Даже несмотря на малое количество новых исследований неудачный опыт по созданию культурной индустрии в таких регионах, как Пермский край, говорит о сохранении высокого уровня централизации [Лысенко 2016].

Условия занятости

Прежде чем приступить к оценке условий занятости респондентов, необходимо провести анализ наиболее вероятных каналов поиска работы. В исследованиях отмечается, что для креативных работников, занятых в сфере культуры в России, характерны развитые социальные сети, которые помогают им в трудоустройстве [Абрамова 2012]. Действительно, результаты показывают, что представители культурных профессий чаще всего находят работу через социальные связи, с помощью друзей, знакомых или родственников (см. рис. 1). Данная тенденция проявляется в двух изучаемых периодах, однако то же самое актуально и для всего рынка труда и не является особенностью только изучаемой группы. Исследования показывают, что российские компании чаще всего нанимают работников через социальные сети (знакомых, коллег, родственников) и через сервисы в Интернете [Рошин, Солнцев 2017].

Анализ условий занятости показал, что занятые в культуре индивиды — это в основном работники, трудоустроенные по полученной специальности с практически стандартной 40-часовой рабочей неделей. Среди них гораздо больше лиц с дневным графиком работы, чем в других профессиональных группах. Большинство респондентов, занятых в сфере культуры, как и работники других профессиональных групп, оформлены по постоянному или временному трудовому контракту. При этом доля неформально занятых среди изучаемой группы в два раза ниже по сравнению с представителями других профессий (см. табл. П.3).

⁵ Следует отметить, что в группу специалистов других профессиональных областей входят лица, занятые в совершенно разных, отличающихся по спецификации и направленности видах деятельности, то есть их оценки могут быть усреднёнными, учитывая большую гетерогенность группы. Тем не менее в рамках данного исследования было важным выделить особенности специалистов области культуры, отличительные черты специалистов области культуры, поэтому в этом случае подобное сравнение допустимо.

Рис. 1. Каналы поиска работы респондентов разных профессиональных групп, 2016 и 2018 гг.

Если рассматривать эмоциональное состояние респондентов, то уровень стресса, связанного с работой, у работников культуры сравнительно ниже, чем у представителей других профессиональных групп (см. табл. П.3). Это может быть связано с относительно стабильными условиями занятости изучаемой группы: официальная трудоустроенность, стандартная рабочая неделя, дневной график работы.

Результаты также показывают, что вне зависимости от рассматриваемого периода доля лиц, довольных своим заработком, немного выше среди представителей культурных профессий, чем среди других групп (см. рис. П.2). Однако стоит отметить, что вне зависимости от профессиональной группы удовлетворённость заработной платой у всех респондентов относительно небольшая. В частности, приблизительно 40% специалистов области культуры и около 37% представителей других профессиональных групп довольны своими заработками.

При этом профессионалы сферы культуры в целом более удовлетворены своей работой по сравнению с другими профессиональными группами (см. рис. П.2). Удовлетворение от работы, скорее всего, связано с режимом и условиями труда. Возможно, отчасти это объясняется самоотбором в профессии. Среди изучаемой группы 67% в 2016 г. и 56% в 2018 г. имеют профильное образование⁶. Однако только около 44% в 2016 г. и 42% в 2018 г. тех, кто получил профессиональное образование в области культуры, работали по специальности. С одной стороны, спрос на профессионалов в области культуры на российском рынке труда может быть ниже предложения, то есть не все выпускники профильных вузов могут найти себе работу по специальности из-за перепроизводства специалистов. С другой стороны, индивиды с профильными специальностями могут добровольно переходить на другие рабочие места из-за, например, низких заработных плат в отрасли культуры. Таким образом, работать по специальности могут идти люди, рассматривающие культуру как призвание, что отчасти объясняет их большую удовлетворённость трудовой деятельностью.

⁶ Профильное образование (первое, второе или третье) определялось авторами данной статьи как наиболее близкие специальности к кодам ОКЗ-14, на которых строилась изучаемая группа, по Общероссийскому классификатору специальностей по образованию (ОКСО-2003) и по Общероссийскому классификатору начального профессионального образования (ОКНПО-95). В данных за 2018 г. был использован новый Общероссийский классификатор занятости по образованию (ОКСО-2016), который заменил ОКСО-2003 и ОКНПО-95 (см. табл. П.4).

Таким образом, сравнительный анализ социально-демографических характеристик и условий занятости показал, что профессиональные сферы культуры в целом отличаются от представителей других групп: среди них больше женщин; они более образованны и чаще проживают в Москве. При этом, как и предполагалась, работники культуры в среднем представлены лицами со стандартным типом занятости. «Новая» формация работников культуры не является доминирующей на российском рынке труда, и нестандартные формы занятости в меньшей степени распространены среди изучаемой группы.

Представители профессий культуры: наиболее значимые факторы для трудоустройства

Описательная статистика не может объяснить, какие факторы имеют наибольшее значение для занятости индивида как специалиста в области культуры. Для ответа на данный вопрос была проведена оценка пробит-моделей. Результаты расчётов позволяют выявить направление и магнитуду влияния данных факторов на вероятность респондента быть занятым по профессиям культуры по сравнению с другими профессиональными группами (см. табл. 1).

Таблица 1

**Занятость по профессиям культуры: факторы влияния
(средние предельные эффекты — в скобках)**

Переменная	2016 г.	2018 г.
	Коэффициент	
Возраст, годы	– 0,009 (– 0,000)	– 0,045*** (– 0,001***)
Квадрат возраста	0,001 (0,000)	0,001 (0,000)
Образование (1= высшее профессиональное образование)	0,250*** (0,007***)	0,245*** (0,007***)
Пол (1 = мужчина)	– 0,160*** (– 0,040***)	– 0,194*** (– 0,060***)
Семейный статус (1 = женат или замужем)	– 0,040 (– 0,001)	– 0,018 (– 0,000)
Дети (1 = 1 ребёнок или больше)	0,016 (0,000)	0,027 (0,000)
Регион проживания (1 = Москва, Московская область, Санкт-Петербург)	0,371*** (0,011***)	0,378*** (0,012***)
Специальность полученного образования (1= культурные специальности)	2,161*** (0,064***)	2,097*** (0,067***)
<i>Pseudo R2</i>	0,33	0,33
<i>N</i>	54 282	54 323

Примечание: * $p < 0,10$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. Стандартные ошибки кластеризованы по индивидам.

Результаты регрессионного анализа в целом согласуются с предыдущими исследованиями. При этом выявленное влияние различных переменных не зависит от рассматриваемого года, что свидетельствует об устойчивости полученных результатов.

Расчёты показали, что наличие высшего образования положительно влияет на вероятность того, что индивид будет работать по профессии в области культуры. Однако наиболее значимым фактором является не столько наличие высшего образования, сколько образования по специальностям области культуры, то есть образования учителя музыки, специалиста по декоративно-прикладному искусству, художника и т. п. Наличие диплома по профильной специальности примерно на 6% повышает вероят-

ность того, что индивид будет специалистом в области культуры вне зависимости от рассматриваемого периода.

Данному феномену можно дать объяснение. В университете индивид может получить необходимые навыки и компетенции, а также сформировать социальные связи, которые помогут при поиске работы. Например, в требованиях к соискателям на позицию музейного смотрителя в Третьяковскую галерею гуманитарное образование или образование в области культуры и искусства расценивается как преимущество. При этом обязанности на этой вакансии — «обеспечение безопасности культурных ценностей и сохранности музейных экспонатов, контроль за соблюдением посетителями правил поведения в музее» — очевидно не требуют специфических навыков. Вместе с тем можно также предположить, что существует значительная гетерогенность причин поступления абитуриентов в вузы на специальности отрасли культуры. Часть лиц сознательно поступают туда, чтобы связать свою дальнейшую трудовую деятельность с культурой. Другая часть абитуриентов, не исключено, вынуждены обучаться на таких специальностях в связи с невозможностью поступить в другие вузы или на другие образовательные программы из-за, например, низких оценок за вступительные экзамены или ЕГЭ, высокой стоимости альтернатив, влияния семьи и других многочисленных ограничивающих факторов.

Проживание в Москве и Московской области, а также в Санкт-Петербурге оказывает гораздо меньшее, но также статистически значимое влияние. Если индивид проживает в данных регионах, то это всего на 1% повышает вероятность того, что респондент будет работать по профессиям в области культуры. Несмотря на то что размер эффекта достаточно незначительный, это свидетельствует о тенденции централизации труда в отрасли культуры, когда возможные места работы для специалистов сосредоточены в крупных городах [Tchouikina 2010; Лысенко 2016; Kuleva 2018].

Результаты расчётов также показали, что женщины чаще выбирают работу в области культуры. Большое количество женщин среди работников культуры можно объяснить гендерными стереотипами: определённые виды труда часто рассматриваются как женские [Абрамова 2013; Тартаковская 2015], и эти стереотипы могут руководить людьми как при поиске работы, так и при выборе профильного образования, что приводит к незначительному числу занятых в отрасли мужчин.

При этом было выявлено, что семейный статус респондента, как и наличие детей, не оказывает статистически значимого влияния на выбор занятости в качестве специалиста в области культуры. Это может объясняться тем, что индивиды, работающие по профессиям в области культуры, и представители других профессиональных групп мало отличаются по доле лиц, состоящих в браке и имеющих детей (см. табл. П.2). Взаимосвязи между наличием семьи и детей и работой в культуре в качественных исследованиях также не наблюдается. Соответственно, данные факторы не являются важными при выборе культуры как профессиональной сферы.

Заключение

В статье представлены результаты анализа группы специалистов в области культуры на российском рынке труда, проведённого на основе данных КОУЖ за 2016 и 2018 гг. Определена численность этой группы населения и описаны её социально-демографические характеристики и условия занятости. Кроме того, выявлены факторы, оказывающие влияние на вероятность занятости индивида по одной из таких профессий.

Как показал наш анализ, данные КОУЖ позволяют получить относительно полный статистический портрет представителей профессий культуры на российском рынке труда. Специалисты в области культуры являются преимущественно служащими библиотек и архивов, преподавателями музыкальных и

художественных школ и кружков, лингвистами, журналистами и литераторами, но не организаторами выставок или художниками. Типичный представитель изучаемой группы — это замужняя женщина средних лет (около 40) с высшим образованием. Почти треть таких специалистов сосредоточена в Москве, Московской области или Санкт-Петербурге.

Большинство профессионалов культуры в основном трудится по полученной специальности на предприятиях со стандартной 40-часовой рабочей неделей, с дневным графиком работы. Они также оформлены преимущественно по постоянному трудовому контракту. Таким образом, неполная рабочая неделя, проектная работа и другие типы нестандартной занятости не являются ключевыми чертами изучаемой группы. Этим представители культурных профессий в России значительно отличаются от аналогичной группы в странах Европейского союза. Лица, вовлечённые в сферу культуры в европейских странах, зачастую работают не по найму или неполный рабочий день [Polyakova, Kuleva 2018].

Одной из вероятных причин слабой распространённости нестандартных типов занятости среди представителей профессий в области культуры в России может быть введение государственной политики в области культуры, нацеленной на поддержание стандартных форм занятости в данной области [Основы... 2014]. Тем не менее возраст работников культуры позволяет предположить, что рано или поздно им на смену придут новые, более молодые специалисты. И если постоянное трудоустройство будет для следующих поколений менее ценно [Bauman 2004; Радаев 2019], то доля нестандартно занятых в области культуры может вырасти в последующие годы. Но подтверждение этого нуждается в отслеживании будущей многолетней динамики характеристик работников культуры, а также в привлечении информации о работниках культуры, устроенных по контрактам фриланса или привлечённых для выполнения краткосрочных проектов.

Результаты также свидетельствуют об особом отношении специалистов культуры к своему труду. Они в целом больше удовлетворены своей деятельностью по сравнению с другими профессиональными группами. Их в основном устраивают условия и режим работы, а также они получают большее по сравнению с другими группами моральное удовлетворение от работы. Это отчасти может быть объяснено добровольным самоотбором в профессии, так как результаты показали, что только 6% респондентов, получивших профильное образование, работают по специальности. Несмотря на это, именно наличие профильного образования повышает вероятность того, что индивид будет трудоустроен специалистом в отрасли культуры.

Полученные результаты позволяют сделать предположения о том, способны ли российские организации сферы культуры конкурировать на международных рынках, а также о перспективах развития данной сферы. Наше исследование показало, что среди культурных специалистов на российском рынке труда больше распространены стандартные формы занятости. Однако развитие творческих и культурных индустрий зависит от талантливых стартапов и частных инициатив, которые распространены в европейских странах, например — в Великобритании [Доси 2011; Chaston, Sadler-Smith 2012]. Но большинство специалистов в области культуры в России с большей вероятностью не рассматривают результаты своего труда как бизнес-продукт, который следует продавать в конкурентной среде, не задумываются о его преимуществах и недостатках [Volkov 2000; Kelly 2002; Tchouikina 2010]. Это означает, что культурная индустрия, большая часть производства которой осуществляется людьми, не склонными к инициативе и риску в своей профессиональной занятости, не может породить инновационные продукты, необходимые для успешного развития отрасли и конкуренции на международных рынках [Sacco 2011; Hesmondhalgh 2019].

Таким образом, российская культурная сфера для успешной конкуренции на международном рынке требует серьёзных структурных изменений в сфере занятости в культуре и политики в области труда

в целом. Российский творческий и культурный сектор может являться заложником ситуации, созданной неразвитой правовой системой, бюрократической нагрузкой, сложной системой налогообложения и неадекватной бизнес-инфраструктурой, которые препятствуют развитию стартапов, предпринимательства и частных инициатив в России [Kravchenko et al. 2015]. Это не та ситуация, которая способствует появлению новых и инновационных проектов в российской творческой и культурной сфере. Таким образом, меры по развитию креативной экономики России должны включать поддержку малого бизнеса и стимулирование предпринимательской деятельности.

Кроме того, полученные результаты могут стать основой для последующих исследований, где более подробно (например, с применением качественных методов) изучаются индивидуальные карьерные пути работников области культуры, занятых в государственных институциях на постоянной основе, а также их условия труда. Это позволило бы представить более точное видение работы специалистов культуры, мотивов их работы, особенностей рабочих мест, подходов к труду, причин их высокой удовлетворённости своей профессиональной деятельностью, пролить свет на высокую удовлетворённость заработными платами. Также при использовании количественных данных остаются слабо раскрытыми некоторые специфические черты изучаемой группы, особенности их воззрения на себя и свою позицию в обществе, представления о своих экономических и политических возможностях, позиция в переговорах об улучшении условий труда с работодателями. Применённый подход позволил нам представить общую картину, но он не раскрывает индивидуальные трудовые биографии. Например, более подробный анализ может выявить причины и мотивы занятости работников в сфере культуры.

Приложение

Таблица П.1

Профессиональные группы культуры: ISCO-08 и ОКЗ-14

ISCO-08 (The International Standard Classification of Occupations-08)		ОКЗ-14 (Общероссийский классификатор занятий — 14)	
2161	Building architect	2161	Архитекторы зданий и сооружений
2162	Landscape architects	2162	Ландшафтные архитекторы
2163	Product and garment designers	2163	Дизайнеры товаров и одежды
2166	Graphic and multimedia designers	2166	Графические и мультимедийные дизайнеры
2354	Other music teachers	2354	Преподаватели музыки в музыкальных школах и частные
2355	Other arts teachers	2355	Преподаватели в области изобразительных и иных искусств
2621	Archivists and curators	2621	Специалисты архивов и музеев
2622	Librarians and related information professionals	2622	Специалисты библиотек
2641	Authors and related the writers	2641	Писатели, поэты и другие литераторы
2642	Journalists	2642	Журналисты
2643	Translators, interpreters and other linguists	2643	Переводчики и другие лингвисты
2651	Visual artists	2651	Художники
2652	Musicians, singers and composers	2652	Музыканты, певцы и композиторы
2653	Dancers and choreographers	2653	Танцоры и хореографы
2654	Film, stage and related directors and producers	2654	Режиссёры кино, театра и родственные им деятели искусства и продюсер
2655	Actors	2655	Актёры
2656	Announcers on radio, television and other media	2656	Дикторы радио, телевидения и других средств массовой информации
265	Creative and performing the artists not elsewhere classified	265	Художники и артисты
3431	Photographers	3431	Фотографы (художественные)
3432	Interior designers and decorators	3432	Художники-декораторы и оформители
3521	Broadcasting and audio-visual technicians	3521	Специалисты-техники по радио- и телевидению
441	Library clerks	441	Другие офисные служащие
7312	Musical instrument makers and tuners	7312	Изготовители, настройщики и реставраторы музыкальных инструментов
7313	Jewellery and precious-metal workers	7313	Мастера по изготовлению ювелирных украшений и изделий из драгоценных металлов и камней, изделий художественных промыслов (лаковая миниатюра, художественная роспись по металлу и керамике)
7314	Potters and related workers	7314	Гончары и рабочие родственных занятий
7315	Glass makers, cutters, grinders and finishers	7315	Формовщики изделий из стекла, резчики по камню, шлифовщики и полировщики
7316	Sign the writers, decorative painters engravers and etchers	7316	Художники по росписи, художники-оформители, гравировщики и травильщики
7317	Handicraft workers in wood, basketry and related materials	7317	Рабочие художественных промыслов, изготавливающие плетённые изделия, изделия из дерева и аналогичных материалов
7318	Handicraft workers in textile, leather and related materials	7318	Рабочие художественных промыслов, изготавливающие изделия из текстиля, кожи, меха и аналогичных материалов
7319	Handicraft workers not else where classified	7319	Квалифицированные рабочие ручного труда, не входящие в другие группы

Таблица П.2

**Социально-демографические характеристики респондентов
(стандартное отклонение — в скобках)**

Переменная	Профессиональные группы			
	Культура	Прочие	Культура	Прочие
	2016 г.		2018 г.	
Пол (1 = мужской)	0,32*** (0,46)	0,52 (0,49)	0,36*** (0,48)	0,52 (0,49)
Возраст (полных лет)	40,64** (11,72)	41,53 (11,60)	41,22** (12,34)	41,73 (11,40)
Образование (1 = высшее профессиональное образование)	0,65*** (0,47)	0,38 (0,48)	0,65*** (0,47)	0,38 (0,48)
Регион проживания (1=Москва, Московская область, Санкт-Петербург)	0,29*** (0,45)	0,09 (0,29)	0,33*** (0,47)	0,12 (0,32)
Семейный статус (1 = состоит в зарегистрированном или незарегистрированном браке)	0,63*** (0,48)	0,68 (0,46)	0,62 (0,48)	0,64 (0,46)
Наличие детей (1 = да)	0,26*** (0,43)	0,31 (0,46)	0,29*** (0,45)	0,31 (0,46)
Всего	947	53 335	1044	53 281

Примечание: * — отличия на однопроцентном уровне; ** — отличия на пятипроцентном уровне; *** — отличия на пятипроцентном уровне от группы респондентов профессий, не относящихся к культуре.

Таблица П.3

Условия занятости респондентов (стандартное отклонение — в скобках)

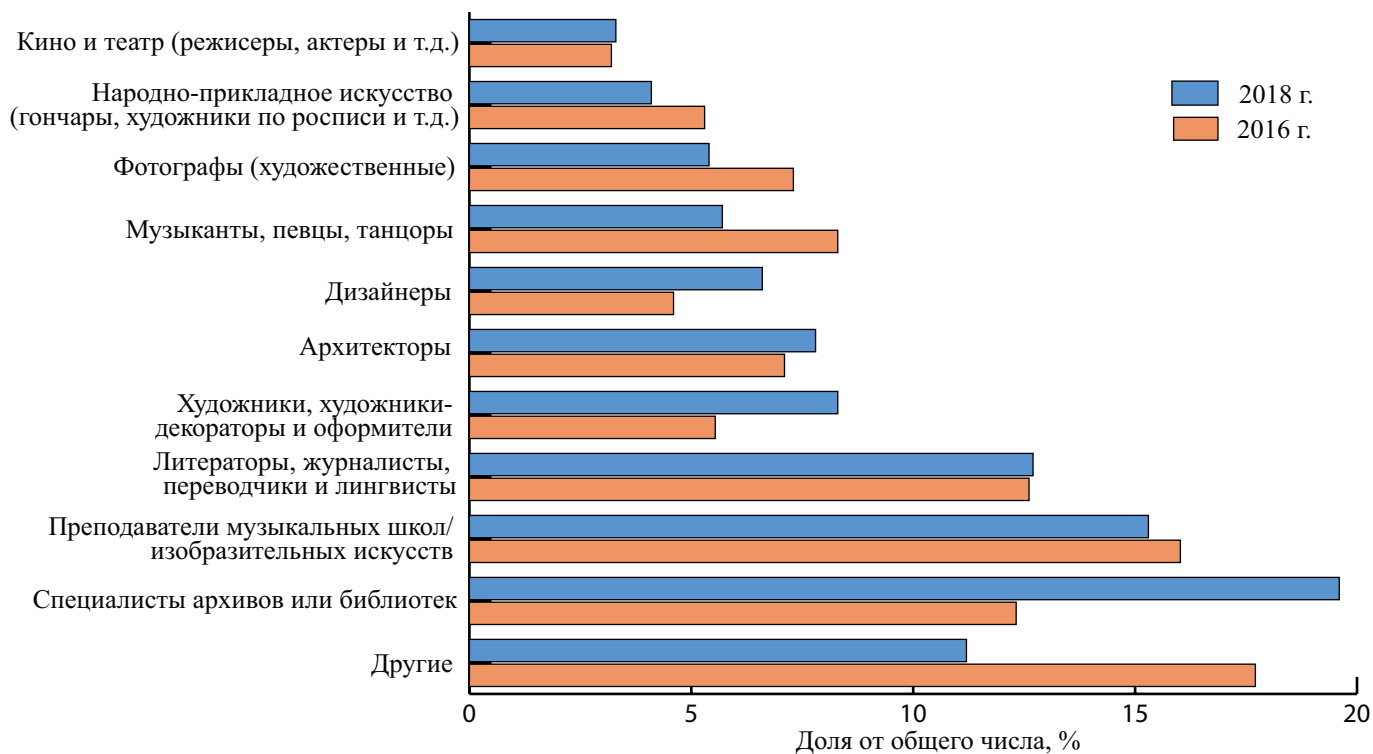
Переменная	Профессиональные группы			
	Культура	Прочие	Культура	Прочие
	2016 г.		2018 г.	
Работа на индивидуальной основе (1 = да)	0,03*** (0,16)	0,07 (0,24)	0,02*** (0,14)	0,07 (0,24)
Работа на предприятии (1 = да)	0,83*** (0,37)	0,79 (0,40)	0,85*** (0,37)	0,79 (0,40)
Тип занятости (1 = наёмный работник)	0,86** (0,34)	0,88 (0,33)	0,90 (0,34)	0,91 (0,33)
Оформление на рабочем месте (1 = на основе трудового контракта на неопределённый или определённый срок)	0,86 (0,34)	0,87 (0,33)	0,86* (0,34)	0,90 (0,28)
Неформальная занятость (1 = работа на основе устной договорённости)	0,03*** (0,15)	0,06 (0,23)	0,03** (0,21)	0,06 (0,23)
Связь работы с полученной специальностью (1 = работа полностью соответствует специальности или по близкой специальности)	0,74*** (0,43)	0,56 (0,49)	0,74*** (0,43)	0,56 (0,49)
Сверхквалификация (1 = обладает навыками для выполнения более сложной работы)	0,60 (0,48)	0,58 (0,49)	0,53 (0,49)	0,54 (0,49)
Работа связана с напряжением, стрессом (1 = да)	0,11*** (0,31)	0,19 (0,39)	0,13*** (0,33)	0,20 (0,39)
Стаж работы (полных лет)	17,89** (11,34)	19,13 (11,34)	18,69** (11,79)	19,13 (11,34)
Количество рабочих часов в неделю	37,87 (8,42)	40,88 (7,33)	38,13 (7,83)	40,74 (6,77)
N	947	53 335	1044	53 281

Примечание: * — отличия на однопроцентном уровне; ** — отличия на пятипроцентном уровне; *** — отличия на пятипроцентном уровне от группы респондентов других профессиональных групп.

Таблица П.4

Специальности в культуре: соответствие кодов Общероссийского классификатора специальностей по образованию (ОКСО) и Общероссийского классификатора начального профессионального образования (ОКНПО)

Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2016 г. (КОУЖ-2016)		Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2018 г. (КОУЖ-2018)	
ОКСО-2003		ОКСО-2016	
Код	Название	Код	Название
030601	Журналистика	5420302	Журналистика
050601	Музыкальное образование	8530000	Музыкальное искусство
050602	Изобразительное искусство	8540000	Изобразительное и прикладные виды искусств, включая изобразительное искусство и черчение
050603	Изобразительное искусство и черчение		Изобразительное искусство и черчение
070000	Культура и искусство	8000000	Культура и искусство
270301	Архитектура	2070000	Архитектура, включая дизайн архитектурной среды и реставрацию и реконструкцию архитектурного наследия
270302	Дизайн архитектурной среды		
270303	Реставрация и реконструкция архитектурного наследия		
ОКНПО-95			
Код	Название	Код	Название
390401	Фотограф	8540103	Фотограф
390402	Ретушёр	8540208	Техника и искусство фотографии, включая ретушёра и фотолаборанта
390403	Фотолаборант		

Рис. П.1. Распределение занятых в культуре по профессиональным группам

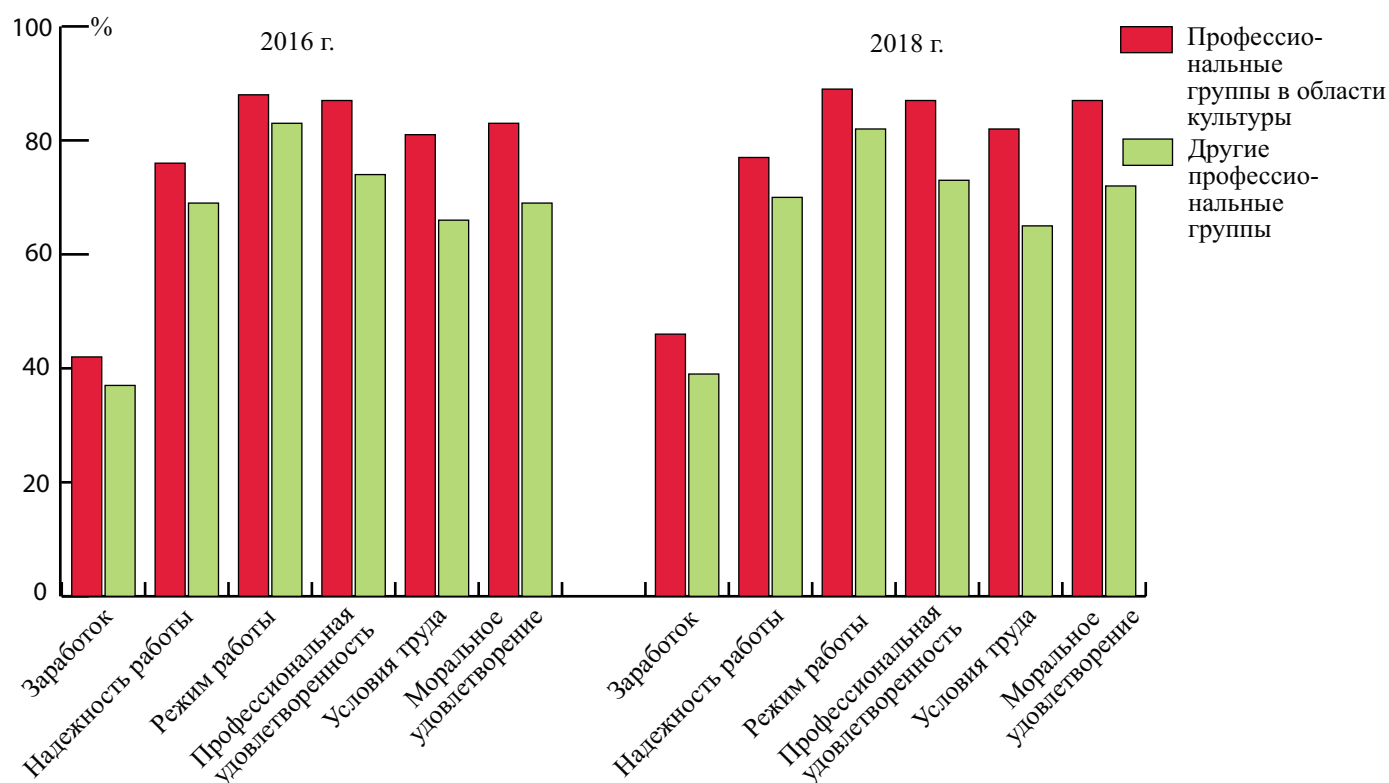

Рис. П.2. Удовлетворённость аспектами работы у занятых респондентов, 2016–2018 гг.

Литература

- Абрамова Е. 2012. Условия труда творческих работников: итоги проекта. *Полит.ру*. 30 сентября. URL: <https://polit.ru/article/2012/09/30/altvorrabotnyki/>
- Абрамова Е. 2013. Труд работниц институций современного искусства в Москве: «менеджер» vs. «девочка». *Colta.Ru*. 30 мая. URL: <http://archives.colta.ru/docs/21801>
- Балабанова Е. С. 2005. Домашний труд как символ гендера и власти. *Социологические исследования*. 254 (6): 109–119.
- Гнедовский М. Б. 2005. Творческие индустрии: политический вызов для России. *Отечественные записки*. 25 (4). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tvorcheskie-industrii-politicheskiy-vyzov-dlya-rossii>.
- Гнедовский М. Б. 2006. Творческие индустрии — развивающийся сектор постиндустриальной экономики. *Управленческое консультирование*. 22 (2): 140–151.
- Досси П. 2011. *Продано! Искусство и деньги*. СПб.: Лимбус Пресс; изд-во К. Тублина.
- Зеленцова Е. В., Мельвиль Е.Х. 2013. Культура как системный фактор экономики и территориального развития. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. 1–2: 37–42.
- Капелюшников Р. И. 2014. Человеческий капитал отраслей культуры: статистический портрет. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 24 (4): 160–179.
- Карпушин Е. С., Кулакова А. И. 2015. Российская киноиндустрия как часть экономики страны. *ЭКО*. 45 (8): 181–189.

- Клоудова Й. 2010. Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 5 (5): 110–125.
- Кулева М. И. 2017. Трансформация творческой занятости в современной России: на примере сотрудников негосударственных арт-центров Москвы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 137 (2): 50–62.
- Лысенко О. В. 2016. Последствия Пермского культурного проекта. *Неприкосновенный запас*. 105 (1): 203–221.
- Лэндри Ч., Пахтер М. 2003. *Культура на перепутье: культура и культурные институты в XXI веке*. М.: Классика-XXI.
- Основы государственной культурной политики. 2014. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>
- Панов А. М. 2014. Гендерный анализ российского рынка труда. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 3 (33): 235–247.
- Радаев В. В. 2019. *Миллениалы. Как меняется российское общество*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Рощин С. Ю., Солнцев С. А. 2017. Как компании ищут работников: эмпирические оценки по российским предприятиям. *Российский журнал менеджмента*. 15 (2): 173–192.
- Стефановская Н. А., Жуликова О. В., Неверова Т. А. 2015. Престиж сферы культуры в регионе: оценки профессионалов. *Socio-Economic, Sociopolitical and Sociocultural Development of Regions. Materials of the V International Scientific Conference on October 25–26, 2015*. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»; 51–55.
- Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. 2016. Самостоятельная занятость на рынке удалённой работы: распространение инновационной трудовой практики. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6 (136): 89–106.
- Тартаковская И. Н. 2015. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа. *Социологические исследования*. 373 (5): 84–93.
- Томпсон Д. 2017. *Как продать за \$12 миллионов чучело акулы*. М.: Азбука-Аттикус.
- Урри Д. 2012. *Мобильности*. М.: ПРАКСИС.
- Хархордин О. В. 2002. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад.
- Шарунина А. В. 2016. Где бюджетнику жить хорошо: анализ межсекторных различий в оплате труда в регионах России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 30 (2): 105–128.
- Adorno T. 2001. Culture Industry Reconsidered. In: Adorno T., Bernstein J. (eds) *The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture*. London: Routledge; 98–106.
- Bauman Z. 2004. *Work, Consumerism and the New Poor*. New York: McGraw-Hill Education.

- Beck U. 2014. *The Brave New World of Work*. Oxford: John Wiley & Sons.
- Beck-Domžalska M., Frank G. 2012. *ESSnet-Culture. European Statistical System Network on Culture*. Final Report. Luxembourg: Eurostat.
- Beck-Domžalska M., Mercy J.-L. 2016. *Culture Statistics*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Chaston I., Sadler-Smith E. 2012. Entrepreneurial Cognition, Entrepreneurial Orientation and Firm Capability in the Creative Industries. *British Journal of Management*. 23 (3): 415–432.
- Chekova E. 2004. Organizational Structure of Russian State Museums: Recent Innovations. *International Journal of Arts Management*. 6 (2): 44–53.
- Connell R. 2013. The Neoliberal Cascade and Education: An Essay on the Market Agenda and Its Consequences. *Critical Studies in Education*. 54 (2): 99–112.
- DiMaggio P. 1994. Culture and Economy. In: Smelser N. J., Swedberg R. (eds) *Handbook of Economic Sociology*. Princeton; New York: Princeton University Press; Russell Sage; 27–57.
- Fitzpatrick S. 1978. *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington: Indiana University Press.
- Fitzpatrick S. 1992. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Florida R. 2002. *The Rise of the Creative Class*. New York: Basic Books.
- Florida R. 2010. *Who's Your City? How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. Toronto: Vintage Canada.
- Florida R. 2017. *The New Urban Crisis: How Our Cities are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class — And What We Can Do about It*. New York: Basic Books.
- Gaav L., Potapova M. 1996. New Audiences for New Art: The Public at the Avant-Garde Exhibitions at the State Russian Museum. *Poetics*. 24 (2–4): 131–159.
- Garnham N. 2005. From Cultural to Creative Industries: An Analysis of the Implications of the “Creative Industries” Approach to Arts and Media Policy Making in the United Kingdom. *International Journal of Cultural Policy*. 11 (1): 5–29.
- Gimpel'son V., Zudina A. 2012. «Informals» in the Russian Economy: How Many of Them and Who Are They? *Problems of Economic Transition*. 55 (5): 26–57.
- Guide to Eurostat Culture Statistics*. 2018. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Gurova O., Morozova D. 2018. Creative Precarity? Young Fashion Designers as Entrepreneurs in Russia. *Cultural Studies*. 32 (5): 704–726.
- Hesmondhalgh D. 2008. Cultural and Creative Industries. In: Bennett T., Frow J. (eds) *SAGE Handbook of Cultural Analysis*. London: SAGE Publications Ltd; 553–569.

- Hesmondhalgh D. 2019. *The Cultural Industries*. London: SAGE Publications Ltd.
- Kelly C. 2002. «A Laboratory for the Manufacture of Proletarian Writers»: The Stengazeta (Wall Newspaper), Kul'turnost' and the Language of Politics in the Early Soviet Period. *Europe-Asia Studies*. 54 (4): 573–602.
- Kravchenko N. A. et al. 2015. A Comparative Study of Regional Innovative Entrepreneurship in Russia and the United States. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 22 (1): 63–81.
- Kuleva M. 2018. Cultural Administrators as Creative Workers: The Case of Public and Non-Governmental Cultural Institutions in St. Petersburg. *Cultural Studies*. 32 (5): 727–746.
- Kuleva M. 2019. Turning the Pushkin Museum into a 'Russian Tate': Informal Creative Labour in a Transitional Cultural Economy (The Case of Privately Funded Moscow Art Centres). *International Journal of Cultural Studies*. 22 (2): 281–297.
- Landry C. 2008. *The Creative City*. London: Routledge.
- Levshina E., Orlov Y. 2000. Company Profile: General and Specific Issues in Russian Theatre. *International Journal of Arts Management*. 2 (2): 74–83.
- McAndrew C., McKimm C. 2010. *The Living and Working Conditions of Artists in the Republic of Ireland and Northern Ireland*. Dublin: The Arts Council/An Chomhairle Ealaíon and Arts Council of Northern Ireland.
- O'Connor J. 2005. Creative Exports: Taking Cultural Industries to St Petersburg. *International Journal of Cultural Policy*. 11 (1): 45–60.
- Polyakova E., Kuleva M. 2018. Cultural Employment in Russia and Europe: A Comparative Analysis. *CGES Working Papers*. Series WP 2014-04. Bielefeld; St. Petersburg: Centre for German and European Studies.
- Ruutu K., Panfilo A., Karhunen P. 2009. *Cultural Industries in Russia*. Copenhagen: Nordiska ministerrådets förlag.
- Sacco P. L. 2011. Culture 3.0: A New Perspective for the EU 2014-2020 Structural Funds Programming. *European Expert Network on Culture (EENC) Paper*. April.
- Safonova M., Sokolova N., Barmina A. 2018. The Established and the Outsiders: Legitimacy and Economic Niches of the Four Generations of Saint Petersburg Cultural Organizations. *Cultural Studies*. 32 (5): 747–771.
- Tchouikina S. 2010. The Crisis in Russian Cultural Management: Western Influences and the Formation of New Professional Identities in the 1990s–2000s. *The Journal of Arts Management, Law, and Society*. 40 (1): 76–91.
- Volkov V. 2000. The Concept of Kul'turnost': Notes on the Stalinist Civilizing Process. In: Fitzpatrick S. (ed.) *Stalinism: New Directions*. Abingdon-on-Thames, England, UK: Routledge; 210–230.

Evgeniya Polyakova, Mikhail Manokin

Cultural Professions in Modern-Day Russia: Statistical Portrait of the Workers

POLYAKOVA, Evgeniya—Senior Lecturer, Department of Economics, National Research University Higher School of Economics; Assistant, the Department of Problems of Interdisciplinary Synthesis in the Field of Social Sciences and Humanities, Saint-Petersburg State University. Address: 193171, St. Petersburg, 3a Kantemirovskaya str., Russian Federation.

Email: eypolyakova@hse.ru

MANOKIN, Mikhail—Candidate of Sciences in Cultural Studies, Senior Lecturer, Department of Management, National Research University Higher School of Economics; Senior Lecturer, Journalism and Mass Media Department, Perm State University. Address: 614070, Perm, 38 Studencheskaya str., Russian Federation.

Email: mamanokin@hse.ru

Abstract

In this study, we aim to provide a statistical portrait of employment in the cultural field with regard to occupations on the Russian labor market. The data from the ‘Comprehensive Monitoring of Living Conditions’ are used to illustrate the main differences in the socio-demographic and occupational characteristics of culturally employed respondents and other professional groups. Additionally, the most relevant factors that may have an impact on individuals’ probability to be cultural workers are analyzed.

Our study is based on the theoretical frameworks of U. Beck, R. Florida, J. Urry, and Z. Bauman. We also consider the possible Soviet legacy of the contemporary Russian culture, which may interconnect with labor conditions in this field, using S. Fitzpatrick’s works. We also provide an overview of other relevant studies.

Our findings show that a larger number of cultural workers among the respondents are librarians, archivists, teachers of music and art schools, linguists, museum workers, journalists, and writers. The results on the statistical portrait display that on average, the cultural workers are highly educated married women in their forties or older who live predominantly in the largest regions of the Russian Federation (Moscow and Moscow region, St. Petersburg). Almost three-quarters of the group have relevant education. They are mostly regular full-time employees with a daytime work schedule. We have also found that the most influential factors for becoming cultural workers are the region of residence and relevant professional education.

Keywords: cultural economics; cultural employment; labor market; cultural politics; Russia; cultural industries.

Acknowledgements

The article was made in the frame of the Laboratory for Labour Market Studies’ research project supported by the NRU HSE’s Program for fundamental research.

References

Abramova E. (2012) Usloviya truda tvorcheskikh rabotnikov: itogi proekta [Work Conditions of the Creative Workers: Results of The Project]. *POLIT.RU*. Available at: <https://polit.ru/article/2012/09/30/altvor-rabotnyki/> (accessed 4 June 2019) (in Russian).

- Abramova E. (2013) «Trud rabotnits institutsii sovremennogo iskusstva v Moskve: “menedzher” vs. “devochka”» [Labour of The Female Workers of The Contemporary Art: “A Manager” vs. “A Girl”]. *Colta.Ru*. Available at: <http://archives.colta.ru/docs/21801> (accessed 4 June 2019) (in Russian).
- Adorno T. (2001). Culture Industry Reconsidered. *The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture*, London: Routledge, pp. 98–106.
- Balabanova E. (2005) Domashniy trud kak simbol gendera i vlasti [Domestic Labor as a Symbol of Gender and Power]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, vol. 254, no 6, pp. 109–119 (in Russian).
- Bauman Z. (2004) *Work, Consumerism and the New Poor*, New York: McGraw-Hill Education.
- Beck U. (2014) *The Brave New World of Work*, Hoboken: John Wiley & Sons.
- Beck-Domžalska M. Frank G. (2012) *ESSnet-Culture. European Statistical System Network on Culture*. Final Report, Luxembourg: Eurostat.
- Beck-Domžalska M., Mercy J.-L. (2016) *Culture Statistics*, Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Chaston I., Sadler-Smith E. (2012) Entrepreneurial Cognition, Entrepreneurial Orientation and Firm Capability in the Creative Industries. *British Journal of Management*, vol. 23, no 3, pp. 415–432.
- Chekova E. (2004) Organizational Structure of Russian State Museums: Recent Innovations. *International Journal of Arts Management*, vol. 6, no 2, pp. 44–53.
- Connell R. (2013) The Neoliberal Cascade and Education: An Essay on the Market Agenda and its Consequences. *Critical Studies in Education*, vol. 54, no 2, pp. 99–112.
- DiMaggio P. (1994) Culture and Economy. *Handbook of Economic Sociology* (eds. N. J. Smelser, R. Swedberg), Princeton; New York: Princeton University Press; Russell Sage, pp. 27–57.
- Dossi P. (2011) *Prodano! Iskustvo i den'gi* [Sold! Art and Money], St. Petersburg: Limbus Press, Izdatel'stvo K. Tublina (in Russian).
- European Union (2018) *Guide to Eurostat Culture Statistics*, Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Fitzpatrick S. (1978) *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*, Bloomington: Indiana University Press.
- Fitzpatrick S. (1992) *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class*, New York: Basic Books.
- Florida R. (2010) *Who's Your City? How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*, Toronto: Vintage Canada.

- Florida R. (2017) *The New Urban Crisis: How Our Cities are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class—And What We Can Do about It*, New York: Basic Books.
- Gaav L. E., Potapova M. V. (1996) New Audiences for New Art: The Public at the Avant-Garde Exhibitions at the State Russian Museum. *Poetics*, vol. 24, no 2–4, pp. 131–159.
- Garnham N. (2005) From Cultural to Creative Industries: An Analysis of the Implications of the “Creative Industries” Approach to Arts and Media Policy Making in the United Kingdom. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 11, no 1, pp. 5–29.
- Gimpel’son V., Zudina A. (2012) “Informals” in the Russian Economy: How Many of Them and Who are They? *Problems of Economic Transition*, vol. 55, no 5, pp. 26–57.
- Gnedovskii M. (2005) Tvorcheskie industrii: politicheskii vyzov dlya Rossii [Creative Industries: Political Challenge for Russia]. *Otechestvennye zapiski* (electronic journal), no 4. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tvorcheskie-industrii-politicheskii-vyzov-dlya-rossii> (accessed 1 June 2019) (in Russian).
- Gnedovskii M. (2006) Tvorcheskie industrii — razvivaiushchiysya sektor postindustrial’noy ekonomiki [Creative Industries as a Developing Sector of the Post-Industrial Economy]. *Upravlencheskoe konsul’tirovanie = Administrative Consulting*, vol. 22, no 2, pp. 140–151 (in Russian).
- Gurova O., Morozova D. (2018) Creative Precarity? Young Fashion Designers as Entrepreneurs in Russia. *Cultural Studies*, vol. 32, no 5, pp. 704–726.
- Hesmondhalgh D. (2008) Cultural and Creative Industries. *SAGE Handbook of Cultural Analysis* (eds. T. Bennett, J. Frow), London: SAGE Publications Ltd, pp. 553–569.
- Hesmondhalgh D. (2019) *The Cultural Industries*, London: SAGE Publications Ltd.
- Kapeliushnikov R. (2014) Chelovecheskiy kapital otrasley kul’tury: statisticheskii portret [Human Capital of the Cultural Economic Sector: Statistical Portrait]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*, vol. 24, no 4, pp. 160–179 (in Russian).
- Karpushin E., Kulakova A. (2015) Rossiiskaya kinoindustriya kak chast’ ekonomiki strany [Russian Movie Industry as a Part of National Economics]. *EKO = ECO Journal*, vol. 45, no 8, pp. 181–189 (in Russian).
- Kelly C. (2002) “A Laboratory for the Manufacture of Proletarian Writers”: The Stengazeta (Wall Newspaper), Kul’turnost’ and the Language of Politics in the Early Soviet Period. *Europe-Asia Studies*, vol. 54, no 4, pp. 573–602.
- Kloudova I. (2010) Vliyanie razvitiya kreativnoy ekonomiki na ekonomicheski otstalye region [Influence of the creative industries on economically backward regions]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*, vol. 5, no 5, pp. 110–125 (in Russian).
- Kharkhordin O. (2002) *Oblichat’ i litsemerit’*: Genealogiya rossiiskoy lichnosti [Reveal and Dissimulate: A Genealogy of the Russian Personality], St. Petersburg; Moscow: European University at St. Petersburg; Letniy Sad (in Russian).

- Kravchenko N. A., Kuznetsova S. A., Yusupova A., Jithendranathan T., Lundsten L. L., Shemyakin A. (2015) A Comparative Study of Regional Innovative Entrepreneurship in Russia and the United States. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, vol. 22, no 1, pp. 63–81.
- Kuleva M. I. (2017) Transformatsiya tvorcheskoy zaniatosti v sovremennoy Rossii: na primere sotrudnikov negosudarstvennykh art-tsentrov Moskvy [Transformation of the Creative Employment in Contemporary Russia: The Case of Employees of the Non-State Art Centres of Moscow]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, vol. 138, no 2, pp. 50–62 (in Russian).
- Kuleva M. (2018) Cultural Administrators as Creative Workers: The Case of Public and Non-Governmental Cultural Institutions in St. Petersburg. *Cultural Studies*, vol. 32, no 5, pp. 727–746.
- Kuleva M. (2019) Turning the Pushkin Museum into a 'Russian Tate': Informal Creative Labour in a Transitional Cultural Economy (The Case of Privately Funded Moscow Art Centres). *International Journal of Cultural Studies*, vol. 22, no 2, pp. 281–297.
- Landry C. (2008) *The Creative City*, London: Routledge.
- Landry C., Pahter M. (2003) *Kul'tura na pereput'e: kul'tura i kul'turnye instituty v XXI veke* [Culture at the Crossroads: Culture and Cultural Institutions at the Beginning of the 21st Century], Moscow: Klassika-XXI (in Russian).
- Levshina E., Orlov Y. (2000) Company Profile: General and Specific Issues in Russian Theatre. *International Journal of Arts Management*, vol. 2, no 2, pp. 74–83.
- Lysenko O. (2016) Posledstviya Permskogo kul'turnogo proekta [Consequences of the Perm Cultural Project]. *Neprikosnovennyi zapas*, vol. 105, no 1, pp. 203–221 (in Russian).
- McAndrew C., McKimm C. (2010) *The Living and Working Conditions of Artists in the Republic of Ireland and Northern Ireland*, Dublin: An Chomhairle Ealaíon and Arts Council of Northern Ireland.
- O'Connor J. (2005) Creative Exports: Taking Cultural Industries to St Petersburg. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 11, no 1, pp. 45–60.
- Polyakova E., Kuleva M. (2018) Cultural Employment in Russia and Europe: A Comparative Analysis. *CGES Working Papers*. Series WP 2014-04. Bielefeld; St. Petersburg: Centre for German and European Studies.
- Panov A. (2014) Gendernyy analiz rossiyskogo rynka truda [Gender Analysis of the Russian Labor Market]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 33, no 3, pp. 235–247 (in Russian).
- President of The Russian Federation (2014) *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoi politiki* [Basic Principles of the National Cultural Policy], Moscow: President of The Russian Federation. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (accessed 4 July 2019) (in Russian).
- Radaev V. V. (2019) *Millenialy: Kak meniaetsia rossiiskoe obshchestvo*, [Millenials: How Russian Society Changes], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

- Roshchin S., Solntsev S. (2017) Kak kompanii ishchut rabotnikov: empiricheskie otsenki po rossiiskim predpriiatiiam [How Companies Look for Employees: Empirical Evaluation of the Russian Businesses]. *Rossiiskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*, vol.15, no 2, pp. 173–192 (in Russian).
- Ruutu K., Panfilo A., Karhunen P. (2009) *Cultural Industries in Russia*, Copenhagen: Nordiska ministerrådets förlag.
- Sacco P. L. (2011) Culture 3.0: A New Perspective for the EU 2014–2020 Structural Funds Programming. *European Expert Network on Culture (EENC) Paper*. April.
- Safonova M. A., Sokolova N. A., Barmina A. S. (2018) The Established and the Outsiders: Legitimacy and Economic Niches of The Four Generations of Saint Petersburg Cultural Organizations. *Cultural Studies*, vol. 32, no 5, pp. 747–771.
- Sharunina A. (2016) Gde biudzhethniku zhit' khorosho: analiz mezhsektornykh razlichiy v oplate truda v regionakh Rossii [Where the Budget Worker Lives Good Life: Analysis of Inter-Sector Differences of the Wages in Regions of Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*, vol. 30, no 2, pp. 105–128 (in Russian).
- Stefanovskaia N. A., Zhulikova O. V., Neverova T. A. (2015) Prestizh sfery kul'tury v regione: otsenki professionalov [The Prestige of Professions in the Sphere of Culture in the Region]. *Socio-Economic, Sociopolitical and Sociocultural Development of Regions. Materials of the V International Scientific Conference on October 25–26, 2015*, Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», pp. 51–55 (in Russian).
- Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2016) Self-Employment in the Remote Work Market: Diffusion of Innovative Labor Practice. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, vol. 136, no 6, pp. 89–106 (in Russian).
- Tartakovskaya I. (2015) The Gender Order Reproduction Via Career Strategies: Intersectional Analyses. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, vol. 373, no 5, pp. 84–93 (in Russian).
- Tchouikina S. (2010) The Crisis in Russian Cultural Management: Western Influences and the Formation of New Professional Identities in the 1990s–2000s. *The Journal of Arts Management, Law, and Society*, vol. 40, no 1, pp. 76–91.
- Thompson D. (2017) *Kak prodat' za \$12 millionov chuchelo akuly* [The \$12 Million Stuffed Shark: The Curious Economics of Contemporary Art], Moscow: Azbuka-Attikus (in Russian).
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities], Moscow: PRAKSIS (in Russian).
- Volkov V. (2000) The Concept of Kul'turnost': Notes on the Stalinist Civilizing Process. *Stalinism: New Directions* (ed. S. Fitzpatrick), Abingdon-on-Thames, England, UK: Routledge, pp. 210–230.
- Zelencova E., Mel'vil' E. (2013) Kul'tura kak sistemnyy faktor ekonomiki i territorial'nogo razvitiya [Culture as a Systemic Factor of Economics and Regional Development]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problem teorii i praktiki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, no 1–2, pp. 37–42 (in Russian).

Received: July 12, 2019

Citation: Polyakova E., Manokin M. (2021) *Specialisty v oblasti kul'tury na rossiyskom rynke truda* [Cultural Professions in Modern-Day Russia: Statistical Portrait of the Workers]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 35–60. doi: [10.17323/1726-3247-2021-1-35-60](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-35-60) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Джонатан Хаскел, Стиан Вестлейк

Капитализм без капитала: подъём нематериальной экономики¹

ХАСКЕЛ Джонатан — профессор экономики Школы бизнеса Имперского колледжа Лондона. Адрес: Великобритания, SW7 2AZ, Лондон.

Email: j.haskel@imperial.ac.uk

Перевод с английского Юрия Каптуревского

Данная книга представляет анализ изменений в структуре инвестиций, наблюдаемых во всех развитых странах мира на протяжении последних 40 лет. Если в прошлом преобладали вещественные или материальные инвестиции, то в наши дни значительная часть инвестиций является нематериальной, то есть денежные средства направляются на приобретение или создание продуктов, связанных со знаниями, таких как программное обеспечение, исследования и разработки (ИИР), дизайн и конструкторские работы, художественные произведения, исследования рынка, обучение и новые бизнес-процессы. Авторы книги попытались ответить на вопрос, почему экономика, в которой интенсивно используются нематериальные активы, настолько сильно отличается от экономики с преобладанием осязаемых активов, и пришли к заключению, что такое преобразование современных экономик приводит к замедлению экономического роста в развитых странах и длительной стагнации, усилению неравенства, а также к трудностям в финансовой и экономической политике государства.

В журнале «Экономическая социология» публикуется первая — вводная — глава книги «Старый добрый метод оценки, или Вот уже тысячу лет в Эссексе» («Valuation, the Old-Fashioned Ways: or, a Thousand Years in Essex») из книги «Капитализм без капитала», в которой авторы разбирают значение инвестиций, определяют отличия материальных инвестиций от нематериальных вложений, а также выдвигают предположение, почему некоторые базовые свойства невещественных инвестиций столь сильно изменяют современную экономику.

Ключевые слова: нематериальные инвестиции; частные фирмы; государство; экономический рост; социальное неравенство; капитализм.

Глава 1: введение. Старый добрый метод оценки, или Вот уже тысячу лет в Эссексе

Колин Мэтьюз даже не пытался скрыть раздражение. Он всегда был против того, чтобы по его аэропорту «ползали» эти оценщики. Но ведь прошло три года, и повернуть время вспять уже невозможно.

На дворе стояло лето 2012 г. На протяжении трёх лет К. Мэтьюз успешно сопротивлялся всё новым и новым попыткам антимонопольных органов

¹ *Источник:* Хаскел Дж., Вестлейк С. (готовится к изданию) *Капитализм без капитала: подъём нематериальной экономики*. М.: Изд. дом. ВШЭ; перев. с англ.: Haskel J., Westlake S. (2018). *Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.

ВЕСТЛЕЙК

Стиан — бывший советник министра науки и инноваций Великобритании; исполнительный директор в области политики и исследований Национального фонда инноваций Nesta. Адрес: Великобритания, EC4Y 0DS Лондон, набережная Виктории, 58.

Email: @stianwestlake on Twitter.

Великобритании разделить его компанию British Airports Authority (БАА), владевшую большинством крупных аэропортов страны. За это время были исчерпаны все юридические возможности, и Мэтьюз вынужден был признать поражение.

Пока же в его аэропортах сновали мужчины и женщины, облачённые поверх костюмов в светоотражающие жилеты и «вооружённые» планшетами с различными бланками. Они должны были выяснить, какие суммы компания могла бы затребовать с потенциальных покупателей. Бухгалтеры и юристы, геодезисты и инженеры измеряли, складывали и вычитали, постепенно приближаясь к своей цели — они должны были определить продажную стоимость Станстеда, который в то время был четвёртым по загруженности аэропортом Великобритании, расположенным на северо-востоке от Лондона.

Специалисты установили стоимость взлётной полосы, терминала и оборудования для отправки и приёма багажа. Они согласовали стоимость автостоянок, автовокзала и гостиницы при аэропорте. Им удалось преодолеть разногласия, возникшие по поводу подземных цистерн с топливом и насосов (методика, предусматривавшая уменьшение стоимости актива на величину его обесценивания и введение поправки на инфляцию, была в новинку для бухгалтеров БАА). Когда в 2013 г. аэропорт Станстед был продан за 1,5 млрд фунтов стерлингов, эта цена оказалась довольно близкой к бухгалтерской оценке.

В каком-то смысле процедура оценки Станстеда выглядела как типичная картина экономической реальности нашего века. Перед нами аэропорт — символ глобализации. Повсюду — участники «труппы» бухгалтеров, счетоводов и юристов, этих вездесущих слуг финансового капитализма. Процесс, конечно же, подчинялся экономической логике: от приватизации (решение о передаче БАА в частный сектор) к антимонопольной политике (в соответствии с которой было осуществлено разделение) и инфраструктурным фондам, вставшим в очередь на покупку активов; всё так, как и везде в наши дни.

Впрочем, Станстед давно знаком с тем, что представляет собой оценка активов и чему служит эта процедура. Деятельность, цель которой состоит в определении того, что чего стоило и как ценится на данный момент, основанная на подсчёте и измерении вещественных объектов, — давняя, освящённая веками традиция.

Впервые похожее «представление» было разыграно в деревушке Станстед примерно девять с четвертью веков назад. Ещё в XI веке староста, священник и представители короля, эти предшественники бухгалтеров и юристов, так раздражавших К. Мэтьюза, собрались в Станстеде, чтобы провести всеобщую поземельную перепись и занести её результаты в «Книгу Страшного суда» для сведения Вильгельма Завоевателя. Полученные данные хранились не на жёстких дисках портативных компьютеров, а на бирках (обструганных палочках из мягкой древесины, применявшихся для пред-

варительной фиксации имущественных отношений между сторонами). Официальные лица разговаривали с местными жителями и пересчитывали наличные вещи. Согласно их подсчётам, в Станстеде имелись мельница, 16 коров, 60 свиней и три раба. После этих измерений и дополнительных расчётов стоимость Станстеда был оценена в 11 фунтов стерлингов в год².

Конечно, ценность средневекового Станстеда была несравнимо меньше, чем 1,5 млрд фунтов стерлингов, полученных ВАА в 2013 г. за продажу аэропорта, но староста, священник и представители Вильгельма Завоевателя занимались, в сущности, тем же самым, что и бухгалтеры К. Мэтьюза.

На протяжении веков, когда возникала необходимость определить, сколько должны стоить поместье, ферма, предприятие или страна, люди подсчитывали и устанавливали стоимость *вещественных* объектов. При этом особое внимание уделялось тому, что долгое время сохраняло свою ценность. В бухгалтерских балансах это учитывалось как «основные средства» и «инвестиции»; именно они брались в расчёт в исследованиях экономического роста экономистами и специалистами по статистическому анализу на национальном уровне.

Со временем характер этих активов, как и инвестиций, изменился: значение пахотных земель и волов уменьшилось, а машин, фабрик, транспортных средств и компьютеров — возросло. Однако даже в конце XX века идея, в соответствии с которой активы — это то, что по большей части можно потрогать руками, а инвестиции подразумевают создание или покупку вещественных объектов, была для бухгалтеров и экономистов такой же «руководящей и направляющей», как и для книжников «Книги Страшного суда».

Значение инвестиций

Понимание сущности и природы инвестиций имеет большое значение для самых разных людей — от банкиров до менеджеров. Не являются исключением и экономисты: инвестициям отводится центральное место в большинстве экономических теорий. Инвестиции или капиталовложения создают капитал, который вместе с трудом составляет два измеряемых фактора производства, приводящих в движение экономику, являющихся, так сказать, её «суставами» и «сухожилиями». Валовой внутренний продукт (ВВП) определяется как денежное выражение стоимости объёмов потребления, инвестиций, государственных расходов и чистого экспорта; из этих четырёх составляющих во многих случаях капиталовложения являются движущими силами резких экономических подъёмов и спадов, так как они особенно чутко реагируют (в форме увеличения или сокращения) на монетарную политику и уверенность частных предприятий в будущем. При встрече с «хозяином» инвестиционная составляющая ВВП может, подобно собаке, бодро «лаять», сообщая о своём прекрасном самочувствии, но может и вцепиться в ногу, если пребывает в рецессии.

Специалисты по статистике, которые занимаются определением «богатства народов», прилагают поэтому большие усилия для того, чтобы год за годом, квартал за кварталом, более точно — насколько это возможно, — измерять объём инвестиций частных предприятий. Начиная с 1950-х гг. статистические службы многих стран регулярно проводят опросы предприятий, чтобы установить объёмы производимых теми капиталовложений. Для того чтобы понять, как долго используются те или иные активы и в какой степени они со временем улучшаются (в данном случае имеются в виду инвестиции в высокотехнологичное оборудование, такое как, например, компьютерная техника), проводятся периодические исследования.

² Эти и другие данные переписи о Станстеде (Маунтфитчет), вошедшие в «Книгу Страшного суда», можно найти по ссылке: <http://opendomesday.org/place/TL5124/stansted-mountfitchet/>

До недавнего времени национальные статистические службы измеряли только инвестиции в материальные активы. Хотя эти показатели раскрывают перед нами современную эпоху во всей её промышленной мощи и славе (в 2015 г. в Великобритании, например, частные предприятия инвестировали в новые здания и сооружения 78 млрд фунтов стерлингов, в информационные технологии, машины и оборудование — 60 млрд фунтов и в транспортные средства — 17 млрд фунтов)³, базовый принцип, в соответствии с которым капиталовложения осуществляются исключительно в материальные блага, оставался справедливым только во времена Вильгельма Завоевателя.

Тёмная материя инвестиций

В современной экономике осуществляются не только материальные инвестиции. В аэропорту Станстед, например, имелись не только взлётная полоса, терминалы и грузовые автомобили, но и другие объекты собственности, которые гораздо труднее увидеть или потрогать руками. Это и комплексное программное обеспечение, и договоры с авиакомпаниями и предприятиями розничной торговли (весьма ценные), а также технические знания и опыт персонала. Создание всех этих объектов требует времени и денег, и, с точки зрения владельцев аэропорта, они обладают стоимостью, сохраняющейся длительное время; при этом они представляют собой не вещественные объекты, но представления, знания и социальные отношения. На языке экономистов их называют *нематериальными (неосязаемыми) активами*.

Представление о том, что экономика может оказаться в зависимости от нематериальных объектов, возникло довольно давно. Футурологи Элвин Тоффлер и Даниел Белл заговорили о «постиндустриальном» будущем ещё в 1960–1970-е гг. По мере того, как в 1990-х гг. возможности компьютеров и Интернета, вся их совместная мощь становились всё более очевидными, широкое признание получила идея о важном экономическом значении нематериальных объектов. Социологи заговорили о «сетевом обществе» и «постфордистской» экономике. Гуру бизнеса призывали менеджеров задуматься над правилами действий в экономике знаний. Экономисты начали размышлять о возможности включения расходов на исследования и разработки, а также их результатов в модели экономического роста, следствием чего стало бы хозяйство, которое коротко можно было бы назвать так же, как назвала свою первую книгу Диана Койл: «The Weightless World: Strategies for Managing the Digital Economy» («Мир невесомости: стратегии управления в цифровой экономике»). Практически одновременно Чарльз Лидбитер в книге «Living on Thin Air: The New Economy» («Жизнь в небытии: новая экономика») уверенно предрёк наступление времён, когда деньги будут «зарабатываться из воздуха».

После «взрыва» доткомовского «пузыря» в 2000 г. часть оголтелых глашатаев новой экономики притихла, а экономисты продолжили исследования, чтобы создать точную и понятную картину происшедших изменений. Такова была ситуация, сложившаяся к моменту проведения в 2002 г. в Вашингтоне Конференции по исследованиям доходов и благосостояния. Её участники пытались разработать методику измерения инвестиций различных типов в условиях так называемой новой экономики. Уже тогда Кэрл Коррадо, Дэн Сичел (Федеральная резервная система) и Чарльз Халтен (Мэрилендский университет в Колледж-Парке) предложили концептуальную схему исследований и практических действий в этом направлении.

Чтобы лучше понять, о каких инвестициях идёт речь, давайте рассмотрим самую дорогую корпорацию в мире (на время проведения конференции) — Microsoft. В 2006 г. её рыночная стоимость достигла уже 250 млрд дол. США. Если взглянуть на бухгалтерский баланс Microsoft, мы обнаружим, что активы компании оценивались примерно в 70 млрд дол., из которых 60 млрд дол. составляли денежные сред-

³ По данным Национальной статистической службы Великобритании за 2016 г.

ства и различные финансовые инструменты⁴. На традиционные активы, такие как техника и оборудование, приходилось всего 3 млрд дол., что составляло 4 % общей стоимости активов Microsoft и 1 % её рыночной стоимости. С точки зрения традиционного бухгалтерского учёта активов, Microsoft стала настоящим чудом. Это был капитализм без капитала.

Через некоторое время после конференции Чарльз Халтен провёл анализ баланса Microsoft, чтобы попытаться понять, почему корпорация оказалась такой дорогой [Hulten 2010]. Исследователь выделил совокупность нематериальных активов, которые были «обычно связаны с разработкой отдельных продуктов или процессов либо представляли собой инвестиции в организационные деловые способности, создание или развитие программных платформ, позволявших фирме конкурировать на определённых рынках» [Hulten 2010]. Таковыми, например, являлись идеи, возникавшие в результате инвестиций Microsoft в исследования и разработки, а также в создание различных программ и продуктов, стоимость брендов корпорации, её цепочек поставок, внутренних структур и человеческого капитала, накопленного в процессе обучения сотрудников.

Никакие из этих нематериальных активов Microsoft не были вещественными, как административные здания или серверы, и все они имеют общие для инвестиций характеристики: компания должна была заранее вкладывать в них свои средства, и с течением времени они приносили ценность, из которой корпорация извлекала выгоды. Однако в большинстве своём эта ценность не находила отражения ни в балансовых отчётах корпорации, ни, что неудивительно, на счетах США, соответствующих официальной системе национальных счетов. Исследовательская деятельность К. Коррадо, Д. Сичела и Ч. Халтена дала мощный толчок научным разработкам различных методов оценки вложений в нематериальные активы в экономике с использованием опросов, имеющихся рядов данных и триангуляции.

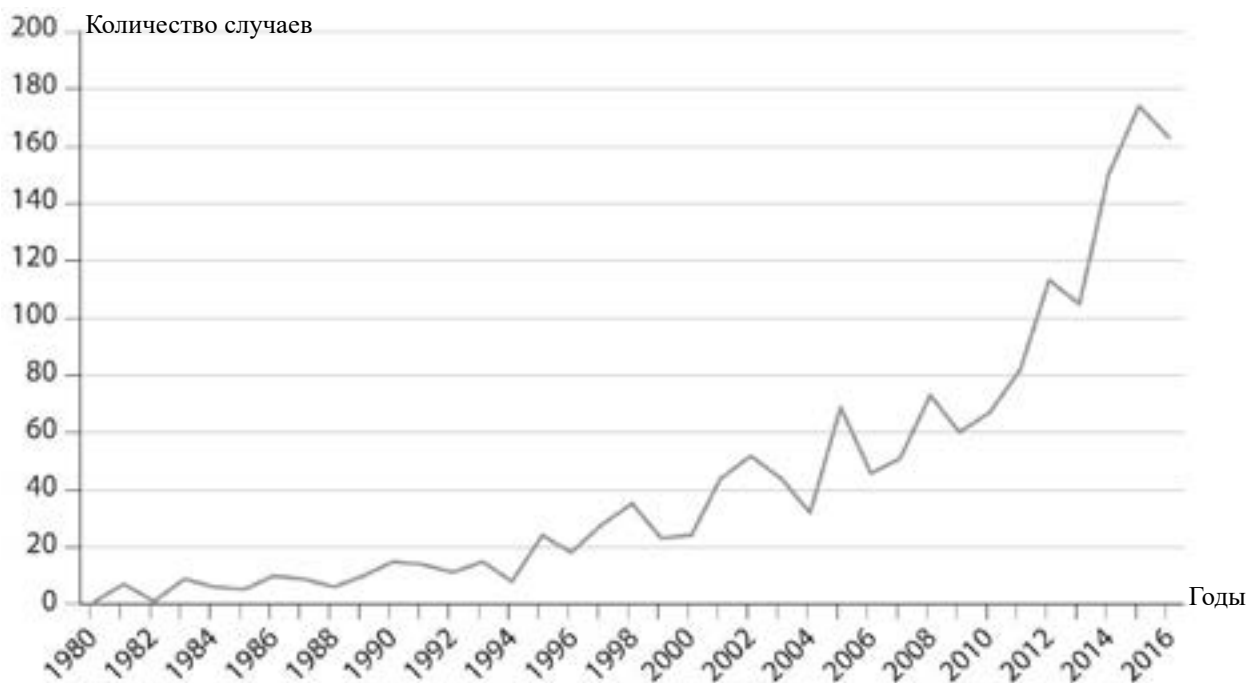
Забавная вещь, повстречавшаяся на пути в будущее

Благодаря усилиям учёных и практиков была разработана программа исследования нематериальных активов. В 2005 г. К. Коррадо, Д. Сичел и Ч. Халтен опубликовали первые оценки объёма соответствующих инвестиций компаний США. В 2006 г. Халтен посетил Великобританию, где в Казначействе Её Величества провёл семинар, посвящённый результатам своих исследований. Почти сразу же в Казначействе была создана группа (в неё входил и один из авторов этой книги), которой было поручено провести аналогичные исследования в Великобритании. Аналогичные изыскания начались в Японии. Одними из первых вышли на «нематериальную сцену» международные организации, такие как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (см., например: [Young 1998]), направившие усилия на проникновение идеи нематериальных инвестиций в политику и политические круги. Им удалось привлечь определённое внимание комментаторов и ещё только формировавшейся в то время блогосферы. Как показано на рисунке 1, упоминания о «нематериальном» всё чаще встречались даже в сухих научных журналах.

Глобальный финансовый кризис привёл к изменению экономической повестки. Вопросы, связанные с углублением понимания предполагаемой новой экономики, отошли на второй, если не третий, план, поскольку экономистам и тем, кто определял экономическую политику, гораздо важнее было предотвратить крах национальных экономик. После преодоления наиболее опасной части кризиса началось обсуждение новых безрадостных проблем: что делать с финансовой системой, банкротство которой повлекло бы катастрофические последствия, с резко усилившимся неравенством в доходах и богатстве, а также долговременным замедлением роста производительности труда? Хотя идея новой экономики осталась «на сцене», она была переформулирована в пессимистических, в какой-то степени анти-

⁴ См. финансовый отчёт Microsoft за 2006 г.: https://www.microsoft.com/investor/reports/ar06/staticversion/10k_fr_bal.html

утопических терминах: не является ли замедление технического прогресса необратимым признаком неизбежного краха экономических надежд? Не приведёт ли развитие технологий к созданию роботов, которые возьмут на себя значительную часть производственных функций, лишая работы миллионы людей, или к возникновению зловных могущественных форм искусственного интеллекта?

Источник: расчёты авторов по данным «ScienceDirect».

Примечание: Приводится количество случаев использования слова «нематериальный» в кратких обзорах, названиях статей или в разделах «Ключевые слова» в научных журналах в области «Экономика, эконометрика и финансы», отмеченных в базе данных «ScienceDirect».

Рис. 1. «Нематериальные» ссылки в научных журналах

Несмотря на то что в публичных экономических дебатах, которые велись в открытых колонках и блогах, преобладали эти мрачные проблемы, проект по измерению новых форм капитала постепенно развивался. Сначала в США, затем в Великобритании, а потом и в других развитых странах были проведены исследования и проанализированы ряды данных о нематериальных инвестициях. Необходимую поддержку оказывали исследователям министерства финансов разных стран и международные организации, а национальные статистические службы стали включать в инвестиционные обследования вопросы о некоторых видах нематериальных активов (в частности, об исследованиях и разработках). Были построены ряды данных за относительно длительные периоды, позволяющие оценить изменение нематериальных инвестиций с течением времени. Как мы ещё увидим, почти во всех развитых странах эти инвестиции приобретают всё большее значение, а в некоторых государствах уже превышают материальные.

Отличия нематериальных инвестиций от других капиталовложений

Принято считать, что с экономической точки зрения в изменении типов объектов, в которые инвестируют частные предприятия, нет ничего необычного или интересного. Действительно, непрерывные изменения в запасе капитала полностью соответствуют порядку вещей в экономике. На смену искусственным водным путям пришли железные дороги, автомобили заменили лошадей и повозки, а компьютерная техника — пишущие машинки. Переходя на более низкий уровень, мы видим, что предприятия постоянно обновляют оборудование и изменяют состав инвестиций. *Однако основная идея нашей книги заключается в том, что нематериальные инвестиции характеризуются рядом принципиальных*

отличий, и понимание устойчивого перехода к ним помогает более глубоко проникнуть в сущность ключевых вопросов наших дней, таких как инновации и рост, неравенство, роль менеджмента, а также финансовая и политическая реформы.

Мы полагаем, что нематериальные активы характеризуются двумя важными отличиями. Во-первых, в большинстве правил измерений эти активы игнорируются. Тому есть несколько веских причин, однако в наши дни значение нематериальных активов заметно возросло, и сохранение текущего положения будет означать, что мы пытаемся измерять капитализм, не учитывая важную часть капитала. Во-вторых, экономика с крупными нематериальными активами ведёт себя иначе, чем народное хозяйство, в котором преобладают материальные активы, что объясняется основными экономическими свойствами первых.

Измерения: капитализм без капитала

В традиционном бухгалтерском учёте не принято измерять нематериальные инвестиции как капиталовложения, направленные на создание основных средств, используемых длительное время (более подробно этот вопрос будет рассматриваться в следующих главах). И у нас есть что сказать об этом. Нам известно, например, о вложениях Microsoft в мебель и административные здания. О величине этих инвестиций мы можем судить по данным, регулярно поступающим с рынка подержанной оргтехники, мебели и оборудования, а также аренды служебных помещений. Но не существует рынка, благодаря которому мы могли бы узнать о примерной оценке объёма инвестиций в разработку программного обеспечения или изменение его пользовательского интерфейса. Отсюда попытка измерения стоимости «актива», связанного с этими капиталовложениями, является очень-очень сложной задачей. Специалисты по бухгалтерскому учёту, как люди в большинстве своём очень-очень осторожные, предпочитают игнорировать её. Исключение составляет ограниченное число случаев (например, когда программа была успешно разработана и продана по «неоспоримой» рыночной цене).

Этот консервативный подход хорош для экономики с небольшими инвестициями в нематериальные блага. Но такие капиталовложения начинают обгонять материальные инвестиции; следовательно, в «измерительную тень» постепенно уходят всё более и более крупные области экономики.

Свойства нематериальных активов: почему экономика изменяется настолько сильно?

Если бы трудности заключались только в обеспечении правильности измерений, переход к нематериальным инвестициям был бы сравнительно незначительной проблемой. Например, если бы мы учитывали в новой экономике основную часть новых грузовых автомобилей, за исключением некоторого их количества, это был бы интересный вопрос для статистической службы, и не более того.

Однако, как будет показано в дальнейшем, подъём нематериальных активов имеет одно важное следствие: по своим экономическим характеристикам эти активы довольно значительно отличаются от традиционных материальных инвестиций.

Прежде всего, по своим свойствам нематериальные инвестиции близки к *безвозвратным* издержкам. Если частное предприятие приобретает осязаемый актив, такой как станок или административное здание, оно в случае необходимости может его продать. Точно так же обстоит дело со многими другими инвестициями в материальные активы, даже с более крупными и необычными. Если вы однажды «западёте» на гигантские австралийские бульдозеры, используемые в добыче полезных ископаемых, вы можете приобрести подержанные их образцы на интернет-аукционе Machinery Zone. На сайте World

Oils продаются бывшие в употреблении бурильные установки в хорошем состоянии, а фирма UVI Sub-Find торгует выведенными из состава военно-морских флотов подводными лодками. Избавиться от нематериальных активов значительно труднее, потому что в большинстве случаев компании создают их под свои специфические потребности. Например, Toyota инвестирует миллионы в системы бережливого производства, но отделить эти активы от заводов корпорации и каким-то образом продать невозможно. Да, какие-то исследования и разработки заканчиваются получением патентов и часть из них становятся объектами продажи, но большинство из ИИР крепко связаны со специфическими потребностями предприятий-инвесторов, что и объясняет высокую степень ограниченности рынков интеллектуальной собственности.

Ещё одна важная характеристика неосязаемых инвестиций — порождение ими *эффектов перелива*. Представьте себе, что вы управляете частным предприятием, выпускающим пистончики для шнурков. Вы владеете материальным активом в форме фабричного здания и нематериальным активом в форме превосходного нового дизайна пистончиков. Для того чтобы убедиться в том, что производственное здание приносит вашей фирме выгоду, достаточно запереть его на замок. Если некто обратится с просьбой о бесплатном использовании принадлежащих вам помещений, вы вежливо ему откажете; если люди посетителя проникнут в здание без вашего разрешения, вы позвоните в полицию, и их задержат. В большинстве развитых стран разбор подобных дел не вызывает затруднений. Таким образом, легко можно убедиться, что материальные активы, которыми вы владеете, такие как фабричное здание, приносят выгоду. Настолько просто, что спрашивать об этом было бы глупо. Дизайн, хотя бы и шнурочных пистончиков, совсем другое дело. Чтобы предотвратить его копирование, нужно держать дизайн в тайне, однако у конкурентов есть возможность приобрести шнурки и подвергнуть пистончики инженерному анализу. Быть может, вам удастся получить патент, чтобы обезопасить себя от копирования, но конкуренты способны «изобрести» пистончик «заново», ведь достаточно изменить только те аспекты продукта, которые не находятся под патентной защитой. Даже в тех случаях, когда другие фирмы нарушают патентное законодательство, получить соответствующую компенсацию гораздо сложнее, чем воспользоваться помощью полиции для освобождения захваченного здания, — судебные разбирательства могут длиться месяцы, а то и годы. В итоге вам откажут в удовлетворении иска. После первого в мире полёта аэроплана братьев Райт большая часть времени уходила у них не на создание новых моделей, а на тяжбы с конструкторами-соперниками, нарушавшими патенты изобретателей. Склонность других людей извлекать собственные выгоды из того, что, казалось бы, является частными инвестициями (экономисты называют это эффектами перелива), — отличительная черта многих самых разных нематериальных вложений.

Ещё одним свойством нематериальных активов является возможность их *масштабирования*. Взять, хотя бы, «Кока-колу». Штаб-квартира компании Coca-Cola находится в Атланте (штат Джорджия); сама компания «отвечает» за очень небольшое количество вещей, необходимых для производства литра напитка. Её наиболее ценные активы являются нематериальными: торговые марки, лицензионные соглашения и рецепт изготовления сиропа, который придаёт «коле» вкус «колы». Большая часть остальной хозяйственной деятельности по изготовлению и продаже «Кока-колы» осуществляется независимыми фирмами по розливу, каждая из которых заключила договор о производстве напитков под известной маркой в своей части мира. Как правило, бутилирующая фирма владеет заводом по розливу, имеют отдел продаж и парк грузовых автомобилей. Таким образом, нематериальные активы компании Coca-Cola из Атланты были масштабированы на весь мир и завоевали его. Формула сиропа и бренд «Coca-Cola» оказывают одно и то же воздействие на людей независимо от того, 100 млн литров напитка в день продаётся во всем мире или 200 млн литров (в настоящее время объём продаж составляет около 162 млн литров). Куда хуже масштабируются материальные активы бутилирующих фирм. Если вдруг у австралийцев резко возрастёт потребность в «Кока-коле», то местной фирме Coca-Cola Amatil, вероятно, потребуется вложить дополнительные средства в увеличение парка грузовиков для доставки напитков, расширение производственных линий и в итоге в новые заводы.

Наконец, инвестиции в нематериальные активы характеризуются *синергизмом* (или тем, что экономисты называют взаимодополняемостью): вместе они представляют собой большую ценность, чем по отдельности, по крайней мере, в правильных сочетаниях. Благодаря MP3-протоколу, миниатюрному жёсткому диску, лицензионным соглашениям корпорации Apple со звукозаписывающими фирмами и мастерству конструкторов был создан такой ценнейший инновационный продукт, как портативный проигрыватель «iPod». Предсказать возникновение синергизма во многих случаях невозможно. Микроволновая печь была результатом удачного содружества между оборонной фирмой, случайно обнаружившей, что микроволны от радиолокационного оборудования способны нагревать пищу, и производителем бытовой техники, обладавшим соответствующими навыками конструкторских работ. Способностью к порождению синергизма обладают и материальные активы. Синергетический эффект может возникнуть, скажем, между грузовиком и погрузочной площадкой или между сервером и маршрутизатором. Но, как правило, такие комбинации имеют гораздо менее радикальный и вполне предсказуемый характер.

Заключение

Необычные характеристики нематериальных активов означают, что их подъём — не просто тривиальное изменение природы инвестиций. Если брать в среднем, то неосязаемые инвестиции ведут себя иначе, чем материальные, поэтому разумно было бы ожидать, что изменится и функционирование экономики, в которой преобладают нематериальные активы.

Как только мы принимаем во внимание изменяющуюся природу капитала в современной экономике, многие наблюдаемые в ней загадочные вещи начинают приобретать смысл. В этой книге мы расскажем о том, как переход к нематериальным инвестициям помогает нам понять причины трёх проблем, вызывающих беспокойство у всех, кто интересуется экономикой (длительная стагнация, долгосрочное усиление неравенства и роль финансовой системы в поддержке нефинансовой экономики), а также попытаемся ответить на вопрос о том, какого рода инфраструктура необходима для успешного развития народного хозяйства. Вооружившись этими знаниями, мы лучше поймём и последствия данных экономических изменений для лиц, ответственных за политику правительства, частных предприятий и инвесторов. Оставив позади экспертов-оценщиков прошлого, мы ступаем на неизведанную территорию, образованную современными нематериальными инвестициями.

Литература

- Hulten C. R. 2010. Decoding Microsoft: Intangible Capital as a Source of Company Growth. *NBER Working Paper Series*. Working Paper No. 15799. URL: <http://www.nber.org/papers/w15799>
- Young A. 1998. *Towards an Interim Statistical Framework: Selecting the Core Components of Intangible Investment*. OECD Secretariat. URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/1943301.pdf>

NEW TRANSLATIONS

Jonathan Haskel, Stian Westlake

Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy (an excerpt)

HASKEL, Jonathan — Professor of Economics, Director of the Doctoral Programme, Business School, Imperial College London. Address: South Kensington Campus, London, SW7 2AZ, United Kingdom.

Email: j.haskel@imperial.ac.uk

WESTLAKE, Stian — Former Adviser to the UK's Minister of state for universities, science, research and innovation; Executive Director of Policy and Research of Nesta, the UK's national foundation for innovation. Address: 58 Victoria Embankment, London, EC4Y 0DS, United Kingdom.

Email: [@stianwestlake](https://twitter.com/stianwestlake) on Twitter

Abstract

Capitalism without Capital by Jonathan Haskel and Stian Westlake explores the changes in the types of investments that have occurred in almost all developed countries over the last forty years. If tangible investments predominated in the past, most investments are intangible at present, meaning that money is spent on buying and creating knowledge-based products, including computer software, research and development, design, works of art, market research, learning, and new business processes. The authors attempt to answer why the economy in which intangible assets are intensively used is so different from the economy where tangible assets dominate. The authors conclude that these changes are explained by the basic properties of the intangible assets and have resulted in long-lasting stagnation, lower economic growth, increasing inequality, and difficulties in public policies for economic and financial sectors.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the introductory chapter, 'Valuation, the Old-Fashioned Ways: Or a Thousand Years in Essex' from *Capitalism without Capital*, where the authors discuss the meaning of investments, define the distinctions between tangible and intangible assets, and explain why some basic properties of intangible assets generate such dramatic changes in the contemporary economy.

Keywords: investments; intangible assets; firms; state; economic growth; social inequality; capitalism.

References

- Hulten C. R. (2010) Decoding Microsoft: Intangible Capital as a Source of Company Growth. *NBER Working Paper Series*. Working Paper, no 15799. Available at: <http://www.nber.org/papers/w15799> (accessed 15 January 2021).
- Young A. 1998. *Towards an Interim Statistical Framework: Selecting the Core Components of Intangible Investment*. OECD Secretariat. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ind/1943301.pdf> (accessed 15 January 2021).

Received: February 2, 2020

Citation: Haskel J., Westlake S. (2021) Kapitalizm bez kapitala: podyom nematerialnoy ekonomiki. [Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 61–70. doi: [10.17323/1726-3247-2021-1-61-70](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-61-70) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

А. Д. Казун, С. В. Пашахин

«Чужие выборы»: новости соседнего государства о выборах президента РФ в 2018 г.¹

КАЗУН Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), старший преподаватель факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

Email: adkazun@hse.ru

СМИ склонны конструировать образ зарубежных стран согласно с позицией политического истеблишмента своей страны. Но так ли это в случае, когда почти половина населения говорит на языке другого государства и обладает сильными социальными и культурными связями с ним? В работе представлен анализ 19,5 тысячи новостных сообщений русскоязычных СМИ Украины о президентских выборах России в 2018 г. Используя смешанный метод (тематическое моделирование и качественный анализ), мы выделяем ключевые темы и сюжеты, а также даём оценку степени персонализированности дискуссии в освещении выборов. Обнаружены три основных способа освещения данного вопроса: (1) количественные оценки и результаты выборов, (2) подготовка к выборам в Крыму и (3) победа В. Путина. Выборы президента России главным образом связываются с проблемой Крыма — через дату голосования, позицию кандидатов в отношении Крыма, организацию выборов на самом полуострове и реакцию других стран на их итоги. Освещение данного аспекта выборов имеет обвинительный уклон в украинских СМИ: подчёркивается незаконность крымского референдума и действий российских властей, упоминается давление российских властей на жителей полуострова, особенно на крымских татар. Две выделенные темы, непосредственно не относящиеся к ситуации в Крыму, характеризуются меньшей эмоциональной окрашенностью контента. Политическая персонализация дискуссии имеет противоречивый характер. С одной стороны, подавляющее большинство сообщений СМИ содержали упоминания тех или иных персоналий. С другой стороны, новости охватывали ограниченное число публичных фигур и не фокусировались на их личностных характеристиках. Кроме того, периодически публичные фигуры заменяются на неперсонализированные символы («Кремль», «российские оккупанты» и др.). Однако если публичные фигуры освещаются преимущественно в нейтральном ключе, то в отношении неперсонализированных символов чаще допускаются негативные и оценочные суждения.

Ключевые слова: медиа; новости; выборы президента РФ; Крым; тематическое моделирование; политическая персонализация.

Введение

Отношения России и Украины обострились после вхождения Крыма в состав РФ в марте 2014 г., а также в результате военных действий на востоке

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Грант № 19-18-00206.

**ПАШАХИН Сергей
Витальевич** — аспирант,
стажёр-исследователь
Лаборатории социальной
и когнитивной
информатики,
Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики».
Адрес: 190008, Россия,
Санкт-Петербург,
ул. Седова, д. 55/2.

Email: spashahin@hse.ru

Украины. Эти события активно освещались в СМИ, которые конструировали роли взаимодействующих в данном контексте государств. Поскольку в конфликт оказались вовлечены много сторон, представления о его «виновнике» были неоднозначными. Сам образ Украины конструировался лидерами государств по-разному [Baysha 2018], а напряжённые отношения между странами могли связываться с действиями России [Bebler 2015], провокацией Запада [Desai, Freeman, Kagarlitsky 2016] или спецификой социально-политической ситуации внутри Украины [Kiryukhin 2016]. Различалось и освещение конфликта в СМИ России и Украины [Koltsova, Pashakhin 2019]. Объединяет эти исследования публичных дискуссий одно — признание того, что конфликт имел место. Впрочем, вероятно, в последние годы его острота несколько сгладилась: в сентябре 2019 г. 54% украинцев в целом положительно относились к России². При этом оценки были сильно дифференцированы по регионам — на Западе положительно относятся к России 34% населения, на Востоке — 85%.

В числе прочего напряжение в отношениях России и Украины могло найти отражение в характере международных новостей, транслируемых СМИ обоих государств. Отмечалось, что новости о других странах испытывают большее влияние государственной политики, чем освещение внутренних событий [Gans 2004], а доминирующие идеологические установки приводят к предвзятости при освещении событий за рубежом [Lee, Yang 1996; Bennett, Lawrence, Livingston 2008]. Следовательно, мы можем ожидать, что новости о России, транслируемые украинскими медиа в ситуации конфликта государств, будут, по крайней мере, отчасти репрезентировать политическую позицию Украины. Кроме того, дискуссия в СМИ о международных событиях может опосредованно влиять на мировую политику [Hawkins 2008], способствуя консолидации общества [Lian, Oneal 1993; Newman, Forcehimes 2010] и легитимируя действия руководства страны. Во многом именно медиа определяют то, как люди воспринимают тот или иной конфликт, как они оценивают его причины и возможные последствия, кого считают зачинщиком, а кого пострадавшим [Wanta, Golan, Lee 2004; Boudana, Segev 2017].

Рассматривать процесс конструирования образа иностранного государства наиболее удобно на примере освещения какого-либо яркого события. Фокусировка на отдельном кейсе позволяет сконцентрироваться именно на его интерпретациях, тогда как рассмотрение дискуссии о стране в целом неизбежно сталкивает нас с необходимостью соотносить выделенные фреймы, образы и смыслы с контекстом события, при освещении которого они проявились. Разумеется, в этом случае очень важным оказывается выбор кейса, который будет рассматриваться. Вероятно, это должно быть событие, связанное с политической или экономической сферой общественной жизни. Криминальная хроника или новости о стихийных бедствиях часто не содержат интерпретаций и оценок, а только знакомят аудиторию с фактами. В то же время рассматриваемый вопрос должен допускать представ-

² См. подробнее: Отношение населения Украины к России и населения России к Украине, сентябрь 2019 г. Киевский международный институт социологии. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=899&page=1>

ленность разнородных точек зрения. Можно предположить, что события в России, в которые Украина вовлечена непосредственно, будут получать более однозначные оценки. В связи с этим выборы президента РФ представляются интересным кейсом для анализа освещения в СМИ Украины. Данное событие является внешним для Украины и должно испытывать сильное влияние политических сил в стране [Gans 2004]. Освещение в СМИ выборов стран-соседей, согласно исследованиям [Bennett 1990; Herman, Chomsky 1988; Bennett, Lawrence, Livingston 2008], наиболее плотно согласуется с интересами правящих элит в странах, где работают эти СМИ. При этом способы освещения новостей о России украинскими медиа разнообразны [Szostek 2014].

Ещё один немаловажный момент, который необходимо учесть, — неоднородность украинского медиаландшафта. В отличие от ситуации в России, где повестку дня в значительной степени определяет государство как важный источник финансирования [Oates 2006; Vartanova 2011], украинские медиа, скорее, испытывают влияние экономических элит страны, выступающих в качестве собственников информационных ресурсов [Ryabinska 2014]. Кроме того, для Украины характерна региональная специфика медиапотребления: западные регионы предпочитают украинские телеканалы, а восточные — российское телевидение [Ivanov 2015]³. Таким образом, в отличие от России, в Украине медийный мейнстрим не выделяется; аудитория СМИ фрагментирована, а сами СМИ аффилированы с не менее фрагментированными частями политико-экономической элиты. Региональные различия также обуславливают двуязычный характер многих массмедиа: значительная часть крупных украинских СМИ позволяют выбирать язык, на котором будут представлены новости. Это даёт нам возможность сосредоточиться на изучении украинских СМИ, имеющих русскоязычную версию. Тем не менее рассмотрение только русскоязычных новостей является ограничением исследования. В свете того что тон новостей о России будет более позитивным в случае наличия у медиа российских акционеров и партнёров [Szostek 2014], ожидаемо, что дискуссия в СМИ, не имеющих русскоязычной версии, будет несколько более критической по отношению к России.

В статье мы будем преимущественно опираться на теорию политической персонализации, релевантную для анализа освещения избирательных кампаний, а также на существующие эмпирические исследования международных новостей. Теория политической персонализации представляется релевантной для настоящего исследования в том числе растущего внимания к лидерам стран в международных новостях [Balmas, Sheaffer 2013]. Наше внимание будет сфокусировано на поиске ответов на следующие основные исследовательские вопросы:

- Какие сюжеты и темы были ключевыми при освещении выборов в РФ русскоязычными украинскими медиа?
- Насколько персонализированной была дискуссия по этому вопросу? Какие персоналии упоминались в рамках каждой из тем, и каков был характер их освещения?

Политическая персонализация и международные новости

Многочисленные исследования утверждают, что политическая сфера в последние годы становится всё более персонализированной, то есть растёт роль индивидуальных акторов по сравнению с коллективными [Rahat, Sheaffer 2007; Langer, Sagarzazu 2018]. Данная тенденция может находить отражение как в контенте СМИ (когда, например, деятельность и личность отдельных политиков получают большее освещение, чем политические организации, партии и т. д.), так и в некоторых институциональных изменениях (например, переход избирательной системы к открытым спискам) [Rahat, Sheaffer 2007;

³ СМИ и доверие к украинским и российским СМИ. Киевский международный институт социологии. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=425&page=2&y=2014>

Pedersen, Rahat 2019]. Отдельные политические игроки оказываются центральными фигурами в обсуждении разнообразных процессов и событий. Причём внимание может уделяться не только их профессиональным качествам [Bean 1993], но и харизме [Pancer, Brown, Barr 1999; Sheaffer 2001], внешним данным [Tsfati, Markowitz-Elfassi, Waismel-Manor 2010; Waismel-Manor, Tsfati 2011] и энергичности [Aaldering, Vliegenthart 2016]. Индивидуальными чертами политиков, в том числе экстраверсией и открытостью опыта, может объясняться и персонализация в их восприятии [Bøggild, Pedersen 2018]. Также фокусировка на личностях, а не на политических объединениях и организациях нередко связывается с развитием коммуникации в Интернете, усиливающей заметность отдельных фигур в политическом пространстве [Hermans, Vergeer 2013]. Если подобное объяснение верно, можно предположить, что тенденция к персонализации политики будет усиливаться с дальнейшим увеличением роли глобальной сети. Таким образом, в результате политической персонализации избирательные кампании превращаются в борьбу публичных фигур, а не соперничество партий и политических программ.

Политическая персонализация медиадискуссии характерна не только для освещения внутренних событий, но и для международных новостей. Наблюдается увеличение внимания СМИ к национальным лидерам иностранных государств по сравнению с происходящими там событиями [Balmas, Sheaffer 2013]. При этом рост числа сообщений о главах зарубежных стран сопровождается усиливающимся негативным уклоном в их освещении [Balmas 2017]. Ярким примером того, как выборы президента иностранного государства привлекли внимание населения и СМИ, является избирательная кампания в США 2016 г., завершившаяся победой Дональда Трампа [Slutsky, Gavra 2017; Vykova, Gavra, Slutskiy 2018; Казун, Казун 2019]. Трансформируясь из политики в шоу, избирательные кампании начинают вызывать значительный интерес как в стране, где они проходят, так и за рубежом. Таким образом, можно ожидать, что выборы президента РФ привлекли значительное внимание СМИ и населения Украины.

Исследователи по-разному оценивают последствия увеличения роли индивидуальных политических акторов. Ряд работ связывают растущее внимание к политическим деятелям с угрозой демократии [Balmas et al. 2014], тогда как другие видят в данной тенденции способ решения кризиса, связанного с потерей доверия электората к партиям [Kruikemeier et al. 2013]. Ещё более сложным данный вопрос становится, если его рассматривать в международном разрезе. Однако можно предположить существенное влияние освещения иностранных государств и национальных лидеров на общественное мнение. Известно, что мнения о событиях, в отношении которых у людей нет личного опыта (как, например, большинство событий в других государствах), в значительной степени формируются под влиянием СМИ [McCombs, Graber, Weaver 1981]. Именно поэтому освещение выборов в РФ украинскими СМИ могло иметь заметный эффект на восприятие страны.

Методология

Формируя выборку изданий для настоящего исследования, мы стремились охватить широкий круг популярных украинских медиа, при этом освещающих события в России. Опираясь на рейтинги СМИ систем мониторинга Brand Analytics [Бескина 2019] и «Медиалогия» [Индекс цитируемости СМИ 2019], мы отобрали русскоязычные украинские медиа, размещавшие новости о зарубежных событиях за период с 1 января 2018 г. по 31 мая 2018 г., и собрали все опубликованные тексты за это время. Для отбора новостей про Россию эти тексты были отфильтрованы и выбраны те из них, в которых упоминались Россия (то есть наличествовали слова «Россия» и (или) «Российская Федерация», включая все формы этих слов); один из участников президентской кампании (фамилии Путин, Грудинин, Жириновский, Собчак, Явлинский, Титов, Сурайкин, Бабурин); выборы (наличествовало слово «выборы» и (или) его формы). В результате получился корпус из 19 579 новостных сообщений, опубликованных в 25 источниках (см. таблицу 1). Собранный корпус прошёл стандартную процедуру препроцессинга: удалены стоп-слова, знаки препинания, цифры и элементы HTML-разметки; все слова текстов были приведе-

ны к своей начальной форме при помощи MyStem [Segalovich 2003]. В исследовании использована комбинация количественных (вычислительных) и качественных методов анализа данных. Необходимость сочетания этих подходов обусловлена прежде всего относительно большим объёмом данных, который сложно обработать традиционным методом, основанным на качественном прочтении текстов исследователями [DiMaggio, Nag, Blei 2013; DiMaggio 2015]: во-первых, это требует значительных затрат человеческих ресурсов и времени; во-вторых, существует риск потерять сфокусированность качественного анализа при таком объёме новостных текстов. Мы выбрали подход, называемый в литературе «текст-как-данные», основанный на тематическом моделировании [Grimmer, Stewart 2013]. Кроме решения вышеописанных проблем, такой подход позволяет ограничить риск искажений в интерпретации, связанный с субъективностью исследователей, за счёт агностического⁴ характера алгоритма тематического моделирования.

Таблица 1

Выборка СМИ и количество собранных сообщений

Источник сообщения	Количество сообщений (N)
«Новостной фронт»	1952
«Обозреватель»	1873
«Деловая столица»,	1706
«Сегодня»	1396
«ГОРДОН»	1330
«ЛІГА.net»	1307
«Новое время»	919
«Новороссия»	752
«Апостроф»	736
«Диалог.UA»	728
«РОЛІТЕКА»	705
«Корреспондент»	676
«Страна.ua»	656
«Укринформ»	628
«ТСН»	619
«УНИАН»	618
«ИнфоРезист»	591
«Главред»	556
«Левый берег»	395
«ZIK»	377
«КП в Украине»	363
«Шарий.net»	226
«ELISE JOURNAL»	226
«Фраза.ЮА»	204
«Экономическая правда»	40
Всего	19 579

В качестве вычислительного компонента мы выбрали латентное размещение Дирихле (Latent Dirichlet allocation — LDA) с сэмплированием Гиббса как наиболее надёжный и апробированный алгоритм для такого рода исследований [Blei, Ng, Jordan 2003; Griffiths, Steyvers 2004; Daud et al. 2010; Koltsov, Pashakhin, Dokuka 2018; Maier et al. 2018]. Схожий с алгоритмами «мягкой» кластеризации, LDA требует

⁴ Алгоритм не получает на вход никакой информации, которая могла бы повлиять на содержание результатов, кроме числа тем, и ничего не «ожидает» от данных, как мог бы ожидать человек.

на входе преобработанный корпус в формате модели «мешка слов» и ряд параметров, самый важный из которых — это число латентных переменных (тем) для поиска. На выходе LDA производит матрицы Φ и Θ , где первая содержит распределение вероятностей слов по темам, а вторая — документов по темам. Используя паттерны словоупотребления, LDA разделяет новостные тексты (и слова) на заданное исследователем число тем, оценивая вероятность, с которой тексты (и слова) будут принадлежать каждому из кластеров. Иными словами, LDA разбивает тексты и слова на заданное число кластеров (тем), которые можно использовать для фильтрации крупных коллекций документов. Это даёт возможность отбирать похожие тексты, а также интерпретировать их схожесть по ключевым словам обнаруженных тем.

После построения тематической модели корпуса анализ переходит в качественную фазу. Во-первых, результаты тематического моделирования интерпретируются кодировщиками исходя из чтения текстов, с наибольшей вероятностью принадлежащих к теме, и обнаруженным темам присваиваются лейблы. В нашем случае интерпретация осуществлена тремя независимыми кодировщиками (α Криппендорфа = 0,9). Во-вторых, среди размеченных тем выделяются наиболее близкие к исследовательскому вопросу для последующего качественного анализа. В нашем случае таких тем оказалось три. Далее тематическая модель использовалась для направления фокуса качественного анализа, позволяя ранжировать по релевантности к теме новостные тексты и отбирать наиболее значимые для чтения.

Работа с текстами в итоге происходила следующим образом: на первом этапе осуществлялось компьютерное тематическое моделирование текстов, когда весь корпус статей разбивался на 50 тем с указанием вероятности, с которой каждая из статей относится к конкретной теме. Далее три кодировщика независимо друг от друга прочитывали по 100 новостей, с наибольшей вероятностью относящихся к каждой конкретной теме, и давали им названия исходя из содержания новостей (присваивали лейблы). Из всего списка были отобраны темы, непосредственно относившиеся к выборам президента РФ в 2018 г. Для каждой релевантной цели исследования темы был проведен качественный анализ 100 текстов, с наибольшей вероятностью к ней относящихся. В ходе качественного анализа мы обращали внимание на следующие категории: сюжет новости (объекты и события, находящиеся в центре внимания); эмоциональная окрашенность информационного сообщения (использование экспрессивных эпитетов и явных оценочных суждений); освещаемые в новости персоналии (кто и в каком контексте был упомянут); характер данных, послуживших основой для новости (заявления публичных лиц, статистика и результаты опросов и т. д.). Итогом всех вышеперечисленных действий стало описание выделенных тем, а также некоторые выводы о степени и характере персонализации новостей.

Результаты

Темы новостей

Прежде всего мы охарактеризуем особенности освещения выборов в России в рамках каждой из выделенных в ходе моделирования тем. Эмоциональная окрашенность новостей и круг персоналий, находящихся в центре внимания, существенно отличались от темы к теме.

Тема 1: количественные оценки и результаты выборов. Новости, отнесённые к данной теме, преимущественно акцентировали внимание на прогнозе итогов голосования, результатах предвыборных опросов, а также на проценте голосов, полученном каждым из кандидатов. В рамках этой темы новости являются наиболее нейтральными, преимущественно фокусируясь на фактах, а не на их интерпретациях. Большинство статей, посвящённых количественным данным о выборах президента РФ, упоминают всех кандидатов одновременно (55 новостей из 79 релевантных⁵). Таким образом, внимание к

⁵ По итогам тематического моделирования к данной теме также была отнесена часть новостей о президентских выборах в Чехии, тоже содержащих большое число количественных оценок. Эти статьи были исключены из анализа в ходе ручного кодирования и разметки тем.

кандидатам оказывается достаточно сбалансированным. Тем не менее очевидный лидер гонки В. Путин получает всё же несколько большее внимание. Отдельные тексты новостей используют такой оборот, как «выборы Путина», а также говорят о сходстве избирательной кампании с референдумом о доверии. Впрочем, некоторые новости акцентируются на других кандидатах, приводя их заявления и выступления (например, в случае с К. Собчак и В. Жириновским) либо уделяя внимание интересным или забавным сюжетам (вопрос о том, сбреет ли П. Грудинин усы после спора с Ю. Дудем). Кандидаты, набравшие по итогам выборов меньшее число голосов (Г. Явлинский, С. Бабурин, Б. Титов, М. Сурайкин) и, вероятно, изначально бывшие, скорее, аутсайдерами гонки, не выступают в главных ролях и упоминаются несколько реже. Аналогичные выводы могут быть сделаны на российских данных о медиадискуссии относительно избирательной кампании 2018 г. [Казун 2018]. В целом освещение выборов в РФ украинскими СМИ в рамках данной темы практически не отличается от новостей в национальных СМИ.

Тем не менее даже в новостях, отнесённых к этой теме, украинские медиа предпринимают попытки построить «мостик» между выборами президента РФ и локальными проблемами. Ряд новостей содержат упоминания аннексии Крыма (во многом в связи с совпадением даты голосования и годовщины присоединения полуострова). Кроме того, в ряде случаев описываются особенности голосования на выборах в Крыму. Типичная новость в рамках данной темы выглядит следующим образом:

По данным ЦИК РФ, первое место на выборах президента РФ занимает действующий глава российского государства Владимир Путин, на втором месте — кандидат от КПРФ Павел Грудинин. Действующий президент России Владимир Путин лидирует с 76,67% голосов после обработки 99,8% бюллетеней. Об этом сообщается на сайте Центральной избирательной комиссии РФ. На второй позиции кандидат от КПРФ Павел Грудинин — 11,79%, за ним кандидат от ЛДПР Владимир Жириновский — 5,66%. Ксения Собчак («Гражданская инициатива») получила 1,67% голосов, Григорий Явлинский («Яблоко») — 1,04%, Борис Титов («Партия роста») — 0,76%, Максим Сурайкин («Коммунисты России») — 0,68%, Сергей Бабурин («Российский общенародный союз») — 0,65%. 18 марта — в день годовщины аннексии Крыма — в России прошли президентские выборы.

Источник: <https://gordonua.com/news/worldnews/vybory-prezidenta-rf-posle-obrabotki-998-byulleteney-putin-lidiruet-s-7667-golosov-237170.html>

Тем не менее, хотя Крым и фигурирует в отдельных новостях по данной теме, он не занимает в них центральное место, в отличие от новостей **темы 2, полностью посвящённой подготовке к выборам и дню голосования в Крыму**. В этом случае освещение выборов в РФ закономерно оказывается наиболее оценочным. Значительное число новостей содержат эмоционально окрашенные эпитеты, такие как «незаконные выборы», «псевдовыборы», «фейковые выборы», «оккупанты», «репрессии» и т. д. Отдельные новости, посвящённые потерям всего населения полуострова в результате присоединения к России и давлению, оказываемому на него, подчёркивали, что крымчан принуждают отказаться от украинского гражданства и призывают в армию. В отношении выборов артикулировалась «показушность» действий власти. В частности, несколько статей сообщали о том, что школьников полуострова обязали рисовать плакаты ко дню голосования.

Впрочем, большинство статей о выборах в Крыму фокусируются на проблемах крымских татар. Хотя татары на полуострове являются национальным меньшинством (12,6%, согласно переписи 2014 г.), в рамках данной темы они получают наибольшее внимание. Значительная часть статей о выборах в Крыму посвящена репрессиям и давлению на крымских татар. При этом выбор между этими двумя терминами — «репрессии» и «давление» — уже является достаточно показательным. Новости, подчёр-

квивающие факты давления на татар, указывают, как правило, на принуждение к участию в голосовании для повышения явки. Здесь чётко прослеживается предполагаемая конечная цель субъекта, который это давление оказывает. А стиль подачи информации, хотя и критический по отношению к РФ, все же относительно сдержанный и слабо эмоционально окрашенный. В то же время информационные сообщения о репрессиях против татар часто используют экспрессивную лексику, являются эмоциональными и редко содержат упоминания целей, преследуемых репрессирующим (если не считать таковым тезис о том, что «намерение оккупанта — уничтожить всех несогласных с оккупацией АРК»⁶). В таких новостях может говориться об арестах активистов, либо повествование может идти на более абстрактном уровне, просто подчёркивая существование некоторых репрессивных действий власти и намерение противостоять им без конкретизации характера этих действий.

Типичная новость в рамках данной темы выглядит следующим образом:

Оккупационная власть (Здесь и далее подчёркнуто нами. — А. К., С. П.) в Крыму оказывает беспрецедентное давление на крымских татар, принуждая их к участию в незаконных выборах президента РФ.

Об этом говорится в обращении Меджлиса крымско-татарского народа, опубликованном на странице в Facebook председателя Меджлиса Рефата Чубарова.

«Меджлис крымско-татарского народа отмечает беспрецедентное давление и прямые угрозы в адрес крымских татар со стороны российских оккупантов и местных коллаборантов с целью заставить их участвовать в незаконных выборах. Заметные слои населения — духовные лица, учителя, врачи, бизнесмены, сотрудники коммунальных предприятий и организаций, студенты, спортсмены, пенсионеры, находятся под жестоким морально-психологическим шантажом», — говорится в заявлении.

В документе указывается, что абсолютное большинство крымских татар, которые проживают во всех городах и районах Крыма, «преисполнены достоинства и смелости, чтобы не поддаваться шантажу и угрозам, которые поступают со стороны российских оккупантов».

Источник: <https://www.ukrinform.ru/rubric-crimea/2419845-medzlis-zaavil-o-besprecedentnom-davlenii-pered-vyborami-prezidenta-rf.html>

Из текста новости видно широкое использование эмоционально окрашенных слов, в том числе не несущих дополнительной смысловой нагрузки («беспрецедентное давление», «жестокый шантаж»). Термины «беспрецедентный» и «жестокый» в данном случае не содержат дополнительной информации о том, что происходит в реальности, а, скорее, отражают оценку происходящего оратором без указания на конкретные факты. Кроме того, обращает на себя внимание также некоторое обезличивание антагонистов – «российских оккупантов и местных коллаборантов».

Ещё одной темой, активно освещаемой в украинских СМИ, стала *победа В. Путина на выборах (тема 3)*. В отличие от описанных ранее тем, в рамках которых новости были достаточно гомогенными, победа В. Путина на выборах могла освещаться по-разному. Так, часто в рамках данной темы подчёркивалась *ритуальная* составляющая победы. Украинские медиа обращали внимание на такие аспекты вопроса, как особенности прохождения инаугурации (19 статей из 100), а также поздравления (или их отсутствие) от глав других государств и российских должностных лиц (32 статьи из 100). Та-

⁶ <https://www.ukrinform.ru/rubric-crimea/2398132-ukraina-soobsit-mezdunarodnomu-sudu-oon-o-repressiah-v-okkupirovannom-simferopole.html>

ким образом, половина статей в рамках данной темы отражают символически важные характеристики победы. Попыток оценить или спрогнозировать реальные последствия нового президентского срока В. Путина для международных отношений, экономики и внутренней политики здесь практически не предпринимается. Победа освещается как праздник с соответствующими атрибутами (поздравления, праздничные мероприятия).

Заметное место в дискуссии в рамках данной темы занимает также *коммуникация* переизбранного главы государства. В фокусе внимания украинских СМИ оказываются обращение президента к народу, послание к Федеральному Собранию РФ и другие публичные высказывания главы государства. Кроме того, активно освещаются реальные или предполагаемые *изменения* в составе правительства (20 статей из 100). Новости об управленческих перестановках особенно заметное внимание уделяют политической судьбе министра иностранных дел Сергея Лаврова, обсуждается вероятность его отставки. По-видимому, поскольку речь идёт о результатах выбора в другом государстве, интерес представляет именно фигура человека, который отвечает за международные отношения, а не другие должностные лица.

Тон новостей в рамках данной темы мог быть как нейтрально-информационным, так и более эмоционально окрашенным. Критические статьи указывали на антиконституционность нового президентского срока, отказ некоторых глав государств от поздравлений Владимира Путина, неудачную попытку поднятия флага над Кремлём во время инаугурации и т. д. В фокусе критики преимущественно оказываются важные с символической точки зрения аспекты, а не реальные действия переизбранного президента (которых на момент публикации статей, впрочем, могло быть ещё немного) и его заявления. Так или иначе, экспрессивных статей, содержащих большое число эмоциональных эпитетов в рамках данной темы, немного. В сравнении с новостями о выборах в Крыму победа В. Путина освещается более сдержанно.

Политическая персонализация

Ещё один вопрос, на который предполагалось ответить в этой статье, звучит следующим образом: «Насколько персонализированными оказываются новости украинских СМИ о выборах в России?». Однако едва ли мы сейчас можем дать однозначный ответ на него. На первый взгляд внимание к отдельным акторам в новостях действительно повышенное. Практически каждая рассмотренная нами новость (272 из 278) содержит упоминания тех или иных персоналий. Сообщения СМИ повествуют, скорее, не об абстрактных явлениях и процессах, а о конкретных действующих лицах. Всё это хорошо соотносится с предшествующими исследованиями. Так, ранее было отмечено, что необходимость упрощения информационных сообщений об экономике приводит к тому, что события начинают освещаться как «истории» со своими персонажами: о слиянии компаний можно говорить как о «вступлении в брак» [Fürsich 2002]. Кроме того, сами истории могут содержать образы «героев» и «злодеев» [Turner 1993]. И если даже экономические новости так или иначе персонализированы, то в отношении сообщений о политических процессах, которые в целом сильнее сфокусированы на отдельных личностях и также нередко требуют упрощения и адаптации для аудитории, тем более следует ожидать повышенного внимания к отдельным персоналиям.

Особенно остро это должно проявляться в отношении международных новостей. Взгляды людей на внешние группы, примером которых могут служить другие нации, являются более упрощёнными, чем представления о собственной группе [Mullen, Rozell, Johnson 2000]. Подобные упрощения могут приводить к тому, что оценки всей группы «других» формируются на основе поведения одного наиболее яркого и заметного представителя этой группы [Mullen, Pizzuto, Foels 2002; Balmas 2018]. Нередко им оказывается глава государства. Соответственно, персонализация международных новостей может сде-

лать их более понятными и легко воспринимаемыми, при этом способствуя некоторой стереотипности восприятия зарубежных стран.

Тем не менее персонализация новостей о выборах президента РФ в украинских СМИ имеет ряд специфических черт. Во-первых, круг акторов, фигурирующих в новостях, достаточно узок. Выбор «действующих лиц» для новостей специфичен: отдельные участники политического процесса могут оставаться за рамками внимания СМИ, тогда как другие (не более влиятельные) становятся значимой частью публичного обсуждения. Например, новости о прохождении выборов президента РФ и подготовке к ним в Крыму достаточно редко упоминали В. Путина как лидирующего кандидата (19 новостей из 100) и С. Аксенова, являющегося на момент выборов 2018 г. Председателем Совета министров Республики Крым (4 новости из 100), при этом активно цитируя представителей Меджлиса крымско-татарского народа (например, глава Меджлиса Р. Чубаров упоминается в 42 статьях из 100). С идеологической точки зрения подобный выбор героев истории объясним. Однако освещение избирательной кампании с минимальными упоминаниями только одного кандидата (другие участники гонки в новостях про выборы в Крыму не фигурировали вообще), а также практически без упоминаний региональной власти представляется неполным и смещённым. Аналогичным образом в новостях о победе В. Путина на выборах часто упоминается С. Лавров, а все остальные министры остаются за скобками дискуссии. Вероятно, для зарубежных государств важна именно фигура министра иностранных дел. Кроме того, С. Лавров занимает свой пост уже очень давно, поэтому должен быть хорошо известен населению государств, с которыми осуществляется активное взаимодействие. Тем не менее спектр персоналий, фигурирующих в СМИ, оказывается существенно заужен.

Второй важный момент, который необходимо подчеркнуть, говоря об особенностях персонализации дискуссии о выборах РФ в украинских СМИ, это периодическая замена действующих лиц неперсонализированными символами (Кремль), должностными маркерами без упоминания фамилии (президенты Кубы) или оценочными обобщающими образами (российские оккупанты). Отчасти именно такими подменами объясняется небольшое число упоминаний С. Аксенова в новостях о выборах в Крыму — руководство полуострова превращается в русскоязычных украинских СМИ в обезличенные «оккупационные власти». Разумеется, о характерном для политической персонализации тренде уделять внимание личностным характеристикам действующих лиц здесь и речи не идёт. Вместо морального осуждения и конструирования негативного образа власти Крыма происходит фактический отказ от её персонализированного освещения.

Впрочем, внимание к персональным чертам очевидных протагонистов (например, пресс-секретарь МИД Украины Марьяна Беца, представители Меджлиса и др.) также практически отсутствует. СМИ преимущественно приводят заявления этих людей, не связывая их с личностными особенностями. В отношении кандидатов на пост президента РФ ситуация сходная: внимание уделяется либо их высказываниям (часто в формате прямой речи), либо событиям, в которых они принимают участие (подача документов в ЦИК и т. д.), либо действиям, которые в их отношении совершают другие акторы (зарегистрировали в качестве кандидата, отказали в регистрации и т. д.). Отмечаемое, к примеру, в российских мемах о выборах президента акцентирование гендерных стереотипов в отношении Ксении Собчак [Шомова 2019] в украинских СМИ не наблюдается. Таким образом, непосредственно публичные фигуры освещаются преимущественно в нейтральном ключе, практически без упоминаний их личностных достоинств и недостатков. Негативные и оценочные суждения чаще относятся не к конкретным персоналиям, а к образам и символам, на которые заменяются имена и фамилии акторов.

Заключение

В исследовании мы рассмотрели ключевые темы, фигурировавшие в русскоязычных и двуязычных украинских СМИ при освещении президентских выборов в РФ 2018 г., а также проанализировали осо-

бенности персонализации дискуссии по данному вопросу. По итогам тематического моделирования новостей были выделены три темы, посвящённые выборам президента РФ. Их краткая характеристика представлена в таблице 2. Чтение и анализ статей позволили отметить несколько закономерностей. Во-первых, несмотря на напряжённые отношения между странами, заметная часть новостей имеет нейтральный характер, негативные новости доминируют только в случае сообщений о выборах в Крыму. Особенно примечательно это наблюдение в связи с подчёркиваемым многими исследователями негативным уклоном при производстве новостей [Leung, Lee 2015]. Хотя позитивные новости о выборах в России нами обнаружены не были, контент в целом (по крайней мере в двух темах) является относительно сбалансированным. Эмоционально окрашенные новости преобладают только при освещении выборов в Крыму. Во-вторых, новости в двух темах из трёх являются достаточно однородными, тогда как посвящённые победе В. Путина сообщения могут затрагивать различные аспекты его переизбрания. Акцентироваться в данном случае могли ритуальная составляющая победы (инаугурация, поздравления), её реальные и потенциальные последствия (перестановки в правительстве) и высказывания переизбранного главы государства или его пресс-секретаря. В-третьих, заметной оказывается попытка соотнесения событий за рубежом с внутренними новостями. Сообщения о России интересны аудитории украинских СМИ не сами по себе, а в той мере, в которой они отражают или формируют какие-либо внутренние процессы. Выборы в годовщину присоединения Крыма, возможная отставка министра иностранных дел РФ С. Лаврова, заявления Меджлиса о давлении на крымских татар — всё это является примером того, как события за рубежом вписываются в национальную повестку. Вероятно, такой способ подачи информации отчасти решает проблему низкого спроса со стороны аудитории на новости о зарубежных странах [Hamilton 2010]. Кроме того, соотнесение событий за рубежом с внутренними процессами объяснимы особенностями медиасистемы Украины. Так, предшествующие исследования показывают, что внимание к иностранным государствам зависит от модели финансирования СМИ: государственные медиа транслируют больше международных новостей, тогда как частные производят меньше такого контента [Kolmer, Semetko 2010]. Вероятно, ориентируясь на запросы аудитории, украинские медиа, имеющие различных собственников, следуют рыночной логике и адаптируют международные новости с целью сделать их более интересными для населения.

Таблица 2

Основные характеристики тем новостей о выборах президента РФ в украинских СМИ

Параметр	Количественные оценки	Выборы в Крыму	Победа В. Путина
<i>Сюжет новостей</i>	Результаты голосования и экзитполов	Репрессии и давление на крымских татар и реже на население Крыма в целом	Инаугурация, поздравления с победой, (возможные) изменения в составе правительства, заявления и обращения переизбранного президента
<i>Эмоциональная окрашенность</i>	Низкая	Очень высокая	Средняя
<i>Персоналии</i>	Все кандидаты	Представители Меджлиса и МИД Украины	В. Путин, Д. Песков, С. Лавров, лидеры зарубежных государств
<i>Основа новости</i>	Количественные данные о ходе голосования, результаты опросов	Заявления представителей Меджлиса и пресс-секретаря МИД Украины	Заявления Д. Пескова, публичные мероприятия, неуточнённый источник

Попытка анализа публичных фигур, упоминаемых в рассмотренных новостях, позволяет предположить противоречивый характер политической персонализации в данном случае. С одной стороны, подавляющее большинство сообщений СМИ содержали упоминания тех или иных персон. С другой стороны, новости охватывали ограниченное число публичных фигур, не фокусировались на их личностных характеристиках, а в ряде случаев деперсонализировали антагонистов, заменяя их именами различными обозначениями («Кремль», «оккупационные власти», «коллаборанты»). Все это не позволяет

нам говорить о высокой персонализации контента. Относительно невысокое внимание к отдельным личностям может быть связано с культурной, ценностной и географической близостью стран [Balmas, Sheaffer 2013]. Наиболее персонализированными международные новости обычно становятся в случае «парашютной журналистики», когда репортёры отправляются в зарубежные страны на короткое время для освещения конкретных событий [Norris 1995]. Отсутствие погружения в контекст в этом случае приводит к тому, что информация стереотипизируется, а глава государства начинает выступать в новостях своеобразным «лицом нации». Наличие между государствами активных экономических и политических отношений позволяет освещать процессы подробно, не сводя дискуссию к действиям отдельных людей.

В дальнейшем при работе над темой представляется перспективным сравнить освещение выборов РФ в русско- и украиноязычных СМИ Украины. Кроме того, имеет смысл проанализировать различия в освещении одного и того же события в разных странах и (или) типах медиа. На основании существующей литературы можно предположить, что подобный дизайн исследования позволит зафиксировать значительное разнообразие в характере освещения событий.

Литература

- Бескина О. 2019. Рейтинг СМИ Дальнего Востока по цитируемости в соцмедиа, Май 2019 г. *Brand Analytics*. URL: <https://br-analytics.ru/blog/far-east-massmedia-ratings/>
- Индекс цитируемости СМИ. 2019. *Медиалогия. Мониторинг СМИ и соцсетей*. URL: <https://www.mlg.ru/about/technologies/#mediaindex>
- Казун А. 2018. Освещение выборов президента РФ 2018 г. в прессе и блогосфере. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 12 (4): 35–50.
- Казун А., Казун А. 2019. И не друг, и не враг: Дональд Трамп в российских СМИ. *Полис. Политические исследования*. 28 (1): 90–104.
- Шомова С. 2019. Выборы президента РФ — 2018 в зеркале мемов: Новые реалии политической коммуникативистики. *Полис. Политические исследования*. 27 (3): 157–173.
- Aaldering L., Vliegthart R. 2016. Political Leaders and the Media. Can We Measure Political Leadership Images in Newspapers Using Computer-Assisted Content Analysis? *Quality & Quantity*. 50 (5): 1871–1905.
- Balmas M. 2017. Bad News: The Changing Coverage of National Leaders in Foreign Media of Western Democracies. *Mass Communication and Society*. 20 (5): 663–685.
- Balmas M. 2018. Tell Me Who is Your Leader, and I will Tell You Who You are: Foreign Leaders' Perceived Personality and Public Attitudes toward Their Countries and Citizenry. *American Journal of Political Science*. 62 (2): 499–514.
- Balmas M. et al. 2014. Two Routes to Personalized Politics: Centralized and Decentralized Personalization. *Party Politics*. 20 (1): 37–51.
- Balmas M., Sheaffer T. 2013. Leaders First, Countries After: Mediated Political Personalization in the International Arena. *Journal of Communication*. 63 (3): 454–475.

- Baysha O. 2018. Synecdoche that Kills: How Barack Obama and Vladimir Putin Constructed Different Ukraines for Different Ends. *International Communication Gazette*. 80 (3): 230–249.
- Bean C. 1993. The Electoral Influence of Party Leader Images in Australia and New Zealand. *Comparative Political Studies*. 26 (1): 111–132.
- Bebler A. 2015. Crimea and the Russian-Ukrainian Conflict. *Romanian Journal of European Affairs*. 15 (1): 35–54.
- Bennett W. L. 1990. Toward a Theory of Press-State Relations in the United States. *Journal of Communication*. 40 (2): 103–127. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1990.tb02265.x>
- Bennett W. L., Lawrence R. G., Livingston S. 2008. *When the Press Fails: Political Power and the News Media from Iraq to Katrina* (Reprint edition). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. 2003. Latent Dirichlet Allocation. *The Journal of Machine Learning Research*. 3 (Jan.): 993–1022.
- Bøggild T., Pedersen H. H. 2018. Campaigning on Behalf of the Party? Party Constraints on Candidate Campaign Personalisation. *European Journal of Political Research*. 57 (4): 883–899.
- Boudana S., Segev E. 2017. The Bias of Provocation Narratives in International News. *The International Journal of Press Politics*. 22 (3): 314–332.
- Bykova E., Gavra D., Slutskiy P. 2018. The Evolution of Trump's Image in Russian Media. *American Behavioral Scientist*. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764218793691>
- Daud A. et al. 2010. Knowledge Discovery through Directed Probabilistic Topic Models: A Survey. *Frontiers of Computer Science in China*. 4 (2): 280–301.
- Desai R., Freeman A., Kagarlitsky B. 2016. The Conflict in Ukraine and Contemporary Imperialism. *International Critical Thought*. 6 (4): 489–512.
- DiMaggio P. 2015. Adapting Computational Text Analysis to Social Science (and vice versa). *Big Data & Society*. 2 (2). URL: <https://doi.org/10.1177/2053951715602908>
- DiMaggio P., Nag M., Blei D. 2013. Exploiting Affinities between Topic Modeling and the Sociological Perspective on Culture: Application to Newspaper Coverage Of U.S. *Government Arts Funding*. *Poetics*. 41 (6): 570–606.
- Fürsich E. 2002. Nation, Capitalism, Myth: Covering News of Economic Globalization. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 79 (2): 353–373.
- Gans H. J. 2004. *Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time*. Evanston, Ill: Northwestern University Press.
- Griffiths T. L., Steyvers M. 2004. Finding Scientific Topics. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 101 (Suppl. 1): 5228–5235.

- Grimmer J., Stewart B. M. 2013. Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts. *Political Analysis*. 21 (3): 267–297.
- Hamilton J. T. 2010. The (Many) Markets for International News. *Journalism Studies*. 11 (5): 650–666.
- Hawkins V. 2008. *Stealth Conflicts: How the World's Worst Violence is Ignored*. Aldershot, UK: Ashgate Publishing, Ltd.
- Herman E., Chomsky N. 1988. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books.
- Hermans L., Vergeer M. 2013. Personalization in E-Campaigning: A Cross-National Comparison of Personalization Strategies Used on Candidate Websites Of 17 Countries in EP Elections 2009. *New Media & Society*. 15 (1): 72–92.
- Ivanov O. 2015. Social Background of the Military Conflict in Ukraine: Regional Cleavages and Geopolitical Orientations. *Social, Health, and Communication Studies Journal*. 2 (1): 52–73.
- Kiryukhin D. 2016. Russia and Ukraine: The Clash of Conservative Projects. *European Politics and Society*. 17 (4): 438–452.
- Kolmer C., Semetko H. 2010. International Television News. Germany Compared. *Journalism Studies*. 11 (5): 700–717.
- Koltsov S., Pashakhin S., Dokuka S. 2018. A Full-Cycle Methodology for News Topic Modeling and User Feedback Research. In: Staab S., Koltsova O., Ignatov D. I. (eds) *Proceedings of the 10th International Conference on Social Informatics (St. Petersburg, Russia, September 25–28)*. New York: Springer International Publishing; pp. 308–321.
- Koltsova O., Pashakhin S. 2020. Agenda Divergence in a Developing Conflict: Quantitative Evidence from Ukrainian and Russian. *TV Newsfeeds: Media, War & Conflict*. 13 (3): 237–257. URL: <https://doi.org/10.1177/1750635219829876>
- Kruikemeier S. et al. 2013. Getting Closer: The Effects of Personalized and Interactive Online Political Communication. *European Journal of Communication*. 28 (1): 53–66.
- Langer A. I., Sagarzazu I. 2018. Bring Back the Party: Personalisation, the Media and Coalition Politics. *West European Politics*. 41 (2): 472–495.
- Lee C.-C., Yang J. 1996. Foreign News and National Interest: Comparing U.S. and Japanese Coverage of a Chinese Student Movement. *Gazette (Leiden, Netherlands)*: 56 (1): 1–18.
- Leung D. K. K., Lee F. L. F. 2015. How Journalists value Positive News. *Journalism Studies*. 16 (2): 289–304.
- Lian B., Oneal J. R. 1993. Presidents, the Use of Military Force, and Public Opinion. *Journal of Conflict Resolution*: 37 (2): 277–300.
- Maier D. et al. 2018. Applying LDA Topic Modeling in Communication Research: Toward a Valid and Reliable Methodology. *Communication Methods and Measures*. 12 (2–3): 93–118.

- McCombs M., Graber D., Weaver D. H. 1981. *Media Agenda-Setting in the Presidential Election*. New York, NY: Praeger Scientific.
- Mullen B., Rozell D., Johnson C. 2000. Ethnophaulisms for Ethnic Immigrant Groups: Cognitive Representation of 'the Minority' and 'the Foreigner'. *Group Processes & Intergroup Relations*. 3 (1): 5–24.
- Mullen B., Pizzuto C., Foels R. 2002. Altering Intergroup Perceptions by Altering Prevailing Mode of Cognitive Representation: "They Look Like People." *Journal of Personality and Social Psychology*. 83 (6): 1333–1343.
- Newman B., Forcehimes A. 2010. "Rally Round the Flag" Events for Presidential Approval Research. *Electoral Studies*. 29 (1): 144–154.
- Norris P. 1995. The Restless Searchlight: Network News Framing of the Post-Cold War World. *Political Communication*. 12 (4): 357–420.
- Oates S. 2006. *Television, Democracy and Elections in Russia*. Abingdon, UK: Routledge.
- Pancer S. M., Brown S. D., Barr C. W. 1999. Forming Impressions of Political Leaders: A Cross-National Comparison. *Political Psychology*. 20 (2): 345–368.
- Pedersen H. H., Rahat G. 2019. Introduction: Political Personalization and Personalized Politics within and beyond the Behavioural Arena. *Party Politics*. URL: <https://doi.org/10.1177/1354068819855712>
- Rahat G., Sheafer T. 2007. The Personalization(s) of Politics: Israel, 1949–2003. *Political Communication*. 24 (1): 65–80.
- Ryabinska N. 2014. Media Capture in Post-Communist Ukraine. *Problems of Post-Communism*. 61 (2): 46–60.
- Segalovich I. 2003. A Fast Morphological Algorithm with Unknown Word Guessing Induced by a Dictionary for a Web Search Engine. In: Arabnia H., Kozerenko E. (eds) *Proceedings of the International Conference on Machine Learning; Models, Technologies and Applications (Las Vegas, USA, June 23–26)*. New York: CSREA Press; pp. 273–280.
- Sheafer T. 2001. Charismatic Skill and Media Legitimacy: An Actor-Centered Approach to Understanding the Political Communication Competition. *Communication Research*. 28 (6): 711–736.
- Slutsky P., Gavra D. 2017. The Phenomenon of Trump's Popularity in Russia: Media Analysis Perspective. *American Behavioral Scientist*. 61 (3): 334–344.
- Szostek J. 2014. Russia and the News Media in Ukraine: A Case of "Soft Power"? East European Politics and Societies. 28 (3): 463–486. URL: <https://doi.org/10.1177/0888325414537297>.
- Tsfati Y., Markowitz-Elfassi D., Waismel-Manor I. 2010. Exploring the Association between Israeli Legislators' Physical Attractiveness and Their Television News Coverage. *The International Journal of Press/Politics*. 15 (2): 175–192.
- Turner G. 1993. *Nation, Culture, Text: Australian Cultural and Media Studies*. London; New York: Psychology Press.

- Vartanova E. 2011. The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics. In: Hallin D. C., Mancini P. (eds) *Comparing Media Systems Beyond the Western World*. New York: Cambridge University Press; 119–142.
- Waismel-Manor I., Tsfati Y. 2011. Why Do Better-Looking Members of Congress Receive More Television Coverage? *Political Communication*. 28 (4): 440–463.
- Wanta W., Golan G., Lee C. 2004. Agenda Setting and International News: Media Influence on Public Perceptions of Foreign Nations. *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 81 (2): 364–377.

BEYOND BORDERS

Anastasia Kazun, Sergei Pashakhin

'Alien Elections': Neighboring State News on the 2018 Russian Presidential Elections

KAZUN, Anastasia — PhD, Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Senior Lecturer, the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 11 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: adkazun@hse.ru

PASHAKHIN, Sergei — PhD Student, Research Assistant, the Laboratory for Social and Cognitive Informatics, National Research University Higher School of Economics. Address: 55/2 Sedova str., 190008, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: spashahin@hse.ru

Abstract

News media tend to reflect voices in the political establishment while covering international events. Is it still true when almost half of the national audience speak the language of the country featured in the coverage? In this paper, we present an analysis of 19.5k news messages collected from Russian-language Ukrainian news outlets covering the 2018 presidential elections in Russia. Using a mixed-method approach (topic modeling and qualitative reading), we identify key topics and stories and evaluate the extent of personalization in the election coverage. We find three central angles: the focus on polls and election results, election preparations in Crimea, and Vladimir Putin's victory. The elections are linked predominantly to Crimean issues through the date of the elections, each candidate's stance on the subject, the election management in the region, and other countries' reactions to the results. Such coverage has an accusatory bias; it stresses the legal status of the Crimean referendum and the Russian authorities' actions and reports the pressures on locals by authorities, especially the Crimean Tatars. Not linked directly to Crimea, other angles are less emotionally charged. Political personalization of the discussion has a contradictory nature. On one hand, the overwhelming majority of the messages mention public figures. On the other hand, the coverage of the figures is limited and omits their traits. Moreover, at times, public figures are replaced by non-personalized symbols (e.g., Kremlin, Russian invaders). However, if the former's coverage is predominantly neutral, the latter's coverage is more prone to negative and loaded statements.

Keywords: media; news; Russian presidential elections; Crimea; topic modeling; political personalization.

Acknowledgements

The research was implemented in the framework of the Russian Scientific Fund Grant №19-18-00206 at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2020.

References

- Aaldering L., Vliegthart R. (2016). Political Leaders and the Media. Can We Measure Political Leadership Images in Newspapers Using Computer-Assisted Content Analysis? *Quality & Quantity*, vol. 50, no 5, pp. 1871–1905.
- Balmas M. (2017). Bad News: The Changing Coverage of National Leaders in Foreign Media of Western Democracies. *Mass Communication and Society*, vol. 20, no 5, pp. 663–685.

- Balmas M. (2018). Tell Me Who is Your Leader, and I will Tell You Who You are: Foreign Leaders' Perceived Personality and Public Attitudes toward Their Countries and Citizenry. *American Journal of Political Science*, vol. 62, no 2, pp. 499–514.
- Balmas M., Rahat G., Sheafer T., Shenhav S. R. (2014). Two Routes to Personalized Politics: Centralized and Decentralized Personalization. *Party Politics*, vol. 20, no 1, pp. 37–51.
- Balmas M., Sheafer T. (2013). Leaders First, Countries After: Mediated Political Personalization in the International Arena. *Journal of Communication*, vol. 63, no 3, pp. 454–475.
- Baysha O. (2018). Synecdoche that Kills: How Barack Obama and Vladimir Putin Constructed Different Ukraines for Different Ends. *International Communication Gazette*, vol. 80, no 3, pp. 230–249.
- Bean C. (1993). The Electoral Influence of Party Leader Images in Australia and New Zealand. *Comparative Political Studies*, vol. 26, no 1, pp. 111–132.
- Bebler A. (2015). Crimea and the Russian-Ukrainian Conflict. *Romanian Journal of European Affairs*, vol. 15, no 1, pp. 35–54.
- Bennett W. L., Lawrence R. G., Livingston S. (2008). *When the Press Fails: Political Power and the News Media from Iraq to Katrina*, Chicago: University of Chicago Press.
- Beskina O. (2019). Rejting SMI Dal'nego Vostoka po tsitiruyemosti v sotsmedia, May 2019 [Social Media Citation Rating of the Far East, May 2019]. *Brand Analytics*. Available at: <https://br-analytics.ru/blog/far-east-massmedia-ratings/> (accessed 19 June 2020) (in Russian).
- Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. (2003). Latent Dirichlet Allocation. *The Journal of Machine Learning Research*, vol. 3, January, pp. 993–1022.
- Bøggild T., Pedersen H. H. (2018). Campaigning on Behalf of the Party? Party Constraints on Candidate Campaign Personalisation. *European Journal of Political Research*, vol. 57, no 4, pp. 883–899.
- Boudana S., Segev E. (2017). The Bias of Provocation Narratives in International News. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 22, no 3, pp. 314–332.
- Bykova E., Gavra D., Slutskiy P. (2018). The Evolution of Trump's Image in Russian Media. *American Behavioral Scientist*. Available at: <https://doi.org/10.1177/0002764218793691> (accessed 19 June 2020).
- Daud A., Li J., Zhou L., Muhammad F. (2010). Knowledge Discovery through Directed Probabilistic Topic Models: A Survey. *Frontiers of Computer Science in China*, vol. 4, no 2, pp. 280–301.
- Desai R., Freeman A., Kagarlitsky B. (2016). The Conflict in Ukraine and Contemporary Imperialism. *International Critical Thought*, vol. 6, no 4, pp. 489–512.
- DiMaggio P. (2015). Adapting Computational Text Analysis to Social Science (and vice versa). *Big Data & Society*, vol. 2, no 2. Available at: <https://doi.org/10.1177/2053951715602908> (accessed 19 June 2020).
- DiMaggio P., Nag M., Blei D. (2013). Exploiting Affinities between Topic Modeling and the Sociological Perspective on Culture: Application to Newspaper Coverage of U.S. Government Arts Funding. *Poetics*, vol. 41, no 6, pp. 570–606.

- Fürsich E. (2002). Nation, Capitalism, Myth: Covering News of Economic Globalization. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, vol. 79, no 2, pp. 353–373.
- Gans H. J. (2004). *Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time*, Evanston, Ill: Northwestern University Press.
- Griffiths T. L., Steyvers M. (2004). Finding Scientific Topics. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 101, suppl. 1, pp. 5228–5235.
- Grimmer J., Stewart B. M. (2013). Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts. *Political Analysis*, vol. 21, no 3, pp. 267–297.
- Hamilton J. T. (2010). The (Many) Markets for International News. *Journalism Studies*, vol. 11, no 5, pp. 650–666.
- Hawkins V. (2008). *Stealth Conflicts: How the World's Worst Violence is Ignored*, Aldershot, UK: Ashgate Publishing, Ltd.
- Hermans L., Vergeer M. (2013). Personalization in E-Campaigning: A Cross-National Comparison of Personalization Strategies Used on Candidate Websites of 17 Countries in EP Elections 2009. *New Media & Society*, vol. 15, no 1, pp. 72–92.
- Индекс цитируемости СМИ [Media Citation Index] (2019) *Medialogiya. SOTSMEDIA i SMI monitoring* [Medialogiya. Monitoring of Media and Social Media]. Available at: <https://www.mlg.ru/about/technologies/#mediaindex> (accessed 19 June 2020) (in Russian).
- Ivanov O. (2015). Social Background of the Military Conflict in Ukraine: Regional Cleavages and Geopolitical Orientations. *Social, Health, and Communication Studies Journal*, vol. 2, no 1, pp. 52–73.
- Kazun A. (2018). Osveshcheniye vyborov prezidenta RF 2018 v presse i blogosfere [Coverage of the 2018 Russian Presidential Election in the Press and Blogosphere]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Series: Politologia = Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 12, no 4, pp. 35–50 (in Russian).
- Kazun A., Kazun A. (2019). I ne drug, i ne vrag: Donal'd Tramp v rossiyskikh SMI [Neither Friend nor Foe: Donald Trump in the Russian media]. *Polis. Politicheskiye Issledovaniya = Polis. Political Studies*, vol. 28, no 1, pp. 90–104 (in Russian).
- Kiryukhin D. (2016). Russia and Ukraine: The Clash of Conservative Projects. *European Politics and Society*, vol. 17, no 4, pp. 438–452.
- Koltsov S., Pashakhin S., Dokuka S. (2018). A Full-Cycle Methodology for News Topic Modeling and User Feedback Research. Proceedings of the *10th International Conference on Social Informatics (St. Petersburg, Russia, September 25–28)* (eds. S. Staab, O. Koltsova, D. Ignatov), New York: Springer International Publishing, pp. 308–321.
- Koltsova O., Pashakhin S. (2020). Agenda Divergence in a Developing Conflict: Quantitative Evidence from Ukrainian and Russian TV Newsfeeds. *Media, War & Conflict*, vol. 13, no 3, pp. 237–257. Available at: <https://doi.org/10.1177/1750635219829876> (accessed 31 December 2020).

- Kruikemeier S., Noort G. van, Vliegthart R., Vreese C. H. de. (2013). Getting Closer: The Effects of Personalized and Interactive Online Political Communication. *European Journal of Communication*, vol. 28, no 1, pp. 53–66.
- Langer A. I., Sagarzazu I. (2018). Bring Back the Party: Personalisation, the Media and Coalition Politics. *West European Politics*, vol. 41, no 2, pp. 472–495.
- Lee C.-C., Yang J. (1996). Foreign News and National Interest: Comparing U.S. and Japanese Coverage of a Chinese Student Movement. *Gazette (Leiden, Netherlands)*, vol. 56, no 1, pp. 1–18.
- Leung D. K. K., Lee F. L. F. (2015). How Journalists value Positive News. *Journalism Studies*, vol. 16, no 2, pp. 289–304.
- Lian B., Oneal J. R. (1993). Presidents, the Use of Military Force, and Public Opinion. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 37, no 2, pp. 277–300.
- Maier D., Waldherr A., Miltner P., Wiedemann G., Niekler A., Keinert A., Pfetsch B., Heyer G., Reber U., Häussler T., Schmid-Petri H., Adam S. (2018). Applying LDA Topic Modeling in Communication Research: Toward a Valid and Reliable Methodology. *Communication Methods and Measures*, vol. 12, no 2–3, pp. 93–118.
- McCombs M., Graber D., Weaver D. H. (1981). *Media Agenda-Setting in the Presidential Election*, New York, NY.: Praeger Scientific.
- Mullen B., Pizzuto C., Foels R. (2002). Altering Intergroup Perceptions by Altering Prevailing Mode of Cognitive Representation: “They Look Like People.” *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 83, no 6, pp. 1333–1343.
- Mullen B., Rozell D., Johnson C. (2000). Ethnophaulisms for Ethnic Immigrant Groups: Cognitive Representation of ‘the Minority’ and ‘the Foreigner’. *Group Processes & Intergroup Relations*, vol. 3, no 1, pp. 5–24.
- Newman B., Forcehimes A. (2010). “Rally Round the Flag” Events for Presidential Approval Research. *Electoral Studies*, vol. 29, no 1, pp. 144–154.
- Norris P. (1995) The Restless Searchlight: Network News Framing of the Post-Cold War World. *Political Communication*, vol. 12, no 4, pp. 357–320.
- Oates S. (2006). *Television, Democracy and Elections in Russia*, Abingdon, UK: Routledge.
- Pancer S. M., Brown S. D., Barr C. W. (1999). Forming Impressions of Political Leaders: A Cross-National Comparison. *Political Psychology*, vol. 20, no 2, pp. 345–368.
- Pedersen H. H., Rahat G. (2019). Introduction: Political Personalization and Personalized Politics within and beyond the Behavioural Arena. *Party Politics*. Available at: <https://doi.org/10.1177/1354068819855712> (accessed 19 June 2020).
- Rahat G., Sheafer T. (2007). The Personalization(s) of Politics: Israel, 1949–2003. *Political Communication*, vol. 24, no 1, pp. 65–80.

- Ryabinska N. (2014). Media Capture in Post-Communist Ukraine. *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no 2, pp. 46–60.
- Segalovich I. (2003). A Fast Morphological Algorithm with Unknown Word Guessing Induced by a Dictionary for a Web Search Engine. Proceedings of the *International Conference on Machine Learning; Models, Technologies and Applications* (Las Vegas, USA, June 23–26) (eds. H. Arabnia, E. Kozerenko), New York: CSREA Press, pp. 273–280.
- Sheafer T. (2001). Charismatic Skill and Media Legitimacy: An Actor-Centered Approach to Understanding the Political Communication Competition. *Communication Research*, vol. 28, no 6, pp. 711–736.
- Shomova S. (2019). Vybory prezidenta RF — 2018 v zerkale memov: Novyye realii politicheskoy kommunikativistiki [2018 Russian Presidential Election in the Mirror of Memes: New Realities of Political Communication]. *Polis. Politicheskiye Issledovaniya = Polis. Political Studies*, vol. 27, no 3, pp. 157–173 (in Russian).
- Slutsky P., Gavra D. (2017). The Phenomenon of Trump’s Popularity in Russia: Media Analysis Perspective. *American Behavioral Scientist*, vol. 61, no 3, pp. 334–344.
- Szostek J. (2014) Russia and the News Media in Ukraine: A Case of “Soft Power”? *East European Politics and Societies*, vol. 28, no 3, pp. 463–486. Available at: <https://doi.org/10.1177/0888325414537297> (accessed 31 December 2020).
- Tsfati Y., Markowitz-Elfassi D., Waismel-Manor I. (2010). Exploring the Association between Israeli Legislators’ Physical Attractiveness and Their Television News Coverage. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 15, no 2, pp. 175–192.
- Turner G. (1993). *Nation, Culture, Text: Australian Cultural and Media Studies*, London; New York: Routledge.
- Vartanova E. (2011). The Russian Media Model in the Context of Poeds.st-Soviet Dynamics. *Comparing Media Systems Beyond the Western World* (eds. D. C. Hallin, P. Mancini), New York: Cambridge University Press, pp. 119–142.
- Waismel-Manor I., Tsfati Y. (2011). Why Do Better-Looking Members of Congress Receive More Television Coverage? *Political Communication*, vol. 28, no 4, pp. 440–463.
- Wanta W., Golan G., Lee C. (2004). Agenda Setting and International News: Media Influence on Public Perceptions of Foreign Nations. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, vol. 81, no 2, pp. 364–377.

Received: July 6, 2020

Citation: Kazun A., Pashakhin S. «Chuzhie vybory»: novosti sosednego gosudarstva o vyborakh prezidenta RF v 2018 g. [‘Alien Elections’: Neighboring State News on the 2018 Russian Presidential Elections]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 71–91. doi: [10.17323/1726-3247-2021-1-71-91](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-71-91) (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Ю. Д. Керша

Социально-экономическая композиция школы как фактор неравенства в образовании

Обзор подходов к измерению и механизмов взаимосвязи с академическими результатами¹

КЕРША Юлия Дмитриевна — аспирант, стажёр-исследователь Центра общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского; преподаватель департамента образовательных программ Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 10100, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: ykersha@hse.ru

Социально-экономическая композиция школы в зарубежных исследованиях рассматривается в качестве одного из наиболее значимых факторов образовательного неравенства на уровне школы. Большинство работ демонстрируют наличие положительной связи между социально-экономическим статусом контингента учащихся и образовательными результатами. При этом ряд авторов подтверждают, что данный эффект является статистическим артефактом и оказывается значимым в связи с недостатками методологии имеющихся исследований. Кроме того, несмотря на достаточно большое количество работ, в области остаётся довольно много вопросов. Как формируется композиционный эффект? В каких условиях он возникает? Какие механизмы задействуют взаимосвязь? Как минимизировать негативный эффект школьной композиции? Идёт ли речь о влиянии школы или лишь о взаимосвязи с результатами?

В российских исследованиях образования данная предметная область, несмотря на актуальность в связи с темой неравенства, выпадает из поля зрения. Целью статьи является систематический анализ имеющихся работ с фокусом на выработку рекомендаций и дальнейших направлений для эмпирических исследований. В обзоре вводится термин «эффект социально-экономической композиции» и перечисляются основные подходы для его измерения с учётом выбора индикатора композиции, способа агрегирования и метода анализа данных. Следуя содержательным предпосылкам о наличии непрямого эффекта композиции и методологическим рекомендациям, автор описывает возможные механизмы возникновения эффекта на уровне сверстников, учителей и школы. На основе анализа замечаний критических работ формируются предпосылки дизайна исследований, необходимые для проведения корректной оценки композиционного эффекта. В заключении приводится резюме рекомендаций и обосновывается научная и практическая значимость изучения причинно-следственной связи между композицией школы и образовательными результатами учащихся.

Ключевые слова: образовательное неравенство; социально-экономическая композиция школы; академические достижения; образовательная траектория; композиционные эффекты; школьный контекст.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

Введение

Проблема неравенства академических достижений на протяжении многих лет является одной из центральных в области образования и не теряет своей научной и практической значимости по сей день. Поиск факторов образовательного неравенства продолжает занимать основное место среди исследований в социологии образования [Sadovnik, Semel 2010]. Как правило, одним из наиболее значимых факторов различия успеваемости на индивидуальном уровне признаётся социально-экономическое положение учащихся [Sirin 2005; Buckingham, Wheldall, Beaman-Wheldall 2013; Strand 2014].

Обеспечение равенства образовательных возможностей для учеников с разным социально-экономическим статусом (СЭС) стало одной из ключевых целей в формировании справедливой и эффективной системы образования [Field, Kuczera, Pont 2007]. Именно равный доступ к качественному образованию способен сдерживать рост социального неравенства в обществе и способствовать накоплению человеческого капитала, что в результате приводит к экономическому развитию [Chung 2017]. Данная тема отражает острую социальную проблему и вызывает политические и научные дебаты во многих странах мира, например — в США [Duncan, Murnane 2011], России [Kosaretsky, Grunicheva, Pinskaya 2014; Каруза et al. 2017], Ирландии [Cahill 2015], Австралии [Goss, Sonnemann 2016], Бельгии [Danhier 2017] и других.

Социально-экономическая композиция (СЭК) школы как агрегированная на уровень школы характеристика индивидуального социально-экономического положения учеников может играть не меньшую роль в формировании и воспроизводстве образовательного неравенства, чем индивидуальный статус. Несмотря на то что в 1966 г. работа Дж. С. Коулмана показала, что большинство школьных характеристик в целом не так сильно связаны с академическими достижениями, как индивидуальные факторы, школьная композиция была отмечена автором в качестве одной из наиболее влиятельных переменных на уровне школы [Coleman 1966]. Современные методы многоуровневого анализа данных позволяют более точно и корректно оценить вклад школы в развитие достижений. Проведение повторного анализа данных Коулмана демонстрирует, что школьные характеристики объясняют около 40% различий в академических достижениях, в то время как композиционная характеристика социально-экономического статуса оказывается сильнее индивидуальной почти в 2,5 раза [Borman, Dowling 2010].

Немало исследований в той или иной форме оценивали связь композиции школы с академическими достижениями учащихся. Многие авторы предоставляют эмпирические доказательства, подтверждающие наличие связи социально-экономической композиции школы с образовательными результатами, а также с поведением учащихся во многих странах. К работам данного типа можно отнести исследования на выборках учащихся из Бельгии [Opdenakker, Van Damme 2007; Danhier, Martin 2014; Belfi, Haelermans, De Fraine 2016], США [Lawrence 2015; Palardy, Rumberger, Butler 2015; Langenkamp, Carbonaro 2018], Австралии [Perry, McConney 2010a; Goss, Sonnemann 2016; Chesters, Daly 2017], Великобритании [Gorard, Taylor, Fitz 2002; Lupton et al. 2006; Strand 2010], Канады [Perry, McConney 2013], Бразилии [Bartholo, Costa 2016], Испании [Di Paolo, Choi 2014], Нидерландов [Peetsma et al. 2006; Van der Slik, Driessen, De Bot 2006; Sykes, Kuiper 2013], Перу [Cueto, León, Miranda 2016]. В России оценивалась связь контингента школы как контекстной характеристики образовательной организации с результатами учащихся [Yastrebov et al. 2014; Pinskaya et al. 2019]. Авторами всех упомянутых работ было обнаружено, что чем выше социально-экономическая композиция школы, тем лучше успеваемость учащихся как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

В то же время авторы подчёркивают необходимость изучения самостоятельного, независимого от индивидуальных характеристик учащегося вклада школьной композиции в образовательные результаты — так называемого композиционного эффекта, который отличается от простой взаимосвязи. Ряд

работ эмпирически демонстрируют, что значимый эффект социально-экономической композиции школы на образовательные результаты учащихся зачастую отсутствует [Harker, Tymms 2004; Televantou et al. 2015; Armor, Marks, Malatinszky 2018]. Интерпретируя данные результаты, авторы поясняют, что в части работ, обнаруживающих значимую взаимосвязь школьной композиции с результатами, присутствуют методологические ограничения и недостатки, не позволяющие делать выводы в отношении композиционного эффекта. Нередко наличие связи в данных является лишь статистическим артефактом, а не свидетельством реального вклада школы в академические достижения. В связи с этим простого фиксирования взаимосвязи между переменными композиции и достижений, на чем останавливаются большинство авторов, может быть мало для подтверждения наличия композиционного эффекта [Harker, Tymms 2004].

Цель данной работы заключается в представлении российским читателям области изучения воздействия СЭК школы на академические результаты, а также в обозначении поля для дальнейших эмпирических исследований. В работе даётся определение эффекта социально-экономической композиции. Описание фокусируется на разграничении области оценки композиционных эффектов и изучения простой взаимосвязи контекстных характеристик школ с результатами, которые в современных работах зачастую смешиваются. Далее приводятся основные существующие подходы к измерению эффекта социально-экономической композиции школы на образовательные результаты и подчёркивается имеющееся противоречие в определении композиционного эффекта и применяемой в большинстве работ методологии. Следующий шаг — показать предполагаемые механизмы формирования эффекта и выделить потенциальные медиаторы связи для проверки на эмпирических данных. В заключительной части резюмируются методологические рекомендации, составленные на основе проанализированных в статье работ, а также предлагаются направления для дальнейших эмпирических исследований.

Школьная композиция в образовательных исследованиях

Традиционно в исследованиях образовательного неравенства рассматриваются факторы академических достижений учащихся, возникающие в разных группах, так или иначе вовлечённых в процесс образования. Это могут быть характеристики самих учащихся и их семей, учителей, образовательных организаций [Hattie 2009]. В качестве переменных на уровне школы используются преимущественно два вида показателей: (1) характеристики, присущие образовательной организации в целом, такие как, например, тип школы или специализация; (2) индивидуальные показатели, тем или иным методом агрегированные на школьный уровень (эти последние в зарубежных работах носят название композиционных характеристик).

В образовательных исследованиях композиционной характеристикой может быть любой показатель контингента, агрегированный на уровень класса или школы. Такая характеристика описывает сразу всю совокупность изучаемых единиц, основываясь на наблюдениях более низкого уровня. Агрегирование осуществляется двумя основными способами — как формирующее (*formative aggregation*) и рефлексивное (*reflexive aggregation*) [Müller, Zurbriggen 2016].

Формирующее агрегирование создаёт не интерпретируемый на индивидуальном уровне показатель. Например, процент девочек в школе. Доля девочек имеет смысл только на уровне школы в целом и не существует на уровне отдельного учащегося. *Рефлексивное агрегирование*, напротив, является способом получения данных, при котором индивидуальные показатели учащихся определённой организационной единицы могут при необходимости рассматриваться как взаимозаменяемые. Такие оценки формируются в тех случаях, когда учащихся просят оценить какую-то общую характеристику группы, присущую сразу всем её участникам. Например, вопрос при анкетировании учеников об общем социальном климате в классе. В данном случае высокая дисперсия ответов учащихся будет выступать

источником ненадёжного измерения общего конструкта. При формирующем агрегировании разброс в индивидуальных данных является, скорее, содержательной характеристикой, нежели ошибкой измерения.

Школьная композиция — результат применения формирующего типа агрегирования индивидуальных показателей. В контексте исследований образовательного неравенства авторы чаще всего рассматривают этническую или расовую композицию школы [Van der Slik, Driessen, De Bot 2006; Demanet, Van Houtte 2011; Agirdag, Van Houtte, Van Avermaet 2012; Belfi et al. 2014], академическую [Opdenakker, Van Damme 2007; Boonen et al. 2014; Belfi et al. 2015], социально-экономическую [Perry, McConney 2010b; Palardy 2013; Danhier 2016a] и гендерную [Mael et al. 2005; Pahlke, Cooper, Fabes 2013]. Разные типы школьной композиции изучаются в работах с точки зрения взаимосвязи с другими характеристиками учащихся и школы — например, с академическими достижениями [Robert 2010; Gustafsson, Nilsen, Hansen 2016], социально-эмоциональным состоянием [Müller, Zurbriggen 2016], школьными процессами [Opdenakker, Van Damme 2001], отношением и установками учителей [Brault, Janosz, Archambault, 2014; Belfi et al. 2015; Westphal et al. 2016] и т. д.

Данная работа посвящена анализу исследований лишь одного типа школьной композиции — социально-экономической. Ею называется агрегированный на уровень школы показатель индивидуального социального статуса учащихся данной образовательной организации [Perry 2012]. В зарубежных работах синонимами этого термина могут быть социально-экономический состав (СЭС) учащихся, средний СЭС школы, социальный микс, СЭС сверстников. В российском контексте для обозначения школьной композиции в широком смысле встречается термин «контингент учащихся» [Фрумин, Пинская, Косарецкий 2012]. Несмотря на различия в терминологии, стоит понимать, что чаще всего в работах речь идёт именно о социальной композиции.

Зачастую в характеристики социально-экономического состава учащихся может входить расовая принадлежность, однако этническая композиция школы в большинстве работ рассматривается отдельно от социально-экономической. Когда речь идёт об этнической композиции, на школьный уровень агрегируется информация только о расовой принадлежности учащихся, но не об их социальном статусе [Van der Slik, Driessen, De Bot 2006; Demanet, Van Houtte 2011; Agirdag, Van Houtte, Van Avermaet 2012; Belfi et al. 2014]. При измерении социально-экономической композиции школы переменная расы может учитываться, но только в комплексе с другими индикаторами социально-экономического положения [Boonen et al. 2014].

Эффект социально-экономической композиции школы: определение и связь с образовательными результатами

Композиционным эффектом в литературе называют вклад показателя композиции (агрегированной переменной) в объяснение какой-либо интересующей переменной сверх и независимо от этого же показателя на индивидуальном уровне. Эффектом социально-экономической композиции школы называют взаимосвязь агрегированного на уровень школы показателя СЭС при учете различий, связанных с индивидуальным социальным статусом учащихся [Dumay, Dupriez 2008].

При этом не стоит путать изучение композиционных эффектов с исследованием «контекстных» характеристик школ [Harker, Tumms 2004]. В случае оценки композиционного эффекта требуется более строгая методология. Речь идёт не только об определённом способе агрегации, но и об обязательном учёте в модели исходной характеристики, на основе которой она составлена. Для измерения значимости школьного контекста оценивается только связь показателя контингента (на уровне школы) с зависимой переменной. Другими словами, когда речь идёт о контексте школы, необязательно учитывать

различия в индивидуальном статусе отдельных учащихся. Это не позволяет в данном случае говорить о независимой взаимосвязи школьной характеристики из-за проблемы самоотбора: например, успеваемость учащихся лучше в школах с высокой композицией просто из-за того, что индивидуальный статус школьников, посещающих учреждение, выше и положительно связан с достижениями. Именно добавление в модель индивидуальной характеристики, помимо композиционной, даёт возможность оценить самостоятельный вклад школьной среды.

Сама идея того, что социально-экономическая композиция школы связана с академическими достижениями учащихся, впервые стала актуальной ещё в 1966 г., когда было обнаружено, что, несмотря на схожесть образовательных организаций с точки зрения количества ресурсов и инфраструктуры, существовал значительный разрыв в успеваемости детей из школ с разным контингентом [Coleman 1966]. С тех пор эффект школьной композиции находится в центре дебатов об образовательной политике. Существование композиционных эффектов при высоком уровне сегрегации в образовательной системе (как, например, в США) требует разработки мер интеграции и контроля отбора учащихся в школы [Rumberger, Palardy 2005].

Современные работы отчасти подтверждают, а отчасти опровергают (см. выше, «Введение») тот факт, что социально-экономическая композиция школы имеет независимый вклад в формирование академических достижений. Ряд исследований, подтверждающих наличие композиционного эффекта, демонстрирует, что он является универсальным и затрагивает всех учащихся одинаково [Rumberger, Palardy 2005; Perry, McConney 2010a]. В то же время некоторые исследования подтверждают наличие дифференцированной связи СЭК с результатами в зависимости от индивидуального социально-экономического положения ученика. Так, например, для школьников с высоким индивидуальным статусом негативный эффект смешанных по социально-экономической композиции школ оказался сильнее, чем для остальных [Belfi, Haelermans, De Fraine 2016]. Для учащихся с низким социально-экономическим положением высокое число школьников с низким СЭС в классе неожиданно могло иметь даже положительный эффект [Peetsma et al. 2006].

Помимо краткосрочных образовательных результатов, выраженных успеваемостью в школе, социально-экономическая композиция связана также с более долгосрочной академической перспективой. В качестве долгосрочных образовательных результатов принято рассматривать построение дальнейшей академической траектории ученика. Таких работ значительно меньше, поскольку требования к используемым данным оказываются более высокими: анализ с целью определения эффекта школьной композиции на поступление в высшие учебные заведения может быть осуществлён только на данных длительных лонгитюдных обследований. По результатам немногочисленных работ, между композицией школы и дальнейшим поступлением учащихся в высшие учебные заведения была обнаружена значимая положительная взаимосвязь [Niu, Tienda 2013; Palardy 2013; 2014]. Вероятность того, что в колледж поступит учащийся из школы с высокой СЭК, на 68% выше, чем для любого учащегося из школы с низкой социально-экономической композицией.

Механизмы взаимосвязи между социально-экономической композицией школы и образовательными результатами

Необходимость изучения функционирования композиционного эффекта на образовательные результаты обусловлена не только методологическими потребностями, но и содержательными. Сейчас, даже при обнаружении самостоятельного вклада СЭК в академические результаты, авторы исследований не всегда предпринимают попытки объяснить, почему он возникает. Зачастую эффект композиции сравнивается с «чёрным ящиком»: не до конца понятным остаётся, каковы условия и процесс возникновения этого эффекта [Rumberger, Palardy 2005; Ewijk, Slegers 2010; Boonen et al. 2014]. В системах с

высоким уровнем сегрегации между школами по социально-экономическому положению (в организациях концентрируются учащиеся примерно одинакового статуса) эффект композиции может оказаться минимальным [Danhier 2017]. Предполагается, что взаимосвязь композиции с образовательными результатами, скорее, не прямая и осуществляется через контекстные характеристики учебного процесса [Demanet, Van Houtte 2011; Perry 2012; Palardy 2014; Danhier 2017].

В литературе можно условно выделить три группы потенциальных механизмов связи между школьной композицией и академическими достижениями. К ним относятся характеристики-медиаторы трёх уровней — сверстников, учителей и самой школы. Все они могут быть связаны и с социально-экономической композицией школы, и с образовательными результатами школьников. Далее три группы будут рассмотрены отдельно.

Характеристики сверстников

Изучению взаимодействия сверстников, их отношений и влияния друга на друга посвящена отдельная группа исследований и теорий эффекта окружения, или пир-эффекта (*peer-effect*) [Prinstein, Dodge 2010]. В рамках данных теорий поясняется, какую роль и почему сверстники могут играть для учащегося в образовательном процессе. В школе одноклассникам так или иначе приходится общаться друг с другом, взаимодействовать и проводить вместе значительную часть времени. В процессе общения учащиеся распространяют между собой нормы, образовательные ценности, поведение и даже знания, которые могут отражаться на успеваемости [Palardy 2013]. В группе учащихся в зависимости от их личных характеристик создаётся обстановка, которая может способствовать или препятствовать обучению, направлять и формировать поведение. Окружение в школе также используется школьниками в качестве референтной группы, относительно которой формируется самовосприятие в отношении учёбы [Dreeben, Barr 1988; Wilkinson 2002].

В контексте данной работы интерес представляют только те характеристики и черты сверстников, которые могут быть связаны и с академическими достижениями, и с контингентом учащихся, то есть потенциально являются медиаторами композиционного эффекта. Один из типов факторов — ожидания и академические притязания учащихся. Известно, что планы друзей или одноклассников относительно академической траектории способны повлиять на намерение учащегося поступать в колледж [Perna, Titus 2005]. Социально-экономическая композиция школы, в свою очередь, связана со стремлениями и ожиданиями учащихся [Rumberger, Palardy 2005; Wells 2010; Perry 2012]. Школы с низким уровнем социально-экономической композиции характеризуются и низким уровнем нормативности, бесцельностью обучения и примерами выпускников с отсутствием возрастающей мобильности [Demanet, Van Houtte 2011]. В то же время высокие достижения одноклассников, что характерно для школ с высоким СЭС, положительно связаны с повышением успеваемости отстающих учеников [Hanushek et al. 2003].

Другим типом факторов являются черты, связанные с мотивацией сверстников к обучению. Социально-экономический статус школы в среднем положительно связан с уровнем мотивации учащихся [Boonen et al. 2014; Castellano, Rabe-Hesketh, Skrandal 2014], которая способствует повышению образовательных результатов. Важным для академических результатов является и вовлечённость друзей в образовательный процесс, хотя данная взаимосвязь была обнаружена не на уровне школы в целом, а среди малых групп одноклассников [Ivaniushina, Alexandrov 2018]. Интересно, что мотивация также способна сработать и в обратную сторону, если высокие академические достижения сверстников связаны с более низким уровнем мотивации и интереса к изучению предмета (так называемый эффект большой рыбки в маленьком пруду — *big-fish-little-pond effect*, BFLPE) [Trautwein et al. 2006].

Среди одноклассников с разными социально-экономическими характеристиками может сильно различаться и само поведение в школе и за её пределами. Исследователи утверждают, что влияние сверстников является одним из сильнейших предикторов вовлечения в делинквентное поведение [Akers, Jensen 2017]. Например, в возрасте 15–16 лет достигается пик влияния школы и сверстников на употребление наркотиков [Jang 2002]. При этом среди подростков с низким индивидуальным социально-экономическим статусом делинквентное поведение значительно выше [Knaappila et al. 2019]. Пропуски школы по неуважительной причине также отрицательно связаны с успеваемостью одноклассников [Gottfried 2011]. Социально-экономическая композиция школы связана и с внутриклассовым поведением — сотрудничеством и работой в группах, которые, в свою очередь, формируют академические достижения [Kahlenberg 2003].

Характеристики учителей

Отдельной группой потенциальных медиаторов связи композиции и достижений могут быть характеристики учителей. Фактически свойства педагогического состава рассматриваются в качестве одного из типа ресурсов школы, которые будут описаны далее (см. «Школьные характеристики»). Здесь же внимание будет уделено качествам учителей, имеющих особое значение в ходе непосредственного взаимодействия с самими учащимися.

Существует несколько характеристик учителей и учительских практик, которые предположительно связаны одновременно и с социально-экономическим статусом учащихся, и с образовательными результатами. В школах с высокой социально-экономической композицией обычно работают более квалифицированные и опытные учителя [Danhier 2016b]. Объясняется это, например, тем, что лучшие учителя имеют возможность выбирать при трудоустройстве образовательные организации в соответствии со своими предпочтениями [Bartholo, Costa 2016]. При этом школы с высокой социально-экономической композицией могут привлечь квалифицированный персонал более благоприятными условиями труда [Perry 2012].

Исследованиями не раз подтверждалось, что академические ожидания учителей значительно различаются по отношению к ученикам разного социального статуса и, соответственно, к классам разного состава [Van Matre, Valentine, Cooper 2000; Westphal et al. 2016]. В среднем учителя в обеспеченных школах демонстрируют более высокие ожидания по сравнению с коллегами, которые работают с учениками низкого социально-экономического статуса. Учителя считают представителей высокого СЭС не только более способными и амбициозными, но и более обучаемыми [Agirdag 2018]. Заниженные ожидания учителей по отношению к ученикам низкого социально-экономического положения приводят к использованию менее продвинутых способов обучения, характеризующихся слабой поддержкой школьников; к меньшим усилиям в преподавании; к фокусированию на развитии базовых навыков и отсутствию трудных задач в программе [Hattie 2002; Auwarter, Aruguete 2008; Perry 2012; Brault, Janosz, Archambault 2014; Xuan et al. 2019]. Данные характеристики преподавательских практик связаны, в свою очередь, с пониженными академическими достижениями учащихся.

Помимо этого, некоторые личностные характеристики учителей могут послужить объяснением различающихся достижений в школах с разной композицией. Учителя с высоким уровнем профессионального выгорания и, соответственно, низким благополучием чаще работают в школах с неблагоприятным социальным контингентом [Константиновский, Пинская, Звягинцев 2019]. Одновременно профессиональное выгорание учителей негативно отражается на академических достижениях учеников. Причём в классах с низкой социально-экономической композицией, где высока доля учащихся — представителей этнических меньшинств, связь профессионального истощения с результатами оказывается сильнее [Klusmann, Richter, Lüdtke 2016]. Выгорание учителя отрицательно связано не только

с академическими достижениями учащихся, но и с уровнем их мотивации к учёбе [Shen et al. 2015]. Результаты исследований свидетельствуют: от композиции класса также зависит готовность учителей сотрудничать друг с другом, что может быть связано и с образовательными результатами школьников [Opdenakker, Van Damme 2007].

Школьные характеристики

Третья группа факторов, которые изучаются в качестве медиаторов связи композиции школы с учебной успеваемостью, это школьные характеристики. Сюда могут входить все аспекты учебного процесса; например — организационная структура, школьные практики, менеджмент, учебный план и т. д. Предпосылка о медиации исходит из того, что школа как эффективный образовательный институт должна реагировать на контингент своих учащихся, то есть учитывать их потребности и особенности [Harker, Tummms 2004]. Школьные практики и процессы адаптируются в том числе и к социально-экономическому положению учащихся, а также к связанным с ним характеристикам.

Индивидуальный социально-экономический статус приводит учащихся в классы с разным количеством школьных ресурсов, что в ряде стран объясняет разрыв в успеваемости [Baird 2012]. Дети из богатых семей чаще посещают школы, находящиеся в отличном техническом состоянии, с развитой инфраструктурой и техническим оснащением, большим количеством образовательных ресурсов и качественным педагогическим составом [Chiu, Khoo 2005]. Обеспеченность школьными ресурсами, в свою очередь, положительно связана с уровнем академических достижений учащихся [Gustafsson 2003; Chiu, Khoo 2005]. Общая нехватка финансовых, физических и человеческих ресурсов в школах с низкой социально-экономической композицией обычно затрудняет образовательный процесс и приводит к проблемам при выполнении ежедневных обязанностей [Dumay, Dupriez 2008; Palardy 2013]. Помимо этого, в школах с разной композицией различается и такой ресурс, как социальный капитал: высокий СЭС оказывается связан с большей поддержкой школы и образовательного процесса со стороны родителей [Van Landeghem et al. 2002].

Композиция школы может быть связана и с содержанием образования. Школы с высоким статусом предоставляют учащимся сложный учебный план с широким предметным охватом, большее число домашних заданий и учебного времени [Dumay, Dupriez 2008; Perry 2012]. Было выявлено, что в классах, где учащиеся преимущественно высокого статуса, качество содержания образования, выраженное в уровне трудности заданий и акценте на особенностях языка, отчасти ответственно за высокий уровень успеваемости [Rjosk et al. 2014]. Причина подобных различий содержания и качества образования лежит в попытке привести школьную программу в соответствие ожиданиям и стремлениям учащихся, которые выше в школах с такой композицией. При этом школьная программа имеет значение не только для краткосрочной учебной успеваемости, но и для более долгосрочных образовательных результатов, то есть для выбора академической траектории [Palardy 2013].

Отдельную роль играет климат в школе. Было подтверждено, что среди других школьных характеристик именно климат в классе способен опосредовать связь между социальным статусом и академическими достижениями [Van Landeghem et al. 2002]. Отмечается, что в учебных организациях с высокой социально-экономической композицией одной из составляющих климата является дисциплинированность, наличие безопасной и контролируемой среды для обучения, что в среднем содействует академическому успеху [Opdenakker, Van Damme 2001]. Специфической чертой школьного климата в таких организациях является академический прессинг. Результаты исследований показывают, что прессинг как часть академической культуры в среднем связан с повышением образовательных результатов в школе [Leithwood, Sun 2018; Holzberger et al. 2020]. При этом в школах с низкой социально-экономической композицией, где академический прессинг типично ниже, его взаимосвязь с успеваемостью оказыва-

ется сильнее [Lee, Smith 1999]. Однако на российских данных подтверждаются и другие результаты относительно школ с низкой композицией: в маленьких школах (где социально-экономический статус учащихся типично ниже) наблюдаются не такой высокий уровень агрессии среди учеников и более благоприятное отношение школьников к учителям [Александров et al. 2018].

Подходы к измерению эффекта социально-экономической композиции школы и методологические рекомендации

Исследования эффекта социально-экономической композиции школы на образовательные результаты довольно разнообразны с точки зрения выбора подхода к измерению и метода анализа данных. Это связано с тем, что на данный момент в предметной области нет единой и чётко зафиксированной методологии измерения, однако имеются общие требования к дизайну исследования. В текущем разделе будет приведено общее описание возможных способов измерения школьной композиции на основе имеющихся в области эмпирических работ и резюмированы рекомендации относительно дизайна и анализа данных для изучения эффекта. Следование указанным рекомендациям необходимо не только для того, чтобы сделать возможным измерение эффекта, но и чтобы минимизировать смещения, соответственно повысив надёжность методов и валидность результатов будущей исследовательской работы по данному направлению.

Вариация в методологии работ связана отчасти с тем, что исследователю необходимо делать выбор сразу на нескольких этапах своего анализа. На первом шаге стоит выбрать индикатор индивидуального социально-экономического положения учащихся. Далее очередь за определением подходящего метода агрегирования показателя на уровень школы. И, наконец, необходим выбор метода анализа данных для оценки эффекта на образовательные результаты учащихся. Каждый из перечисленных шагов будет рассмотрен отдельно.

Выбор индикатора социально-экономического положения

Довольно широкий диапазон индикаторов может быть использован для измерения индивидуального социально-экономического статуса учащегося. Традиционно основными составляющими СЭС являются четыре компонента: (1) уровень дохода семьи; (2) образование родителей и их (3) профессиональный статус; (4) домашние ресурсы [Sirin 2005]. В случае исследований композиционных эффектов специфических особенностей при выборе показателя СЭС практически нет. Как и в других исследованиях, измеряющих социально-экономический статус, наиболее часто используются следующие индикаторы²:

- уровень образования отца и (или) матери;
- профессиональный статус отца и (или) матери;
- доход и благосостояние семьи;
- количество книг в доме;
- шкала занятости;
- принадлежность этническим меньшинствам;
- проживание вместе с обоими родителями;
- право на бесплатное питание в школе;
- право на получение социальной поддержки;

² Данные индикаторы используются в следующих работах: [Niu, Tienda 2013; Belfi et al. 2014; Palardy 2013; Danhier 2017; Lauder et al. 2010; Boonen et al. 2014; Bartholo, Costa 2016; Flouri, Midouhas 2016; McCoy, Quail, Smyth 2014; Danhier, Martin 2014; Gustafsson, Nilsen, Hansen 2016].

- индекс экономического, социального и культурного статуса (*index of economic, social and cultural status* — ESCS) Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment — PISA);
- индекс образовательных ресурсов дома (*home educational resources (HER) index*) Международного исследования качества математического и естественно-научного образования (Trends in Mathematics and Science Study — TIMSS).

Чаще всего для оценки индивидуального социально-экономического положения используется сразу несколько переменных. Это необходимо, чтобы учесть весь спектр различий между учащимися и школами [McCoy, Quail, Smyth 2014]. Тем не менее есть работы, в которых был выбран лишь один индикатор СЭС, преимущественно — образование родителей [Cueto, León, Miranda 2016; Chesters, Daly 2017] или классовая принадлежность по шкале занятости [Demanet, Van Houtte 2011; Agirdag, Van Houtte, Van Avermaet 2012]. Образование родителей может использоваться отдельно, поскольку, по результатам расчетов, является наиболее сильным предиктором социального статуса [Buckingham, Wheldall, Beaman-Wheldall 2013]. Шкала занятости также может выступать самостоятельным инструментом измерения социального статуса. Наиболее популярными среди шкал занятости в работах по оценке композиции становятся те или иные модификации шкалы престижа профессии Голдторпа (см.: [Goldthorpe, Hope 1978]), которая составляется на основе ранжирования типов занятости по уровню престижа в обществе. В российском контексте был разработан аналог шкалы занятости для оценки профессионального статуса [Бессуднов 2009].

Ряд работ также используют право на получение бесплатного питания учащимся в качестве самостоятельного показателя социального статуса и, соответственно, характеристики контингента школы [Gorard, Taylor, Fitz 2002; Lupton et al. 2006; Lawrence 2015; Flouri, Midouhas 2016; Langenkamp, Carbonaro 2018]. Данный показатель традиционно выступает в качестве индикатора экономической депривации семьи учащегося. Однако использовать его (особенно в виде дихотомической переменной) не рекомендуют [Hill, Jenkins 1999]. Недостаток индикатора заключается в высокой изменчивости при низкой надёжности для измерения социального статуса.

При выборе сразу нескольких индикаторов социально-экономического положения необходим также тот или иной метод создания единого индекса на индивидуальном уровне для использования показателя в дальнейшем анализе. В этих целях могут применяться следующие методы: конфирматорный факторный анализ (*confirmatory factor analysis* — CFA) [Belfi et al. 2014], метод главных компонент (*principal component analysis* — PCA) [Dumay, Dupriez 2008], современная теория тестирования (*item response theory* — IRT) [Martin et al. 2016], «связующие» переменные (*sheaf variable*) [Marks 2015]. Эти последние позволяют создать комбинацию из блока нескольких индикаторов, измеряющих один конструкт, что делается через построение регрессионной модели, включающей в качестве предикторов все компоненты социального статуса, а в качестве зависимой переменной используется показатель, с которым исследуется взаимосвязь. Полученные регрессионные коэффициенты далее используются для взвешивания исходных компонентов СЭС и создания суммарного индекса [Whitt 1986]. На российской выборке данная методика применялась, например, для создания индекса социального благополучия школы [Ястребов, Пинская, Косарецкий 2014; Pinskaya et al. 2019]. В отдельных случаях веса в композитном индексе могут быть зафиксированы просто одинаковыми для всех компонентов, входящих в СЭС [Palardy 2013]. Несмотря на широкое использование данных методик создания композитного индекса, все они в той или иной степени критикуются за то, что определение весов может сильно зависеть от конкретной выборки исследования и не совпадать с теоретическими предпосылками о значимости того или иного компонента [Avvisati 2020].

При обращении к данным международных тестирований авторы традиционно обращаются к уже имеющимся в них шкалам оценки социально-экономического положения. В исследовании PISA для таких целей применяется индекс экономического, социального и культурного статуса [OECD 2017]. Данный индекс составляется на основе следующих индикаторов: профессиональный статус родителей; наивысший уровень образования (в годах обучения); семейное благосостояние; образовательные ресурсы дома; культурные ресурсы дома (книги и т. д.). В случае с данными TIMSS может быть использована шкала домашних образовательных ресурсов [Martin et al. 2016]. В шкалу входят такие индикаторы, как количество книг дома, наличие оснащённого места обучения, наивысший уровень образования и профессиональный статус родителей. Популярность подобных композитных индексов в анализе обусловлена в первую очередь практическим удобством для вторичного анализа и обеспечением сопоставимости мониторинга из года в год. Тем не менее исследователи подчёркивают, что компоненты индекса могут лучше описывать образовательное неравенство по отдельности [Avvisati 2020].

Выбор метода агрегирования социально-экономического статуса на уровень школы

Когда для каждого учащегося сформирован показатель индивидуального социально-экономического положения, остаётся определиться с тем, каким образом агрегировать его на уровень школы. Методов агрегирования в исследованиях, в отличие от индикаторов, значительно меньше. Показатель социально-экономической композиции школы на основе индивидуального статуса учащегося можно рассчитать как следующие величины³:

- среднее арифметическое;
- дисперсия;
- доля учащихся того или иного статуса;
- соотношение учащихся с разным статусом.

Наиболее популярным методом является расчёт среднего арифметического показателя социального статуса учащихся в школе. Используется он преимущественно в тех случаях, когда на предыдущем этапе индикатором индивидуального социального статуса был интервальный индекс [Dumay, Dupriez 2008; Demanet, Van Houtte 2011; Danhier 2017]. Несмотря на свою простоту и тем самым привлекательность, расчёт среднего показателя таит один недостаток. При трансформации нескольких оценок учащихся в одну теряется значительная часть дисперсии индивидуальных данных. Подобный расчёт может приводить к завышенному эффекту композиции школы [Marks 2015]. Если СЭС школы был посчитан как среднее, следует дополнительно включать в модель и дисперсию (или стандартное отклонение) индикатора индивидуального статуса по школе [Robert 2010; Danhier 2016a], что позволит не только сохранить значительную часть информации, но и получить дополнительные содержательные результаты относительно взаимосвязи.

Другим вариантом сохранения информации может выступать использование расчёта процента учащихся с разным статусом по школе. Могут быть показаны доли учащихся высокого, среднего и низкого социально-экономического статуса [Belfi, Haelermans, De Fraine 2016]; того или иного квантиля СЭС по выборке [Nash 2003]; из семей рабочего класса [Agirdag, Van Houtte, Van Avermaet 2012]; из семей, где родители имеют законченное среднее образование и выше [Cueto, León, Miranda 2016]; представляющих этнические меньшинства или получающих социальную поддержку [Bartholo, Costa 2016]; получающих бесплатные обеды [Lupton et al. 2006] и т. д.

³ Данные способы расчёта используются в следующих работах: [Lauder et al. 2010; Palardy 2014; Cueto, León, Miranda 2016; Danhier 2016a].

Довольно необычным способом агрегирования, применённым лишь в одной из рассмотренных работ, был расчёт соотношения учащихся разного социально-экономического статуса [Lauder et al. 2010]. Показателем социально-экономической композиции школы стало отношение числа школьников рабочего класса к числу учащихся из семей класса профессионалов.

Дополнительно после расчёта общего показателя социально-экономической композиции школы может быть проведена типологизация школ. Это позволит не просто оценить эффект социально-экономической композиции на образовательные результаты, но и провести сравнение ряда дополнительных показателей в разных типах школ. Для выделения типов школ на основе их композиции используются разделение распределения образовательных организаций по среднему СЭС на квантили [Perry, McConney 2010a] или содержательные пороговые значения [Belfi, Haelermans, De Fraine 2016]. В этом последнем случае, например, школе присваивалась характеристика низкой социально-экономической композиции при наличии более 50% учащихся с низким индивидуальным статусом. Низкий социально-экономический статус учащихся определялся через значение данного индикатора ниже среднего по общей выборке на одно и более стандартное отклонение. Такая методика позволила выделить также школы смешанного типа, в которых нет явного преобладания учащихся того или иного социального статуса.

Выбор метода анализа данных

По своему определению расчёт эффекта социально-экономической композиции школы на образовательные результаты учащихся довольно чётко очерчивает ряд методов, которые могут быть применимы для его оценки. Напомним несколько важных предпосылок. Во-первых, для оценки эффекта композиции необходимо учитывать и индивидуальный социально-экономический статус учащегося, и средний на уровне школы. Отсутствие в анализе одной из этих переменных не позволяет исследовать эффекты социально-экономической композиции. Вследствие этого структура данных для анализа должна быть как минимум двухуровневая, где первый уровень — это характеристики учащихся, а второй — самой школы. Соответственно, используемые данные будут иметь иерархически организованную структуру. Во-вторых, целью оценки композиционного эффекта является поиск взаимосвязи между школьной композицией и показателями образовательных результатов или другими зависимыми переменными. Помимо этого, предполагается добавление в аналитическую модель переменных-медиаторов.

С подобными предпосылками выбор общего аналитического подхода становится довольно-таки очевиден и ограничен. Для анализа такого типа данных в соответствии с поставленной целью используется многоуровневый (иерархический) регрессионный анализ [Snijders, Bosker 1999] или его развитие в виде структурного моделирования (*structural equation modelling* — SEM) [Hoyle 2015]. Каждый из этих методов позволяет проводить также медиационный анализ в поисках прямых и непрямых эффектов композиции на образовательные результаты. Например, для анализа эффекта композиции на образовательные результаты при использовании медиатора второго уровня подойдёт многоуровневая медиационная модель (*multilevel mediational modeling*) [Krull, MacKinnon 2001]. В некоторых случаях используются модели роста, например — многоуровневая оценка кривой роста (*multilevel latent growth curve* — MLGC) [Palardy 2008], что обосновано, когда оценивается эффект композиции не просто на уровень академических достижений, но и на их изменение в течение определённого периода времени.

Отдельно стоит напомнить о том, что в области оценки композиционных эффектов необходим шаг к исследованию причинно-следственных связей. На данный момент в предметной области наблюдается некоторое противоречие между исследовательскими целями и используемой большинством авторов методологией. В то время как определение композиционного эффекта содержит оценку самостоятельного и независимого вклада школьной характеристики в объяснение результата (что, по сути, является

ся, скорее, определением причинно-следственной связи), на практике используются корреляционные дизайны исследований с более строгим отбором контрольных переменных. Перечисленные выше методы при всех своих преимуществах позволяют сделать выводы только о наличии взаимосвязи между характеристиками при учёте индивидуальных показателей СЭС и не решают полностью проблемы самоотбора учащихся.

Стремление усилить аргументацию до наличия влияния СЭК на образовательные результаты, обеспечив соответствие с используемой терминологией, может быть удовлетворено только с применением экспериментальных и квазиэкспериментальных исследовательских методик [Murnane, Willett 2011; Shadish, Cook, Campbell 2015]. Из всех проанализированных зарубежных исследований причинно-следственная связь была оценена только в одном. Для выборки младших классов был проведён анализ с применением квазиэкспериментального метода отбора подобного по вероятности (*propensity score matching* — PSM) [Belfi, Haelermans, De Fraine 2016]. По результатам исследования, при оценке эффекта социально-экономической композиции школы на успеваемость учащихся младших классов речь может идти о положительном влиянии школ с высоким СЭС. Это значит, что при прочих равных условиях, один и тот же ребёнок будет демонстрировать результаты выше, если попадёт в школу с высокой композицией. На российских данных было зафиксировано, что использование квазиэкспериментальной методики занижает полученный размер эффекта на одну треть по сравнению с ситуацией применения регрессионного анализа, несмотря на то что значимая причинно-следственная связь СЭК с достижениями всё равно сохраняется [Kersha 2020].

Методологические рекомендации измерения эффекта социально-экономической композиции школы на образовательные результаты учащихся

Выше было приведено описание нескольких этапов измерения эффекта социально-экономической композиции школы на образовательные результаты учащихся. На каждом из этапов были обозначены возможности и рекомендации относительно выбора индикатора, способа агрегирования и аналитического подхода при изучении эффектов композиции. В завершение несколько слов будет сказано об общих особенностях дизайна, которые следует учесть в исследовательской работе для корректной оценки эффекта социально-экономической композиции школы на образовательные результаты учащихся.

Авторы критических работ, ставя под сомнение существование реального эффекта композиции, указывают на недостатки имеющихся в области исследований [Thrupp, Lauder, Robinson 2002; Nash 2003; Harker, Tymms 2004; Televantou et al. 2015]. Основная методологическая проблема состоит в том, что оценка эффекта композиции требует включения одного и того же показателя сразу на индивидуальном и школьном уровнях. На основе критических замечаний формируются ключевые рекомендации для будущих работ относительно разработки дизайна. Эти рекомендации делятся в целом на две группы — обязательные и желательные.

К обязательным рекомендациям, без которых не может идти речь об оценке самостоятельного вклада школы, относится спецификация анализируемой модели [Harker, Tymms 2004]. Недостаточная спецификация становится слабым местом большинства работ. Главным образом речь идёт о том, что помимо индивидуального и среднего по школе социального статуса в модели должны быть индикаторы предыдущих достижений учащихся [Thrupp, Lauder, Robinson 2002; Harker, Tymms 2004; Ewijk, Sleegers 2010; Marks 2015; Televantou et al. 2015; Belfi, Haelermans, De Fraine 2016]. Наиболее подходящим типом данных для исследований эффекта композиции, таким образом, являются лонгитюдные. Добавление в модель тех или иных индикаторов предыдущих достижений учащихся позволяет снизить упоминавшуюся раньше проблему самоотбора учащихся в школы с высокой композицией [Murnane, Willett 2011]. К слову, некоторые авторы советуют включать в анализ также сразу несколь-

ко типов композиции, например — социально-экономическую, академическую, этническую [Thrupp, Lauder, Robinson 2002; Boonen et al. 2014; Danhier 2016a]. Тем не менее не стоит увлекаться добавлением ковариат в модель. Как и в любом регрессионном анализе, большое количество необоснованных контрольных переменных может привести к размыванию эффекта и снижению реальной оценки взаимосвязи [Ewijk, Sleegers 2010]. С этой же точки зрения, не следует включать в модель сразу несколько показателей социально-экономической композиции школы.

К дополнительным рекомендациям относят, например, важность оценки качества используемых в анализе показателей [Harker, Tymms 2004; Televantou et al. 2015]. Всегда следует иметь в виду психометрические свойства используемых в анализе шкал, будь то тест академических достижений для оценки образовательных результатов или индекс социально-экономического положения учащихся. Свойства выборки исследования также имеют значение. Специфическим требованием для исследований композиционного эффекта является наличие в выборке достаточного количества школ с крайними значениями социально-экономической композиции школы. В анализируемой базе должны быть представлены организации как с довольно высоким, так и с низким уровнем композиции [Thrupp, Lauder, Robinson 2002]. Кроме того, как отмечалось ранее, не стоит пренебрегать важностью включения в модель возможных медиаторов взаимосвязи для объяснения функционирования механизмов эффекта. В этих же целях поощряется и использование дополнительных качественных данных [Thrupp, Lauder, Robinson 2002], что позволит избежать обнаружения статистических артефактов, которые в реальности отсутствуют.

Заключение

Проведённый анализ исследований показывает, что социально-экономическая композиция школы выступает одним из основных факторов формирования образовательного неравенства на уровне школы. Большинство исследований подтверждают, что чем выше композиция по социально-экономическому положению, тем выше в среднем и образовательные достижения учащихся — как краткосрочные, так и долгосрочные. На основе полученных данных предлагаются меры по компенсации возникающего неравенства в учебной успеваемости и траекториях.

Однако исследования композиции школы сталкиваются с критикой со стороны авторов, показывающих, что эффект является статистическим артефактом, который не сохраняется при соблюдении всех методологических требований. На основе проведённого обзора работ было выявлено, что корректная оценка композиционного эффекта возможна только при соблюдении ряда условий.

Во-первых, стоит понимать, что оценка эффекта композиции отличается от простого расчёта связи между контекстом школы и образовательными результатами. Во втором случае нет необходимости включать характеристику контингента сразу на двух уровнях — индивидуальном и школьном. Как следствие, при изучении контекста школы методология оценки не требует отделять его эффект от индивидуальных характеристик школьников и делать выводы о независимом вкладе образовательной организации в достижения учащихся. В российских работах отдельный исследовательский вопрос относительно композиционных эффектов (а не контекста школы) либо не ставится, либо не сопровождается использованием соответствующей методологии. Из-за этого целое исследовательское поле одного из факторов образовательного неравенства остаётся неохваченным.

Во-вторых, важным аспектом являются используемые для анализа данные. Помимо того что они должны иметь хотя бы двухуровневую структуру (учеников и школ), данные также должны быть лонгитюдными. В рамках лонгитюда необходимо собрать информацию не только о текущем индивидуальном статусе учащихся и ряде школьных характеристик, но и о предыдущем уровне знаний школьников во

время учёбы. Лишь через контроль индивидуального статуса и уровня знаний учащихся можно оценить самостоятельный вклад школы в формирование образовательных результатов.

Помимо методологических проблем, стоит подчеркнуть, что на текущий момент в данной исследовательской области отсутствует чёткое понимание того, что стоит в реальности за социально-экономической композицией школы. Появление данного термина косвенно связано с судебным процессом по делу Оливера Брауна против Совета по образованию Топики (США), завершившимся в 1954 г. решением Верховного суда США о том, что раздельное обучение чернокожих и белых школьников противоречит Конституции США и равным правам на доступ к качественному образованию [Wong 2004]. Это дело послужило толчком к использованию научных исследований для формирования образовательной политики, ярким примером чего позднее стал отчёт Коулмана [Coleman 1966]. Показатель социально-экономической композиции школы как наиболее сильно связанный с образовательными достижениями школьный фактор оказался удобным инструментом в полемике за принятие политических мер по десегрегации школ для обеспечения равенства образовательных возможностей. Тем не менее до сих пор нет достаточного понимания того, что кроется за ставшим популярным статистическим показателем и потенциальным композиционным эффектом. В широком смысле школы с разной композицией рассматриваются как организации, так или иначе транслирующие разные диспозиции учащимся [Agirdag, Van Houtte, Van Avermaet 2012] и формирующие определённые социальные мильё (*milieu*) [Palardy 2008]. Но более конкретные результаты о понимании эффекта могут быть получены только в рамках дальнейших исследований, направленных на описание его действия.

В связи с этим третьей рекомендацией является учёт в исследованиях возможных медиаторов связи школьной композиции с образовательными достижениями. Это не только позволит избежать обнаружения статистических артефактов, но и прольёт свет на возможные механизмы формирования эффекта. По результатам обзора, в качестве медиаторов могут быть включены характеристики одноклассников (академические ожидания и стремления, мотивация, делинквентное поведение, практики работы над учебными заданиями), учителей (уровень квалификации, ожидания относительно успеваемости и стремлений учащихся, профессиональное самочувствие, уровень мотивации) и самих школ (материальные и человеческие ресурсы, характеристики учебных программ и организации учебного процесса, климат).

Тем не менее даже при соблюдении всех перечисленных требований композиционный эффект не может быть оценён в полной мере так, как он определяется в предметной области. В значительной части имеющихся исследований наблюдается тревожное противоречие: в то время как термин «композиционный эффект» подразумевает независимый от индивидуальных характеристик вклад школьного показателя в результаты, с методологической точки зрения корреляционный дизайн работ не позволяет делать подобных выводов. Несмотря на эти ограничения, результаты исследований зачастую сформулированы авторами именно в ключе причинно-следственной связи. Шагом к дальнейшему развитию данной исследовательской области и приведению используемой методологии в соответствие с терминологией оценки эффекта может стать использование экспериментальных и квазиэкспериментальных методик. На данный момент лишь в одном из рассмотренных зарубежных исследований была произведена квазиэкспериментальная оценка эффекта композиции на уровне младших школьников [Belfi, Haelermans, De Fraïne 2016]. При этом результаты были получены относительно академических достижений только в математике и имели ряд ограничений в связи с выбранной методикой.

Переход к аргументации о причинно-следственной связи между социально-экономической композицией школы и образовательными результатами будет ценен не только с научной точки зрения, но и с практической. Политические рекомендации, сформированные на основе уже проведённых в данной области исследований, могут оказаться нерелевантными при отсутствии непосредственного влияния

школы на достижения. Будущие эмпирические работы, применяющие корректную методологию наряду с квазиэкспериментальными или экспериментальными методиками, позволят значительно обогатить дискуссию о возможной роли школы в формировании и воспроизводстве социального и образовательного неравенства. Действительно ли школьники с одинаковыми индивидуальными характеристиками будут показывать разные результаты при попадании в школы с отличающейся социально-экономической композицией? Какое значение имеет школа в формировании неравных достижений? Какие механизмы в ходе процесса обучения отвечают за возникновение подобного влияния? Как минимизировать негативные последствия влияния школы? Ответы на данные вопросы и точное понимание процесса влияния композиции на образовательные результаты позволят оценить эффективность предлагаемых мер сокращения неравенства и выработать способы поддержки образовательных организаций, сталкивающихся с воспроизводством неравенства в процессе обучения.

Литература

- Александров Д. А. et al. 2018. *Школьный климат: концепция и инструмент измерения*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Бессуднов А. Р. 2009. Социально-профессиональный статус в современной России. *Мир России: Социология, этнология*. 18 (2): 89–115.
- Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. 2019. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания. *Социологические исследования*. 5: 14–25.
- Фруммин И. Д., Пинская М. А., Косарецкий С. Г. 2012. Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ. *Народное образование*. 1: 17–24.
- Ястребов Г. А., Пинская М. А., Косарецкий С. Г. 2014. Использование контекстных данных в системе оценки качества образования: опыт разработки и апробация инструментария. *Вопросы образования*. 4: 58–95.
- Agirdag O. 2018. The Impact of School SES Composition on Science Achievement and Achievement Growth: Mediating Role of Teachers' Teachability Culture. *Educational Research and Evaluation*. 24 (3–5): 264–276.
- Agirdag O., Van Houtte M., Van Avermaet P. 2012. Why does the Ethnic and Socio-Economic Composition of Schools Influence Math Achievement? The Role of Sense of Futility and Futility Culture. *European Sociological Review*. 28 (3): 366–378.
- Akers R. L., Jensen G. F. 2017. The Empirical Status of Social Learning Theory of Crime and Deviance: The Past, Present, and Future. In: Cullen F. T., Wright J. P., Blevins K. R. (eds) *Taking Stock: The Status of Criminological Theory*. New Brunswick, NJ: Transaction; 37–76.
- Armor D. J., Marks G. N., Malatinszky A. 2018. The Impact of School SES on Student Achievement: Evidence from U.S. Statewide Achievement Data. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 40 (4): 613–630.
- Auwarter A. E., Aruguete M. S. 2008. Effects of Student Gender and Socioeconomic Status on Teacher Perceptions. *The Journal of Educational Research*. 101 (4): 242–246.
- Avvisati F. 2020. The Measure of Socio-Economic Status in PISA: A Review and Some Suggested Improvements. *Large-Scale Assessments in Education*. 8: 1–37.

- Baird K. 2012. Class in the Classroom: The Relationship Between School Resources and Math Performance among Low Socioeconomic Status Students in 19 Rich Countries. *Education Economics*. 20 (5): 484–509.
- Bartholo T. L., Costa M. da. 2016. Evidence of a School Composition Effect in Rio de Janeiro Public Schools. *Avaliação e Políticas Públicas em Educação*. 24 (92): 498–521.
- Belfi B. et al. 2015. School-Based Social Capital: The Missing Link Between Schools' Socioeconomic Composition and Collective Teacher Efficacy. *Teaching and Teacher Education*. 45: 33–44.
- Belfi B. et al. 2014. Inequality in Language Achievement Growth? An Investigation into the Impact of Pupil Socio-Ethnic Background and School Socio-Ethnic Composition. *British Educational Research Journal*. 40 (5): 820–846.
- Belfi B., Haelermans C., De Fraine B. 2016. The Long-Term Differential Achievement Effects of School Socioeconomic Composition in Primary Education: A Propensity Score Matching Approach. *British Journal of Educational Psychology*. 86 (4): 501–525.
- Boonen T. et al. 2014. Does it Matter Who Your Schoolmates are? An Investigation of the Association Between School Composition, School Processes and Mathematics Achievement in the Early Years of Primary Education. *British Educational Research Journal*. 40 (3): 441–466.
- Borman G. D., Dowling M. 2010. Schools and Inequality: A Multilevel Analysis of Coleman's Equality of Educational Opportunity Bata. *Teachers College Record*. 112 (5): 1201–1246.
- Braut M.-C., Janosz M., Archambault I. 2014. Effects of School Composition and School Climate on Teacher Expectations of Students: A Multilevel Analysis. *Teaching and Teacher Education*. 44: 148–159.
- Buckingham J., Wheldall K., Beaman-Wheldall R. 2013. Why Poor Children are more Likely to Become Poor Readers: The School Years. *Australian Journal of Education*. 57 (3): 190–213.
- Cahill K. 2015. Seeing the Wood from the Trees: A Critical Policy Analysis of Intersections Between Social Class Inequality and Education in Twenty-First Century Ireland. *International Electronic Journal of Elementary Education*. 8 (2): 301–316.
- Castellano K. E., Rabe-Hesketh S., Skrondal A. 2014. Composition, Context, and Endogeneity in School and Teacher Comparisons. *Journal of Educational and Behavioral Statistics*. 39 (5): 333–367.
- Chesters J., Daly A. 2017. Do Peer Effects Mediate the Association Between Family Socio-Economic Status and Educational Achievement? *Australian Journal of Social Issues*. 52 (1): 63–77.
- Chiu M. M., Khoo L. 2005. Effects of Resources, Inequality, and Privilege Bias on Achievement: Country, School, and Student Level Analyses. *American Educational Research Journal*. 42 (4): 575–603.
- Chung J. E. 2017. *Educational Opportunity for All: Overcoming Inequality throughout the Life Course*. *Educational Research and Innovation*. Paris: OECD Publishing.
- Coleman J. S. 1966. *Equality of Educational Opportunity Study*. Washington, DC: US Department of Health, Education, and Welfare; Office of Education.

- Cueto S., León J., Miranda A. 2016. Classroom Composition and its Association with Students' Achievement and Socioemotional Characteristics in Peru. *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. 23 (1): 126–148.
- Danhier J. 2016a. *Modelling Multiple Measures of Compositional Effect: Does Factorisation Simplify the Picture in Belgium?* Bruxelles: Germe Working Paper Series.
- Danhier J. 2016b. Teachers in Schools with Low Socioeconomic Composition: Are They Really That Different? *European Education*. 48 (4): 274–293.
- Danhier J. 2017. How Big is the Handicap for Disadvantaged Pupils in Segregated Schooling Systems? *British Journal of Educational Studies*. 66 (3): 341–364.
- Danhier J., Martin E. 2014. Comparing Compositional Effects in Two Education Systems: The Case of the Belgian Communities. *British Journal of Educational Studies*. 62 (2): 171–189.
- Demant J., Van Houtte M. 2011. Social-Ethnic School Composition and School Misconduct: Does Sense of Futility Clarify the Picture? *Sociological Spectrum*. 31 (2): 224–256.
- Di Paolo A., Choi A. 2014. School Composition Effects in Spain: Accounting for Intercept and Slope Effects. *Hacienda Publica Espanola*. 210 (3): 57–83.
- Dreeben R., Barr R. 1988. Classroom Composition and the Design of Instruction. *Sociology of Education*. 61 (3): 129–142.
- Dumay X., Dupriez V. 2008. Does the School Composition Effect Matter? Some Methodological and Conceptual Considerations. *Les Cahiers de Recherche en Éducation et Formation*. 60 (Juin).
- Duncan G. J., Murnane R. J. 2011. *Whither Opportunity? Rising Inequality, Schools and Children's life Chances*. New York: Russell Sage Foundation.
- Ewijk R. van, Slegers P. 2010. The Effect of Peer Socioeconomic Status on Student Achievement: A Meta-Analysis. *Educational Research Review*, vol. 5, no 2, pp. 134–150.
- Field S., Kuczera M., Pont B. 2007. *No More Failures. Ten Steps to Equity in Education. Summary and Policy Recommendations*. Paris: OECD Publishing.
- Flouri E., Midouhas E. 2016. School Composition, Family Poverty and Child Behaviour. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 51 (6): 817–826.
- Goldthorpe J. H., Hope K. 1978. *The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale*. Oxford: Clarendon Press.
- Gorard S., Taylor C., Fitz J. 2002. *What are the Determinants of Socioeconomic Segregation between Schools*. Cardiff: Cardiff University School of Social Sciences.
- Goss P., Sonnemann J. 2016. Widening Gaps: What NAPLAN Tells Us about Student Progress. *Grattan Institute Report*. 3 (March).

- Gottfried M. A. 2011. Absent Peers in Elementary Years: The Negative Classroom Effects of Unexcused Absences on Standardized Testing Outcomes. *Teachers College Record*. 113 (8): 1597–1632.
- Gustafsson J.-E. 2003. What do We Know about Effects of School Resources on Educational Results? *Swedish Economic Policy Review*. 10 (2): 77–110.
- Gustafsson J.-E., Nilsen T., Hansen K. Y. 2016. School Characteristics Moderating the Relation Between Student Socio-Economic Status and Mathematics Achievement in Grade 8. Evidence from 50 Countries in TIMSS 2011. *Studies in Educational Evaluation*. 57: 16–30.
- Hanushek E. A. et al. 2003. Does Peer Ability Affect Student Achievement? *Journal of Applied Econometrics*. 18 (5): 527–544.
- Harker R., Tymms P. 2004. The Effects of Student Composition on School Outcomes. *School Effectiveness and School Improvement*. 15 (2): 177–199.
- Hattie J. 2002. Classroom Composition and Peer Effects. *International Journal of Educational Research*. 37 (5): 449–481.
- Hattie J. 2009. *Visible Learning a Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.
- Hill M. S., Jenkins S. P. 1999. *Poverty Among British Children: Chronic or Transitory?* Colchester: Economic and Social Research Council; Research Centre on Micro-Social Change.
- Holzberger D. et al. 2020. A Meta-Analysis on the Relationship Between School Characteristics and Student Outcomes in Science and Maths — Evidence from Large-Scale Studies. *Studies in Science Education*. 56 (1): 1–34.
- Hoyle R. H. 2015. *Handbook of Structural Equation Modeling*. New York; London: The Guilford Press.
- Ivaniushina V., Alexandrov D. 2018. Anti-School Attitudes, School Culture and Friendship Networks. *British Journal of Sociology of Education*. 39 (5): 698–716.
- Jang S. 2002. The Effects of Family, School, Peers, and Attitudes on Adolescents' Drug Use: Do They Vary with Age? *Justice Quarterly*. 19 (1): 97–126.
- Kahlenberg R. D. 2003. *All Together Now: Creating Middle-Class Schools Through Public School Choice*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Kapuza A. et al. 2017. Educational Attainment and Social Inequality in Russia: Dynamics and Correlations with Education Policies. *Educational Studies Moscow*. 4: 10–35.
- Kersha Y. 2020. School Socioeconomic Composition as a Factor of Educational Inequality Reproduction. *Educational Studies Moscow*. 4: 85–112.
- Klusmann U., Richter D., Lüdtke O. 2016. Teachers' Emotional Exhaustion is Negatively Related to Students' Achievement: Evidence from a Large-Scale Assessment Study. *Journal of Educational Psychology*. 108 (8): 1193–1203.

- Кнаппила N. et al. 2019. Changes in Delinquency According to Socioeconomic Status among Finnish Adolescents from 2000 to 2015. *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology*. 7: 52–59.
- Kosaretsky S., Grunicheva I., Pinskaya M. 2014. School System and Educational Policy in a Highly Stratified Post-Soviet Society: The Importance of Social Context. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 22/PA/2014. Moscow: HSE Publishing House.
- Krull J. L., MacKinnon D. P. 2001. Multilevel Modeling of Individual and Group Level Mediated Effects. *Multivariate Behavioral Research*. 36 (2): 249–277.
- Langenkamp A. G., Carbonaro W. 2018. How School Socioeconomic Status Affects Achievement Growth across School Transitions in Early Educational Careers. *Sociology of Education*. 91 (4): 358–378.
- Lauder H. et al. 2010. Pupil Composition and Accountability: An Analysis in English Primary Schools. *International Journal of Educational Research*. 49 (2–3): 49–68.
- Lawrence E. 2015. The Family-School Interaction: School Composition and Parental Educational Expectations in the United States. *British Educational Research Journal*. 41 (2): 183–209.
- Lee V. E., Smith J. B. 1999. Social Support and Achievement for Young Adolescents in Chicago: The Role of School Academic Press. *American Educational Research Journal*. 36 (4): 907–945.
- Leithwood K., Sun J. 2018. Academic Culture: A Promising Mediator of School Leaders' Influence on Student Learning. *Journal of Educational Administration*. 56 (3): 350–363.
- Lupton R. et al. 2006. *School Socio-Economic Composition and Pupil Grouping in Primary School*. British Education Research Association Conference, University of Warwick. ESRC RES-000-23-0784.
- Mael F. et al. 2005. *Single-Sex Versus Coeducational Schooling: A Systematic Review*. Washington, DC: US Department of Education.
- Marks G. N. 2015. Are School-SES Effects Statistical Artefacts? Evidence from Longitudinal Population Data. *Oxford Review of Education*. 41 (1): 122–144.
- Martin M. O. et al. 2016. Creating and Interpreting the TIMSS 2015 Context Questionnaire Scales. In: Martin M. O., Mullis I. V. S., Hooper M. (eds) *Methods and Procedures in TIMSS 2015*. Chestnut Hill, MA: TIMSS & PIRLS International Study Center; Lynch School of Education, Boston College; International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA); 15.1–15.312.
- McCoy S., Quail A., Smyth E. 2014. The Effects of School Social Mix: Unpacking the Differences. *Irish Educational Studies*. 33 (3): 307–330.
- Murnane R. J., Willett J. B. 2011. *Methods Matter: Improving Causal Inference in Educational and Social Science Research*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Müller C. M., Zurbriggen C. 2016. An Overview of Classroom Composition Research on Social-Emotional Outcomes: Introduction to the Special Issue. *Journal of Cognitive Education and Psychology*. 15 (2): 163–184.

- Nash R. 2003. Is the School Composition Effect Real? A Discussion with Evidence from the UK PISA Data. *School Effectiveness and School Improvement*. 14 (4): 441–457.
- Niu S. X., Tienda M. 2013. High School Economic Composition and College Persistence. *Research in Higher Education*. 54 (1): 30–62.
- OECD. 2017. *PISA 2015: Technical Report*. Washington, DC: Organization for Economic Cooperation & Development.
- Opdenakker M.-C., Van Damme J. 2001. Relationship between School Composition and Characteristics of School Process and Their Effect on Mathematics Achievement. *British Educational Research Journal*. 27 (4): 407–432.
- Opdenakker M.-C. et al. 2002. The Effect of Schools and Classes on Mathematics Achievement. *School Effectiveness and School Improvement*. 13 (4): 399–427.
- Opdenakker M.-C., Van Damme J. 2007. Do School Context, Student Composition and School Leadership Affect School Practice and Outcomes in Secondary Education? *British Educational Research Journal*. 33 (2): 179–206.
- Pahlke E., Cooper C. E., Fabes R. A. 2013. Classroom Sex Composition and First-grade School Outcomes: The Role of Classroom Behavior. *Social Science Research*. 42 (6): 1650–1658.
- Palardy G. J. 2008. Differential School Effects Among Low, Middle, and High Social Class Composition Schools: A Multiple Group, Multilevel Latent Growth Curve Analysis. *School Effectiveness and School Improvement*. 19 (1): 21–49.
- Palardy G. J. 2013. High School Socioeconomic Segregation and Student Attainment. *American Educational Research Journal*. 50 (4): 714–754.
- Palardy G. J. 2014. High School Socioeconomic Composition and College Choice: Multilevel Mediation Via Organizational Habitus, School Practices, Peer and Staff Attitudes. *School Effectiveness and School Improvement*. 26 (3): 329–353.
- Palardy G. J., Rumberger R. W., Butler T. 2015. The Effect of High School Socioeconomic, Racial, and Linguistic Segregation on Academic Performance and School Behaviors. *Teachers College Record*. 117 (12): 1–52.
- Peetsma T. et al. 2006. Class Composition Influences On Pupils' Cognitive Development. *School Effectiveness and School Improvement*. 17 (3): 275–302.
- Perna L. W., Titus M. A. 2005. The Relationship between Parental Involvement as Social Capital and College Enrollment: An Examination of Racial/Ethnic Group Differences. *The Journal of Higher Education*. 76 (5): 485–518.
- Perry L. B. 2012. What do We Know about the Causes and Effects of School Socio-Economic Composition? A Review of the Literature. *Sport Education and Society*. 30 (1): 19–35.
- Perry L. B., McConney A. 2010a. Does the SES of the School Matter? An Examination of Socioeconomic Status and Student Achievement Using PISA 2003. *Teachers College Record*. 112 (4): 1137–1162.

- Perry L. B., McConney A. 2010b. School Socioeconomic Composition and Student Outcomes in Australia: Implications for Educational Policy. *Australian Journal of Education*. 54 (1): 72–85.
- Perry L. B., McConney A. 2013. School Socioeconomic Status and Student Outcomes in Reading and Mathematics: A Comparison of Australia and Canada. *Australian Journal of Education*. 57 (2): 124–140.
- Pinskaya M. et al. 2019. Building Resilient Schools in Russia: Effective Policy Strategies. *School Leadership & Management*. 39 (2): 127–144.
- Prinstein M. J., Dodge K. A. 2010. *Understanding Peer Influence in Children and Adolescents*. New York; London: Guilford.
- Rjosk C. et al. 2014. Socioeconomic and Language Minority Classroom Composition and Individual Reading Achievement: The Mediating Role of Instructional Quality. *Learning and Instruction*. 32: 63–72.
- Robert P. 2010. The Influence of Educational Segregation on Educational Achievement. In: Dronkers J. (ed.) *Quality and Inequality of Education*. Dordrecht: Springer Netherlands; 13–40.
- Rumberger R. W., Palardy G. J. 2005. Does Segregation Still Matter? The Impact of Student Composition on Academic Achievement in High School. *Teachers College Record*. 107 (9): 1999–2045.
- Sadovnik A. R., Semel S. F. 2010. Education and Inequality: Historical and Sociological Approaches to Schooling and Social Stratification. *Paedagogica Historica*. 46 (1–2): 1–13.
- Shadish W. R., Cook T. D., Campbell D. T. 2015. *Experimental and Quasi-Experimental Designs for Generalized Causal Inference*. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning.
- Shen B. et al. 2015. The Relationship Between Teacher Burnout and Student Motivation. *British Journal of Educational Psychology*. 85 (4): 519–532.
- Sirin S. R. 2005. Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research. *Review of Educational Research*. 75 (3): 417–453.
- Snijders T. A. B., Bosker R. J. 1999. *Multilevel Analysis: An Introduction to Basic and Advanced Multilevel Modeling*. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE.
- Strand S. 2010. Do Some Schools Narrow the Gap? Differential School Effectiveness by Ethnicity, Gender, Poverty, and Prior Achievement. *School Effectiveness and School Improvement*. 21 (3): 289–314.
- Strand S. 2014. Ethnicity, Gender, Social Class and Achievement Gaps at Age 16: Intersectionality and ‘Getting It’ for the White Working Class. *Research Papers in Education*. 29 (2): 131–171.
- Sykes B., Kuyper H. 2013. School Segregation and the Secondary-School Achievements of Youth in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 39 (10): 1699–1716.
- Televantou I. et al. 2015. Phantom Effects in School Composition Research: Consequences of Failure to Control Biases due to Measurement Error in Traditional Multilevel Models. *School Effectiveness and School Improvement*. 26 (1): 75–101.

- Thrupp M., Lauder H., Robinson T. 2002. School Composition and Peer Effects. *International Journal of Educational Research*. 37 (5): 483–504.
- Trautwein U. et al. 2006. Tracking, Grading, and Student Motivation: Using Group Composition and Status to Predict Self-Concept and Interest in Ninth-Grade Mathematics. *Journal of Educational Psychology*. 98 (4): 788–806.
- Van der Slik F. W. P., Driessen G. W. J. M., De Bot K. L. J. 2006. Ethnic and Socioeconomic Class Composition and Language Proficiency: A Longitudinal Multilevel Examination in Dutch Elementary Schools. *European Sociological Review*. 22 (3): 293–308.
- Van Matre J. C., Valentine J. C., Cooper H. 2000. Effect of Students' After-School Activities on Teachers' Academic Expectancies. *Contemporary Educational Psychology*. 25 (2): 167–183.
- Wells R. 2010. Children of Immigrants and Educational Expectations: The Roles of School Composition. *Teachers College Record*. 112 (6): 1679–1704.
- Westphal A. et al. 2016. The Link Between Teacher-assigned Grades and Classroom Socioeconomic Composition: The Role of Classroom Behavior, Motivation, and Teacher Characteristics. *Contemporary Educational Psychology*. 46: 218–227.
- Whitt H. P. 1986. The Sheaf Coefficient: A Simplified and Expanded Approach. *Social Science Research*. 15 (2): 174–189.
- Wilkinson I. A. G. 2002. Introduction: Peer Influences on Learning: Where Are They? *International Journal of Educational Research*. 37 (5): 395–401.
- Wong K. K. 2004. Guest Editor's Preface. *Peabody Journal of Education*. 79 (2): 1–4. Doi: 10.1207/s15327930pje7902_1
- Xuan X. X. Y. et al. 2019. Relationship Among School Socioeconomic Status, Teacher-Student Relationship, and Middle School Students' Academic Achievement in China: Using the Multilevel Mediation Model. *Plos One*. 14 (3): e0213783. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213783>
- Yastrebov G. et al. 2014. Contextualizing Academic Performance in Russian Schools: School Characteristics, the Composition of Student Body and Local Deprivation. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 55/SOC/2014.

PROFESSIONAL REVIEWS

Yuliya Kersha

School Socio-economic Composition as a Factor of Educational Inequality

Review of Measurement Approaches and Relation with Academic Outcomes

KERSHA, Yuliya —

Doctoral Student, Research Assistant, the Pinsky Centre of General and Extracurricular Education; Lecturer, the Department of Educational Programs, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: ykersha@hse.ru

In this review, the author introduces the term socioeconomic composition and describes the main approaches for measuring it, taking into account the choice of the composition indicator, aggregation method, and data analysis method. Following assumptions about the presence of an indirect effect of composition and methodological recommendations, the possible mechanisms of the effect at the peer, teacher, and school levels are described. Based on the analysis of critical works, the prerequisites for research design are formed. The author concludes the paper with a summary of the recommendations and substantiates the scientific and practical importance of studying the causal relation between the school composition and educational results.

Keywords: educational inequality; school socio-economic composition; academic achievement; academic trajectory; compositional effects; school context.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

References

- Agirdag O. (2018) The Impact of School SES Composition on Science Achievement and Achievement Growth: Mediating Role of Teachers' Teachability Culture. *Educational Research and Evaluation*, vol. 24, no 3–5, pp. 264–276.
- Agirdag O., Van Houtte M., Van Avermaet P. (2012) Why Does the Ethnic and Socio-Economic Composition of Schools Influence Math Achievement? The Role of Sense of Futility and Futility Culture. *European Sociological Review*, vol. 28, no 3, pp. 366–378.

- Akers R. L., Jensen G. F. (2017) The Empirical Status of Social Learning Theory of Crime and Deviance: The Past, Present, and Future. *Taking Stock: The Status of Criminological Theory* (eds. F. T. Cullen, J. P. Wright, K. R. Blevins), New Brunswick, NJ: Transaction, pp. 37–76.
- Alexandrov D. A., Ivanyushina V. A., Khodorenko D. K., Tenisheva K. A. (2018) *Shkol'nyy klimat: kontseptsiya i instrument izmereniya* [School Climate: Concept and Measurement Tool], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Armor D. J., Marks G. N., Malatinszky A. (2018) The Impact of School SES on Student Achievement: Evidence from U.S. Statewide Achievement Data. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, vol. 40, no 4, pp. 613–630.
- Auwarter A. E., Aruguete M. S. (2008) Effects of Student Gender and Socioeconomic Status on Teacher Perceptions. *The Journal of Educational Research*, vol. 101, no 4, pp. 242–246.
- Avvisati F. (2020) The Measure of Socio-Economic Status in PISA: A Review and Some Suggested Improvements. *Large-Scale Assessments in Education*, no 8, pp. 1–37.
- Baird K. (2012) Class in the Classroom: The Relationship Between School Resources and Math Performance Among Low Socioeconomic Status Students in 19 Rich Countries. *Education Economics*, vol. 20, no 5, pp. 484–509.
- Bartholo T. L., Costa M. da (2016) Evidence of a School Composition Effect in Rio de Janeiro Public Schools. *Avaliação e Políticas Públicas em Educação*, vol. 24, no 92, pp. 498–521.
- Belfi B., Gielen S., De Fraine B., Verschueren K., Meredith C. (2015) School-Based Social Capital: The Missing Link Between Schools' Socioeconomic Composition and Collective Teacher Efficacy. *Teaching and Teacher Education*, vol. 45, pp. 33–44.
- Belfi B., Goos M., Pinxten M., Verhaeghe J. P., Gielen S., De Fraine B., Van Damme J. (2014) Inequality in Language Achievement Growth? An Investigation Into the Impact of Pupil Socio-Ethnic Background and School Socio-Ethnic Composition. *British Educational Research Journal*, vol. 40, no 5, pp. 820–846.
- Belfi B., Haelermans C., De Fraine B. (2016) The Long-Term Differential Achievement Effects of School Socioeconomic Composition in Primary Education: A Propensity Score Matching Approach. *British Journal of Educational Psychology*, vol. 86, no 4, pp. 501–525.
- Bessudnov A. R. (2009) Sotsial'no-professional'nyy status v sovremennoy Rossii [Occupational Status in Contemporary Russia]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 18 no 2, pp. 89–115 (in Russian).
- Boonen T., Speybroeck S., Bilde J. de, Lamote C., Van Damme J., Onghena P. (2014) Does it Matter Who Your Schoolmates are? An Investigation of the Association Between School Composition, School Processes and Mathematics Achievement in the Early Years of Primary Education. *British Educational Research Journal*, vol. 40, no 3, pp. 441–466.
- Borman G. D., Dowling M. (2010) Schools and Inequality: A Multilevel Analysis of Coleman's Equality of Educational Opportunity Bata. *Teachers College Record*, vol. 112, no 5, pp. 1201–1246.

- Brault M.-C., Janosz M., Archambault I. (2014) Effects of School Composition and School Climate on Teacher Expectations of Students: A Multilevel Analysis. *Teaching and Teacher Education*, vol. 44, pp. 148–159.
- Buckingham J., Wheldall K., Beaman-Wheldall R. (2013) Why Poor Children are More Likely to Become Poor Readers: The School Years. *Australian Journal of Education*, vol. 57, no 3, pp. 190–213.
- Cahill K. (2015) Seeing the Wood from the Trees: A Critical Policy Analysis of Intersections Between Social Class Inequality and Education in Twenty-First Century Ireland. *International Electronic Journal of Elementary Education*, vol. 8, no 2, pp. 301–316.
- Castellano K. E., Rabe-Hesketh S., Skrondal A. (2014) Composition, Context, and Endogeneity in School and Teacher Comparisons. *Journal of Educational and Behavioral Statistics*, vol. 39, no 5, pp. 333–367.
- Chesters J., Daly A. (2017) Do Peer Effects Mediate the Association Between Family Socio-Economic Status and Educational Achievement? *Australian Journal of Social Issues*, vol. 52, no 1, pp. 63–77.
- Chiu M. M., Khoo L. (2005) Effects of Resources, Inequality, and Privilege Bias on Achievement: Country, School, and Student Level Analyses. *American Educational Research Journal*, vol. 42, no 4, pp. 575–603.
- Chung J. E. (2017) *Educational Opportunity for All: Overcoming Inequality throughout the Life Course. Educational Research and Innovation*, Paris: OECD Publishing.
- Coleman J. S. (1966) *Equality of Educational Opportunity Study*, Washington, DC: US Department of Health, Education, and Welfare; Office of Education.
- Cueto S., León J., Miranda A. (2016) Classroom Composition and its Association with Students' Achievement and Socioemotional Characteristics in Peru. *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*, vol. 23, no 1, pp. 126–148.
- Danhier J. (2016a) *Modelling Multiple Measures of Compositional Effect: Does Factorisation Simplify the Picture in Belgium?* Bruxelles: Germe Working Paper Series.
- Danhier J. (2016b) Teachers in Schools with Low Socioeconomic Composition: Are They Really That Different? *European Education*, vol. 48, no 4, pp. 274–293.
- Danhier J. (2017) How Big Is the Handicap for Disadvantaged Pupils in Segregated Schooling Systems? *British Journal of Educational Studies*, vol. 66, no 3, pp. 341–364.
- Danhier J., Martin E. (2014) Comparing Compositional Effects in Two Education Systems: The Case of the Belgian Communities. *British Journal of Educational Studies*, vol. 62, no 2, pp. 171–189.
- Demant J., Van Houtte M. (2011) Social-Ethnic School Composition and School Misconduct: Does Sense of Futility Clarify the Picture? *Sociological Spectrum*, vol. 31, no 2, pp. 224–256.
- Di Paolo A., Choi A. (2014) School Composition Effects in Spain: Accounting for Intercept and Slope Effects. *Hacienda Publica Espanola*, vol. 210, no 3, pp. 57–83.
- Dreeben R., Barr R. (1988) Classroom Composition and the Design of Instruction. *Sociology of Education*, vol. 61, no 3, pp. 129–142.

- Dumay X., Dupriez V. (2008) Does the School Composition Effect Matter? Some Methodological and Conceptual Considerations. *Université Catholique de Louvain: Les Cahiers de Recherche en Éducation et Formation*, vol. 60, Juin.
- Duncan G. J., Murnane R. J. (2011) *Whither Opportunity? Rising Inequality, Schools and Children's life Chances*, New York: Russell Sage Foundation.
- Ewijk R. van, Slegers P. (2010) The Effect of Peer Socioeconomic Status on Student Achievement: A Meta-Analysis. *Educational Research Review*, vol. 5, no 2, pp. 134–150.
- Field S., Kuczera M., Pont B. (2007) *No More Failures. Ten Steps to Equity in Education. Summary and Policy Recommendations*, Paris: OECD Publishing.
- Flouri E., Midouhas E. (2016) School Composition, Family Poverty and Child Behaviour. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, vol. 51, no 6, pp. 817–826.
- Frumin I. D., Pinskaya M. A., Kosareckij S. G. (2012) Sotsial'no-ekonomicheskoe i territorial'noe neravenstvo uchenikov i shkol [Socio-Economic and Territorial Inequality of Students and Schools]. *Narodnoe Obrazovanie*, no 1, pp. 17–24 (in Russian).
- Goldthorpe J. H., Hope K. (1978) *The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale*, Oxford: Clarendon Press.
- Gorard S., Taylor C., Fitz J. (2002) *What are the Determinants of Socioeconomic Segregation between Schools*, Cardiff: Cardiff University School of Social Sciences.
- Goss P., Sonnemann J. (2016) Widening Gaps: What NAPLAN Tells Us about Student Progress. *Grattan Institute Report*, no 3 (March).
- Gottfried M. A. (2011) Absent Peers in Elementary Years: The Negative Classroom Effects of Unexcused Absences on Standardized Testing Outcomes. *Teachers College Record*, vol. 113, no 8, pp. 1597–1632.
- Gustafsson J.-E. (2003) What Do We Know About Effects of School Resources on Educational Results? *Swedish Economic Policy Review*, vol. 10, no 2, pp. 77–110.
- Gustafsson J.-E., Nilsen T., Hansen K. Y. (2016) School Characteristics Moderating the Relation Between Student Socio-economic Status and Mathematics Achievement in Grade 8. Evidence From 50 Countries in TIMSS (2011) *Studies in Educational Evaluation*, vol. 57, pp. 16–30.
- Hanushek E. A., Kain J. F., Markman J. M., Rivkin S. G. (2003) Does Peer Ability Affect Student Achievement? *Journal of Applied Econometrics*, vol. 18, no 5, pp. 527–544.
- Harker R., Tymms P. (2004) The Effects of Student Composition on School Outcomes. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 15, no 2, pp. 177–199.
- Hattie J. (2002) Classroom Composition and Peer Effects. *International Journal of Educational Research*, vol. 37, no 5, pp. 449–481.
- Hattie J. (2009) *Visible Learning a Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement*, London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.

- Hill M. S., Jenkins S. P. (1999) *Poverty among British Children: Chronic or Transitory?* Colchester: Economic and Social Research Council; Research Centre on Micro-Social Change.
- Holzberger D., Reinhold S., Lüdtke O., Seidel T. (2020) A Meta-analysis on the Relationship Between School Characteristics and Student Outcomes in Science and Maths — Evidence from Large-Scale Studies. *Studies in Science Education*, vol. 56, no 1, pp. 1–34.
- Hoyle R. H. (2015) *Handbook of Structural Equation Modeling*, New York; London: The Guilford Press.
- Ivaniushina V., Alexandrov D. (2018) Anti-School Attitudes, School Culture and Friendship Networks. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 39, no 5, pp. 698–716.
- Jang S. (2002) The Effects of Family, School, Peers, and Attitudes on Adolescents' Drug Use: Do They Vary with Age? *Justice Quarterly*, vol. 19, no 1, pp. 97–126.
- Kahlenberg R. D. (2003) *All Together Now: Creating Middle-Class Schools Through Public School Choice*, Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Kapuza A., Kersha Yu., Zakharov A., Khavenson T. (2017) Educational Attainment and Social Inequality in Russia: Dynamics and Correlations with Education Policies. *Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 10–35.
- Kersha Y. (2020) School Socioeconomic Composition as a Factor of Educational Inequality Reproduction. *Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 85–112.
- Klusmann U., Richter D., Lüdtke O. (2016) Teachers' Emotional Exhaustion Is Negatively Related to Students' Achievement: Evidence from a Large-Scale Assessment Study. *Journal of Educational Psychology*, vol. 108, no 8, pp. 1193–1203.
- Knaappila N., Marttunen M., Fröjd S., Lindberg N., Kaltiala-Heino R. (2019) Changes in Delinquency According to Socioeconomic Status among Finnish Adolescents from 2000 to 2015. *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology*, vol. 7, pp. 52–59.
- Konstantinovskij D. L., Pinskaya M. A., Zvyagincev R. S. (2019) Professional'noe samochuvstvie uchiteley: ot entuziazma do vygoraniya [Professional Well-Being of Teachers: From Enthusiasm to Burnout]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 5, pp. 14–25 (in Russian).
- Kosaretsky S., Grunicheva I., Pinskaya M. (2014) School System and Educational Policy in a Highly Stratified Post-Soviet Society: The Importance of Social Context. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 22/PA/2014, Moscow: HSE Publishing House.
- Krull J. L., MacKinnon D. P. (2001) Multilevel Modeling of Individual and Group Level Mediated Effects. *Multivariate Behavioral Research*, vol. 36, no 2, pp. 249–277.
- Langenkamp A. G., Carbonaro W. (2018) How School Socioeconomic Status Affects Achievement Growth across School Transitions in Early Educational Careers. *Sociology of Education*, vol. 91, no 4, pp. 358–378.
- Lauder H., Kounali D., Robinson T., Goldstein H. (2010) Pupil Composition and Accountability: An Analysis in English Primary Schools. *International Journal of Educational Research*, vol. 49, no 2–3, pp. 49–68.

- Lawrence E. (2015) The Family-School Interaction: School Composition and Parental Educational Expectations in the United States. *British Educational Research Journal*, vol. 41, no 2, pp. 183–209.
- Lee V. E., Smith J. B. (1999) Social Support and Achievement for Young Adolescents in Chicago: The Role of School Academic Press. *American Educational Research Journal*, vol. 36, no 4, pp. 907–945.
- Leithwood K., Sun J. (2018) Academic Culture: A Promising Mediator of School Leaders' Influence on Student Learning. *Journal of Educational Administration*, vol. 56, no 3, pp. 350–363.
- Lupton R., Hempel-Jorgensen A., Castle F., Brown C., Lauder H. (2006) *School Socio-Economic Composition and Pupil Grouping in Primary School*. British Education Research Association Conference, University of Warwick. ESRC RES-000-23-0784.
- Mael F., Alonso A., Gibson D., Rogers K., Smith M. (2005) *Single-Sex Versus Coeducational Schooling: A Systematic Review*, Washington, DC: US Department of Education.
- Marks G. N. (2015) Are School-SES Effects Statistical Artefacts? Evidence from Longitudinal Population Data. *Oxford Review of Education*, vol. 41, no 1, pp. 122–144.
- Martin M. O., Mullis I. V. S., Hooper M., Yin L., Foy P., Palazzo L. (2016) Creating and Interpreting the TIMSS 2015 Context Questionnaire Scales. *Methods and Procedures in TIMSS 2015* (eds. M. O. Martin, I. V. S. Mullis, M. Hooper), Chestnut Hill, MA: TIMSS & PIRLS International Study Center; Lynch School of Education, Boston College; International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA), pp. 15.1–15.312.
- McCoy S., Quail A., Smyth E. (2014) The Effects of School Social Mix: Unpacking the Differences. *Irish Educational Studies*, vol. 33, no 3, pp. 307–330.
- Murnane R. J., Willett J. B. (2011) *Methods Matter: Improving Causal Inference in Educational and Social Science Research*, Oxford; New York: Oxford University Press.
- Müller C. M., Zurbriggen C. (2016) An Overview of Classroom Composition Research on Social-Emotional Outcomes: Introduction to the Special Issue. *Journal of Cognitive Education and Psychology*, vol. 15, no 2, pp. 163–184.
- Nash R. (2003) Is the School Composition Effect Real? A Discussion with Evidence From the UK PISA Data. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 14, no 4, pp. 441–457.
- Niu S. X., Tienda M. (2013) High School Economic Composition and College Persistence. *Research in Higher Education*, vol. 54, no 1, pp. 30–62.
- OECD. (2017) *PISA 2015: Technical Report*, Washington: Organization for Economic Cooperation & Development.
- Opdenakker M.-C., Van Damme J. (2007) Do School Context, Student Composition and School Leadership Affect School Practice and Outcomes in Secondary Education? *British Educational Research Journal*, vol. 33, no 2, pp. 179–206.

- Opdenakker M.-C., Van Damme J. (2001) Relationship between School Composition and Characteristics of School Process and Their Effect on Mathematics Achievement. *British Educational Research Journal*, vol. 27, no 4, pp. 407–432.
- Pahlke E., Cooper C. E., Fabes R. A. (2013) Classroom Sex Composition and First-grade School Outcomes: The Role of Classroom Behavior. *Social Science Research*, vol. 42, no 6, pp. 1650–1658.
- Palardy G. J. (2008) Differential School Effects Among Low, Middle, and High Social Class Composition Schools: A Multiple Group, Multilevel Latent Growth Curve Analysis. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 19, no 1, pp. 21–49.
- Palardy G. J. (2013) High School Socioeconomic Segregation and Student Attainment. *American Educational Research Journal*, vol. 50, no 4, pp. 714–754.
- Palardy G. J. (2014) High School Socioeconomic Composition and College Choice: Multilevel Mediation Via Organizational Habitus, School Practices, Peer and Staff Attitudes. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 26, no 3, pp. 329–353.
- Palardy G. J., Rumberger R. W., Butler T. (2015) The Effect of High School Socioeconomic, Racial, and Linguistic Segregation on Academic Performance and School Behaviors. *Teachers College Record*, vol. 117, no 12, pp. 1–52.
- Peetsma T., Van der Veen I., Koopman P., Van Schooten E. (2006) Class Composition Influences On Pupils' Cognitive Development. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 17, no 3, pp. 275–302.
- Perna L. W., Titus M. A. (2005) The Relationship between Parental Involvement as Social Capital and College Enrollment: An Examination of Racial/Ethnic Group Differences. *The Journal of Higher Education*, vol. 76, no 5, pp. 485–518.
- Perry L. B. (2012) What do We Know about the Causes and Effects of School Socio-Economic Composition? A Review of the Literature. *Sport Education and Society*, vol. 30, no 1, pp. 19–35.
- Perry L. B., McConney A. (2010a) Does the SES of the School Matter? An Examination of Socioeconomic Status and Student Achievement Using PISA 2003. *Teachers College Record*, vol. 112, no 4, pp. 1137–1162.
- Perry L. B., McConney A. (2010b) School Socioeconomic Composition and Student Outcomes in Australia: Implications for Educational Policy. *Australian Journal of Education*, vol. 54, no 1, pp. 72–85.
- Perry L. B., McConney A. (2013) School Socioeconomic Status and Student Outcomes in Reading and Mathematics: A Comparison of Australia and Canada. *Australian Journal of Education*, vol. 57, no 2, pp. 124–140.
- Pinskaya M., Kosaretsky S., Zvyagintsev R., Derbishire N. (2019) Building Resilient Schools in Russia: Effective Policy Strategies. *School Leadership & Management*, vol. 39, no 2, pp. 127–144.
- Prinstein M. J., Dodge K. A. (2010) *Understanding Peer Influence in Children and Adolescents*, New York; London: Guilford.

- Rjosk C., Richter D., Hochweber J., Lüdtke O., Klieme E., Stanat P. (2014) Socioeconomic and Language Minority Classroom Composition and Individual Reading Achievement: The Mediating Role of Instructional Quality. *Learning and Instruction*, vol. 32, pp. 63–72.
- Robert P. (2010) The Influence of Educational Segregation on Educational Achievement. *Quality and Inequality of Education* (ed. J. Dronkers), Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 13–40.
- Rumberger R. W., Palardy G. J. (2005) Does Segregation Still Matter? The Impact of Student Composition on Academic Achievement in High School. *Teachers College Record*, vol. 107, no 9, pp. 1999–2045.
- Sadovnik A. R., Semel S. F. (2010) Education and Inequality: Historical and Sociological Approaches to Schooling and Social Stratification. *Paedagogica Historica*, vol. 46, no 1–2, pp. 1–13.
- Shadish W. R., Cook T. D., Campbell D. T. (2015) *Experimental and Quasi-Experimental Designs for Generalized Causal Inference*, Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning.
- Shen B., McCaughy N., Martin J., Garn A., Kulik N., Fahlman F. (2015) The Relationship Between Teacher Burnout and Student Motivation. *British Journal of Educational Psychology*, vol. 85, no 4, pp. 519–532.
- Sirin S. R. (2005) Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research. *Review of Educational Research*, vol. 75, no 3, pp. 417–453.
- Snijders T. A. B., Bosker R. J. (1999) *Multilevel Analysis: An Introduction to Basic and Advanced Multilevel Modeling*, London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE.
- Strand S. (2010) Do Some Schools Narrow the Gap? Differential School Effectiveness by Ethnicity, Gender, Poverty, and Prior Achievement. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 21, no 3, pp. 289–314.
- Strand S. (2014) Ethnicity, Gender, Social Class and Achievement Gaps at Age 16: Intersectionality and ‘Getting It’ for the White Working Class. *Research Papers in Education*, vol. 29, no 2, pp. 131–171.
- Sykes B., Kuyper H. (2013) School Segregation and the Secondary-School Achievements of Youth in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 39, no 10, pp. 1699–1716.
- Televantou I., Marsh H. W., Kyriakides L., Nagengast B., Fletcher J., Malmberg L.-E. (2015) Phantom Effects in School Composition Research: Consequences of Failure to Control Biases due to Measurement Error in Traditional Multilevel Models. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 26, no 1, pp. 75–101.
- Thrupp M., Lauder H., Robinson T. (2002) School Composition and Peer Effects. *International Journal of Educational Research*, vol. 37, no 5, pp. 483–504.
- Trautwein U., Lüdtke O., Marsh H. W., Köller O., Baumert J. (2006) Tracking, Grading, and Student Motivation: Using Group Composition and Status to Predict Self-Concept and Interest in Ninth-Grade Mathematics. *Journal of Educational Psychology*, vol. 98, no 4, pp. 788–806.
- Van der Slik F. W. P., Driessen G. W. J. M., De Bot K. L. J. (2006) Ethnic and Socioeconomic Class Composition and Language Proficiency: A Longitudinal Multilevel Examination in Dutch Elementary Schools. *European Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 293–308.

- Van Landeghem G., Van Damme J., Opdenakker M.-C., De Fraine B., Onghena P. (2002) The Effect of Schools and Classes on Mathematics Achievement. *School Effectiveness and School Improvement*, vol. 13, no 4, pp. 399–427.
- Van Matre J. C., Valentine J. C., Cooper H. (2000) Effect of Students' After-School Activities on Teachers' Academic Expectancies. *Contemporary Educational Psychology*, vol. 25, no 2, pp. 167–183.
- Wells R. (2010) Children of Immigrants and Educational Expectations: The Roles of School Composition. *Teachers College Record*, vol. 112, no 6, pp. 1679–1704.
- Westphal A., Becker M., Vock M., Maaz K., Neumann M., McElvany N. (2016) The Link Between Teacher-assigned Grades and Classroom Socioeconomic Composition: The Role of Classroom Behavior, Motivation, and Teacher Characteristics. *Contemporary Educational Psychology*, vol. 46, pp. 218–227.
- Whitt H. P. (1986) The Sheaf Coefficient: A Simplified and Expanded Approach. *Social Science Research*, vol. 15, no 2, pp. 174–189.
- Wilkinson I. A. G. (2002) Introduction: Peer Influences on Learning: Where Are They? *International Journal of Educational Research*, vol. 37, no 5, pp. 395–401.
- Wong K. K. (2004) Guest Editor's Preface. *Peabody Journal of Education*, vol. 79, no 2, pp. 1–4. Doi: [10.1207/s15327930pje7902_1](https://doi.org/10.1207/s15327930pje7902_1)
- Xuan X. X. Y., Luo Y., Qi M., Wang Y., Zhang C., Jiang W. (2019) Relationship Among School Socioeconomic Status, Teacher-Student Relationship, and Middle School Students' Academic Achievement in China: Using the Multilevel Mediation Model. *Plos One*, vol. 14, no 3, pp. e0213783. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213783> (accessed 15 January 2021).
- Yastrebov G., Bessudnov A., Pinskaya M., Kosaretsky S. (2014) Contextualizing Academic Performance in Russian Schools: School Characteristics, the Composition of Student Body and Local Deprivation. *Higher School of Economics Research Paper*, WP BRP 55/SOC/2014, Moscow: HSE Publishing House.
- Yastrebov G. A., Pinskaya M. A., Kosareckiy S. G. (2014) Ispol'zovanie kontekstnykh dannykh v sisteme otsenki kachestva obrazovaniya: opyt razrabotki i aprobatsiya instrumentariya [The Issue of Educational Results' Contextualization: Schools, Their Social Structure and a Territory Deprivation Level]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, no 4, pp. 58–95 (in Russian).

Received: May 30, 2020

Citation: Kersha Y. Sotsial'no-ekonomicheskaya kompozitsiya shkoly kak faktor neravenstva v obrazovanii. Obzor podkhodov k izmereniyu i mekhanizmov vzaimosvyazi s akademicheskimi rezul'tatami [School Socioeconomic Composition as a Factor of Educational Inequality. Review of Measurement Approaches and Relation with Academic Outcomes]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 92–123. doi: [10.17323/1726-3247-2021-1-92-123](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-92-123) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Д. Р. Лебедева

Творить нельзя коммерциализировать: о повседневных практиках российских технопредпринимателей

Рецензия на книгу: О. Бычкова, Б. Гладарев, О. Хархордин, Ж. Цинман. *Фантастические миры российского хай-тека*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. Серия «Прагматический поворот». Вып. 8 (ред. О. Бычкова). 416 с.

ЛЕБЕДЕВА Дарья Руслановна — магистрант программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук; стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dlebedeva@hse.ru

В чём причина низкой коммерциализации сделанных в России высоко-технологичных инноваций? Почему при высоких показателях инициативности, креативности, технических компетенций инженеров не наблюдается успешный вывод на отечественный и международный рынок производимых и порой потрясающих воображение изобретений? Есть ли у России «особый путь» экономического и социального развития в сфере высоких технологий? Ольга Бычкова, Борис Гладарев, Олег Хархордин и Жанна Цинман, исследовательский коллектив социологов Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), предлагают в книге «Фантастические миры российского хай-тека» ответы на эти вопросы. На основе большого массива данных глубинных биографических интервью с технопредпринимателями из России, а также Финляндии, Тайваня и Южной Кореи авторы фокусируют своё внимание не на институтах, а на самих технопредпринимателях, наполняющих рынки высоких технологий, — на их повседневных практиках, взаимодействии с разработчиками и изготовленными продуктами, паттернах осмысления окружающего мира и своего места в нём. На основе использования концептуального аппарата теории практик и исследований науки и технологий (Science and Technology Studies — STS) в книге предпринята попытка пересобрать жизненные миры российских технопредпринимателей и соотнести индивидуальные нарративы с социокультурным контекстом разработок. Исследователи показывают, каким образом то, «чем живут» инноваторы и в каких ценностных категориях они мыслят свою работу и повседневность, может обуславливать на макроуровне технологическое развитие российской экономики и всего общества.

Книга включает подробные описания методологии и полевого этапа исследования, ёмкие и выразительные цитаты, теоретическое обоснование исследования. Она адресована широкому кругу читателей и будет полезна не только профессиональным социологам, в том числе интересующимся

исследованиями науки и технологий, но и всем тем, кто хочет приоткрыть для себя повседневность инженеров, стремящихся своей работой «взломать законы Вселенной».

Ключевые слова: технологическое предпринимательство; инновации; творчество; коммерциализация; исследования науки и технологий; прагматический поворот; шкалы оценивания.

Введение

Согласно последним опубликованным результатам подсчёта Глобального индекса креативности 2015 г., Россия занимает 15-е место по показателю талантов, 19-е место по критерию креативного класса в обществе и по доле населения, вовлечённого в высшее образование (опережая другие страны БРИКС), а также стала 38-й из 139 стран по итоговому подсчёту индекса [Florida, Mellander, King 2015]. Вместе с тем российские изобретатели, как профессионалы, так и любители, славятся предприимчивостью и смелостью. Однако почему же при любви российских изобретателей «делать штуки» и высоких компетенциях технологическая модернизация происходит так тяжело, а рынок инноваций всё ещё довольно слабо развит? В чём причины того, что в России при сильной фундаментальной науке и увлечённых разработчиках изобретения не выходят за пределы лабораторий, не находят места на рынке и слабо монетизируются? Ответу на этот вопрос и посвящена книга «Фантастические миры российского хай-тека», написанная командой социологов Европейского университета в Санкт-Петербурге Ольгой Бычковой, Борисом Гладаревым, Олегом Хархординым и Жанной Цинман.

Вопрос о том, почему «в стране много изобретателей», но «мало изобретений» (с. 43), уже задавался американским исследователем Лореном Грэхэмом в книге «Lonely Ideas. Can Russia Compete?» («Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России») [Graham 2013]. На основе анализа исторических данных за 300 лет автор книги показывает, что многочисленным и талантливым российским изобретателям систематически не хватает способности вывести свою работу во внешнюю среду, заручиться институциональной поддержкой и затем коммерциализировать свои усилия (с. 45).

Современные объяснения низкой монетизации инновационных технологических разработок в России (масштаб монетизации здесь понимаются как доля вышедших на рынок изобретений, особенно по сравнению с европейским и азиатским рынками), как правило, связаны с юридическими и политэкономическими факторами, тяготеют к аргументу «особого пути» российского общества в развитии высокотехнологичной экономики, её трансформации в сторону креативности и хай-тека (с. 47). Авторы книги подчёркивают, что в построении прогнозов относительно высокотехнологичного вектора развития российской экономики речь в большинстве случаев идёт о законодательных, финансовых, инфраструктурных сложностях, тогда как «про людей, наполняющих эти институты, про их повседневность и социальные риски новых технологий вспоминают реже» (с. 11). Но, как показывает социальная реальность, институционального уровня оказывается недостаточно для объяснения «особого пути» российского технологического предпринимательства и разработок в целом. Отталкиваясь от этого исследовательского упущения, авторы книги сместили фокус своего внимания на культурные факторы развития технопредпринимательства и на то, как они проявляются в индивидуальных биографиях технопредпринимателей: «чем и ради чего» (с. 13) те живут.

Исследование было инициировано и реализовано в рамках проекта при поддержке Фонда инфраструктурных и образовательных программ ОАО «Роснано»¹. Оно проводилось в сентябре 2011 г. — марте 2013 г., что кажется серьёзным временным ограничением исследования, поскольку за почти прошед-

¹ Более подробное описание проекта и полные отчёты по проекту можно найти на сайте Европейского университета в Санкт-Петербурге (<https://eusp.org/projects/issledovanie-tekhnologicheskogo-predprinimatelstva>).

шее с тех пор десятилетие контекст коммерциализации технологий значительно изменился. Вместе с тем авторы признают этот факт и отмечают, что тема «особого пути России» остаётся традиционной и, вероятно, долго не будет терять своей актуальности, тогда как смена социокультурных паттернов — процесс длительный (с. 10).

Изначально исследование, результаты которого легли в основу рассматриваемой книги, носило выраженный прикладной характер [Гладарев 2015]. Впрочем, как подчёркивают авторы, книга написана «по мотивам» проекта, и в ходе интервью приходилось напоминать участникам: «Мы — не РОСНА-НО!» (с. 18). Это не только делает книгу интересной для практически ориентированного читателя, но и вносит вклад в теоретическую дискуссию.

Целью исследования стала реконструкция социального портрета технологического предпринимателя. Была предпринята попытка ответить на вопрос о том, какие механизмы самореализации и понимания себя характерны для российских технологических предпринимателей и чем они отличаются от моделей, принятых западными и восточными коллегами (на примере Финляндии, Южной Кореи и Тайваня). Авторы стремились зайти в поле технологического предпринимательства, используя качественную методологию с позиции «исследователя-чужака» и в то же время «понимающего участника» (с. 357), предложив гипотезы для дальнейших исследований.

Социологическое определение технологического предпринимателя следующее: «Актор (индивидуальный или коллективный), осуществляющий на свой страх и риск (и под свою имущественную ответственность) инициативную самостоятельную деятельность, направленную на получение прибыли через разработку, производство и торговлю инновационными товарами и услугами, отличающимися большой добавленной стоимостью» (с. 22). Представляется важным привести здесь полное, хотя и длинное определение, к которому отсылают авторы, поскольку его ключевые компоненты задают структуру рассуждений в книге и расширяют «бизнесовое» понимание технопредпринимательства аспектами социальной укоренённости. Инноваторы имеют одновременно предпринимательский и инженерный опыт (с. 27), и это двойное профессиональное происхождение, как показывают авторы книги, определяет их личное отношение к работе, понимание своего места в мире науки, бизнеса и инноваций.

Эмпирической основой исследования стали данные почти 200 биографических интервью с инноваторами из Южной Кореи, Тайваня, Финляндии, России (были выделены такие регионы, как Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, Томск). Основанием для дифференциации кейсов стала инновационная экосистема региона — не вполне прояснённое авторами понятие, означающее совокупность институциональных и социокультурных паттернов в сфере инновационной деятельности коллективных и индивидуальных акторов [Гладарев et al. 2013]. Сбор интервью в нескольких странах обеспечил кросс-культурный характер исследования, однако выводы о паттернах осмысления разработок и предпринимательства зарубежными коллегами кажутся не вполне надёжными. Хотя сами авторы отмечают, что не претендуют на серьёзные содержательные выводы относительно Тайваня, Южной Кореи и Финляндии и выдвигают, скорее, предположения о самых общих закономерностях местных рынков и культур, глубинных осмыслений инновационной деятельности. Включение других регионов в качестве зеркала обогатило выводы по России, поскольку методологически столкновение контрастных кейсов позволяет высветить принимаемые как данность черты социального порядка (с. 63).

Помимо биографического (индивидуального) уровня, авторы обращали внимание на институциональные (организационные, технологические) условия работы, бизнес-культуру. Для российских кейсов была проведена серия экспертных интервью, привлечены вторичные публицистические и аналитические материалы о национальных и региональных особенностях экосистем.

Эмпирические материалы глубинных интервью тщательно проработаны через призму социологических теорий с точки зрения теории практик и исследований науки и технологий (Science and Technology Studies — STS). Благодаря применению концептуального аппарата «моральной социологии» (Л. Болтански и Л. Тевено), акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон, С. Вулгар), генеалогии морали (М. Фуко, О. Хархордин) и чувствительности авторов выводы оказались гораздо богаче, чем обозначено в цели прикладного проекта.

Книга представляет собой коллективную монографию, состоящую из шести разделов — подробного введения, значительная часть которого посвящена подробному описанию методологии исследования, четырёх глав, последовательно раскрывающих ответ на сформулированный исследовательский вопрос о портрете технопредпринимателя и его повседневности, составляющей основную часть социальной жизни, заключения с подробным объяснением ограничений и практического применения выводов. Следуя предложенной авторами логике, постараемся представить ключевые идеи авторов.

Узнать и проявить себя: методы познания и формирования идентичности технопредпринимателей

На микроуровне связь культурных особенностей и идентичности авторы предлагают раскрывать через поиск ответа на вопрос о том, что значит быть представителем некоторой национальной культуры (с. 59). В связи с этим автор первой главы — «Практики самопознания и самоформирования российских технопредпринимателей» — Олег Хархордин обращается к используемым технопредпринимателями практикам «обличения», то есть способам наделения себя лицом, личностью. Это понятие уже использовалось автором в книге «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности» [Хархордин 2016], в которой он опирается на идеи генеалогии морали М. Фуко и свою гипотезу о преобладании обличительно-покаянных практик обретения личности в российской традиции. Описываемый механизм формирования личности предполагает самопознание и самоидентификацию через значимого другого, ориентацию на релевантное и важное для индивида сообщество, соответствие его стандартам. Этот коллективный метод самопознания, присущий восточным христианским обществам, противопоставляется западным христианским исповедальным методам, ставящим в центр формирования личности практики одиночного анализа человеком собственных чувств и переживаний (с. 59).

Как показывают эмпирические данные, российские технопредприниматели тяготеют к коллективным способам познания личности, унаследованным из советской традиции в виде формулы «проявить себя» (с. 78). Они «узнают себя через других», причём как через оценочные высказывания окружающих, так и сравнивая себя с другими в ходе самоотчётов, в дневниках, подводя итоги каждого дня (с. 66). Признание в значимом сообществе оказывается важным аспектом профессиональной идентичности российских технопредпринимателей. Референтной группой, через которую происходит узнавание себя как профессионала, выступают коллеги (академическое или инженерное сообщество) либо группы клиентов, конкурентов, государственные структуры, ключевые для индустрии публичные персоны.

В то же время на основе нарративов автор главы выдвигает предположение об ослаблении практик самопознания публично-покаянного характера, однако эта тенденция лишь зарождается, прежде всего — в центральной части России и среди более молодых разработчиков. Как правило, кажущиеся индивидуализированными техники самооценки (например, через объективные рыночные показатели) всё же представляют собой часть ориентации на другого и сравнение себя с ним, а не этап практик саморефлексии (с. 72).

Ещё один важный культурный сдвиг — сведение идентичности технопредпринимателей до профессионального компонента. Технопредприниматель настолько погружен в свою работу, что професси-

ональная сторона личности подчиняет себе различные социальные роли — семейную, этническую, возрастную, конфессиональную (с. 81). «Обличение себя делами» происходит именно в профессиональном домене. При этом показатели успешности постепенно сводятся к рыночным, преимущественно к количеству заработанных или привлечённых на разработках денег. «Обналичивание личности» вместо проявления целостных личностных качеств (с. 83) маркетизирует сакральное для российских инженеров творчество (о котором речь пойдёт далее). В то же время в этом видится потенциал для успешного вывода разработок на рынок. Такая культурная дилемма, по нашему мнению, нуждается в более глубоком обсуждении, помещении кейса технопредпринимателей в более общий контекст теоретизирования экспансии рынков.

Как отмечает О. Хархордин, конструирование технопредпринимателями своей идентичности, самоформирование и самосовершенствование происходят у них через работу над физическим объектом разработки. Преодоление сложностей при достижении поставленных целей (обретающее яркий героический окрас в дискурсах) становится проявлением стойкости, твёрдости, дисциплинированности (с. 93). Интересно, что при этом сами участники весьма слабо осмыслили свою деятельность как «работу над собой» (с. 85). Они «работают работу» и через неё оценивают степень развития своей личности, воспринимая это как данность и обычный долг, планируют задачи лишь краткосрочно, им не свойственна риторика больших жизненных планов.

Мотив максимального развития собственных задатков и способностей через работу явно проговаривается информантами и отсылает, как сначала кажется, к реализации «высшей личности», дискурсу идеализма и персоналистической философии (с. 102). Однако дальнейшее развитие сюжета самореализации через работу оказалось для авторов книги, по их признанию, большой неожиданностью. Как поясняет О. Хархордин, эта риторика сводится технопредпринимателями к удобной и простой модели иерархии потребностей А. Маслоу, к транслируемым современными бизнес-школами идеям. «Реализовать» приобретает те же коннотации, что и «продать» (что ещё более понятно на английском языке благодаря многозначности слова *realize*). Теперь формулировка «реализовать себя» имеет не столь идеализированные смыслы, как «творческий порыв» и «самосовершенствование». Рыночный компонент осмысления работы инженеров становится одним из этапов ответа на изначальный практический вопрос исследования о перспективах коммерциализации разработок: оценка успешности, как утверждает О. Хархордин, постепенно сдвигается с уникального научного или инженерного результата на размер продаж продукта (с. 103). Представляется теоретическим упущением, что в книге не развита тема проявления в повседневных практиках технопредпринимателей риторики работы над своей идентичностью как рефлексивным проектом, попытка концептуализации которой была предпринята в рамках неолиберализации российской экономики [Matza 2012]. Впрочем, для этого было бы необходимо погрузиться в нерабочие аспекты повседневности разработчиков, что, на наш взгляд, дает простор для дальнейших исследований.

Интересны выводы кросс-культурного сравнительного анализа внутренних смыслов работы технопредпринимателей. Как оказалось, в своих паттернах самопознания и самоформирования россияне сильно отличаются от представителей других рассматриваемых стран. Так, для участников из Южной Кореи оказались характерны «коллективный эгоизм»², явно выраженные узкоэкономические цели своей работы при отсутствии мотивов самореализации (с. 111). Подчёркнутый индивидуализм, как и полное отсутствие эмоциональной привязанности к разработке, творческого вдохновения, отмечается и у информантов из Тайваня (с. 115).

² В XX веке в Южной Корее наблюдался быстрый рост протестантизма при сохранении конфуцианства. Отмечая многоконфессиональность страны, характерный для её жителей религиозный эклектизм, авторы книги демонстрируют в стране смесь коллективизма с индивидуализмом, названную ими коллективным эгоизмом.

Финны по своему ценностному профилю оказались более похожи на россиян, однако для строгого следования принципам протестантизма для них нехарактерны планы по реализации «большой» фундаментальной науки. Коллективный характер деятельности воспринимается финскими разработчиками как её неотъемлемый компонент, без которого проект не будет функционировать, тогда как для россиян работа в коллективе является «антуражем», а не необходимым условием самореализации. О. Хархордин показывает на кейсе финнов, что западноевропейские технопредприниматели склонны к методам формирования идентичности и самооценки через объективные рыночные, экономические и технические критерии; азиатские же инженеры в большей мере ориентированы на оценку внешнего сообщества в практиках обличения. И никто из респондентов не декларировал отношение к процессу разработки в риторике «любви к творчеству» так, как россияне. Творческие мотивы и ориентация на создание «классных новых штук» — очень важный инсайт исследования, вскрывающий «этическую матрицу» российского технопредпринимателя (с. 123). Более подробный анализ смыслового наполнения работы технопредпринимателей, проведённый Борисом Гладаревым и Жанной Цинман, представлен в следующей главе «"Шкалы оценивания" и "миры" технопредпринимателей Финляндии, Южной Кореи, Тайваня и России».

«Жизненные миры» технопредпринимателей

Продолжая сборку глубинных смыслов процесса разработки технопродуктов, репрезентируемых технопредпринимателями, авторы книги обратились к классикам прагматической социологии, набирающим популярность в российском социологическом поле [Барт et al. 2019]. Опираясь на социологию критической способности Л. Болтански и Л. Тевено, они сформировали матрицу «жизненных миров» технопредпринимателей.

Во второй главе Борис Гладарев и Жанна Цинман подробно объясняют теоретические и методологические предпосылки анализа в соответствии с «понимающей социологией», скрупулёзно кодируя нарративы и выявляя в них «способы аргументации (критики и оправдания) <...> особые типы связи, которыми пользуются информанты, соединяя разнородные элементы и блоки в единую историю своей жизни» (с. 127).

Стоит помнить, что в реальности концептуализированные французскими социологами миры не встречаются в чистом виде, — они тесно переплетаются в коммуникации, отражая сложные комбинации аргументов и шкал разных миров. Суммируя результаты анализа нарративов, можно выстроить картину культурных особенностей обоснования российскими инженерами своих повседневных (преимущественно рабочих) практик. В России среди технопредпринимателей преобладают индустриальный мир (в нём признание и успех определяются через *профессионализм*, *результативность*, позицию в *экспертном* сообществе, *функциональность* разработки), мир вдохновения (для него важны *озарение*, способность к *творчеству*, *изобретательность* и *нестандартность* рабочего подхода) и мир рынка (в нём значимость маркирована через *состояние* и *богатство*, а *цена*, *доход*, *рентабельность* становятся *универсальной* и *справедливой* системой оценки результатов; социальные же взаимодействия подчинены принципу *конкуренции*, которая испытывает актора на прочность).

Интересно, что в мировоззрении россиян преобладают промышленные и проникнутые вдохновением ориентации: мир, в котором живут российские технопредприниматели, «наполнен поиском технической эффективности и исполнен вдохновения одновременно» (с. 285). Мир рынка не только оказывается вторичным, но даже, согласно нарративам, табуируется в качестве мотива инженерной деятельности. Также незначим проектный мир, в котором каждый участник — «индивидуальный предприниматель в потенциале» (с. 192), активный и мобильный, включённый в сети коллег. Существенно и то, что «зелёный», или экологический, мир отсутствует во внутренней повседневной логике инженеров. Исследова-

тели не обнаружили ценностей сбережения планеты и тревог за неё среди тех, кто фактически делает своей работой будущее. Вероятно, стоит задаться вопросом о том, насколько безжалостно покорение Вселенной и законов природы технопредпринимателями.

Ещё более весомые выводы предложены авторами по результатам кросс-культурного анализа, в ходе которого сопоставлялись конфигурации логик критики и оправдания, характерные для информантов из разных стран. По результатам кодирования нарративов, в Финляндии преобладают проектный, рыночный и индустриальный миры; азиатские технопредприниматели делают упор на домашний, индустриальный и рыночный миры, которые по-разному ранжированы по значимости в этих странах: в Южной Корее доминирует патриархальный порядок с индустриальными и рыночными дополнениями, а на Тайване рынок выходит на первый план.

Общим для информантов из Азии, Европы и России оказалась апелляция к научно-техническим категориям при оправдании своего дела. Технократическая оптика восприятия мира и собственной идентичности дополняется рыночным порядком, аргументами конкуренции и экономических показателей успеха. По убеждению авторов книги, это сочетание высвечивает гибридность социальной идентичности технологических предпринимателей: они живут «на дискурсивной границе <...> двух миров» (с. 202), выстраивая непротиворечивые модели оправдания своей деятельности. Вместе с тем все рассматриваемые кейсы объединяет отсутствие выраженного интереса к миру гражданственности и известности, и это, как показано в книге, говорит о том, что разработчик — «человек простой», далёкий от таких категорий, как слава или общественная польза (в гражданском, а не прикладном смысле).

Методологически применение теории обоснования ценности оказывается очень удобной и продуктивной стратегией, однако она сопряжена с рядом критических моментов и ограничений. Авторы главы говорят, что миры критики и оправдания заявлены как универсальные (с. 131), хотя сами, судя по структуре текста, ставят это под сомнение и обозначают данное направление теоретической дискуссии как вероятное ограничение исследования. Зато допущение о существовании конкретного набора внутренних логик обоснования индивидами своей деятельности позволило провести кросс-культурный анализ миров оправдания технопредпринимателями собственной работы. Вместе с тем в рецензируемой книге не выносятся на обсуждение конечность миров, хотя, согласно современной теоретической дискуссии, их набор неактуален в нынешних социальных реалиях и не в полной мере релевантен для обществ (кроме французского, с которым и работали Болтански и Тевено).

На наш взгляд, в кодировании авторы чрезмерно использовали квазиколичественную логику анализа, заявляя о том, что в сборке обоснований и критике они калькулировали семантически близкие коды и выявляли тем самым «удельный вес» каждого мира (с. 199). Не вполне понятно, как авторы рецензируемой книги оценивали близость кодов (этот момент, видимо, основан на теоретической чувствительности аналитика) и в какой мере эта стратегия схватывает субъективную значимость каждого «мира» для индивидов не частотно, а субстантивно.

Также кажется недоиспользованным другой немаловажный вклад теории конвенций Болтански и Тевено — объяснение того, как в социальном взаимодействии через выработку эквивалентностей происходит поиск компромиссов между различными конкурирующими логиками осмысления и обоснования реальности [Болтански, Тевено 2013]. На наш взгляд, было бы интересно прояснить, как технопредприниматели регулируют конфликтные ситуации, когда другие акторы не понимают используемые категории обоснования ценности. Вероятно, эти конфликты возникают — хотя бы между инженерами-творцами и ориентированными на рынок предпринимателями.

Вторая глава кажется центральной для анализа культурных особенностей технопредпринимателей через то, как они наделяют смыслом и объясняют свою повседневность. Прочно укоренённая в данных

сборка имплицитной логики совершаемых индивидами выборов стала ключом к базовым принципам, которыми они руководствуются в повседневной жизни. Это позволило исследователям сформировать объяснительную концептуальную схему и далее «идти вглубь» осмысления поведенческих паттернов.

Очень важен переход от микроуровня объяснения технопредпринимателями собственных решений и поступков к вопросу о том, как эти воззрения на реальность определяют понимание предпринимателями инновационной деятельности и влияют на макроуровень технологического развития. Как отмечают авторы книги, «под инновацией можно видеть очень разные вещи» (с. 39), и даваемые технопредпринимателями субъективные дефиниции определяют отношение к работе, ожидаемый результат и процесс разработки. «Как корабль назовёшь, так он и поплывёт»: российские технопредприниматели определяют процесс создания инновации как «творить что-то новое» (с. 158), а маркетинг оказывается для них вторична, что препятствует развитию национального рынка хай-тека.

Следующая глава «Обречены ли мы на творчество?», автором которой стал Олег Хархордин, раскрывает один из ключевых выводов книги — выраженную приверженность российских технопредпринимателей аргументам индустриального и вдохновенного миров. Каким образом в технократическо-предпринимательской идентичности разработчиков (с. 202) проявляется мир вдохновения, и какие гибридные формы осмысления себя и своей работы это создаёт?

Технопредприниматель как творец

Отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие третьей главы, Олег Хархордин пытается прояснить, в чём укоренено осмысление российскими технопредпринимателями своей деятельности, и отмечает выраженную эмоциональную вовлечённость технопредпринимателей. «Плоха или хороша эта любовь к разработке, которая отличается от любви к своей компании или делу» (с. 213) в связи с проблемой коммерциализации проектов? Автор главы говорит о том, что риторика творчества — это не метафора и не высокие абстрактные аналогии в речи технопредпринимателей: они действительно любители своего дела (*amateur scientist*), одержимые практики.

О. Хархордин показывает, что технологическая работа напрямую связана с идентичностью предпринимателей, поскольку таким образом они «разработали свою личность» (с. 221). Речь идёт об экзистенциальной стороне инженерной практики: автор главы привлекает концепт «самоотдачи» (*commitment*) К. Поланьи (с. 308) и показывает, что работа заземляет опыт инженеров в категориях идентичности и самореализации «себя как мастера или виртуоза» (с. 308). Вместе с тем категории творческого полёта и творения (обязательно упоительного, по убеждению информантов) действительно оказываются не пустыми метафорами, а ценность процесса разработки не ограничивается для технопредпринимателей стремлением реализовать в труде свой профессиональный потенциал.

Делясь своими убеждениями о фундаментальных смыслах работы, технопредприниматели говорили о разработке как о *детнице* (с. 217), которое они производят на свет и затем дорабатывают и опекают. Для этого требуются огромные усилия, не просто рационально распределённые силы и ресурсы (скажем, по принципу Парето), но вся имеющаяся выдержка, любовь и самоотдача. Более того, по убеждению информантов, вдохновение, творческий полёт (что маркировано в нарративах как *искра*, *кайф*, *эйфория*) неподвластны жёсткому планированию и протоколированию. И такой подход таит в себе ещё одну опасность для постановки техноразработок на рыночные рельсы.

Исследование показывает, что для российских технопредпринимателей в основании технического процесса лежит стремление сделать нечто новое, приложимое к миру не в сугубо прагматическом смысле, но как что-то полезное, нужное для существования. Через вдохновенное создание своих *штук* разра-

ботчики обретают возможность «приоткрыть тайны мироздания» (с. 40), что даёт технопредпринимателям ощущение *творца*: они хотели бы, как показывают нарративы, наблюдать результат своего труда не локально, только в своей лаборатории, но в обществе, активно менять мир и «оставить вмятину во Вселенной» (с. 242), что видится ими как «счастье человеческое» (с. 342).

Именно в установке инженеров на творчество как деятельность, оставляющую вмятину во Вселенной и меняющей мир к лучшему, укоренена отсылка к произведениям братьев Стругацких в названии рецензируемой книги. Во-первых, как читатель может заметить во второй главе, вслед за социологией критической способности собираются «миры» технопредпринимателей как миры братьев Стругацких, которые они описывают на протяжении целой серии своих произведений. Во-вторых, создание удивительных инструментов, которые могли бы улучшить жизнь людей, но пока не выводятся на рынок и не прикладываются к практике, — вот выраженный лейтмотив творчества как реальных технопредпринимателей, так и учёных-магов НИИЧАВО из повести «Понедельник начинается в субботу» (с. 343).

Ставя вопрос об *обречённости* российских инженеров на творчество, О. Хархордин имеет в виду не только российскую экономику, для которой такой сакральный смысл разработки сильно ограничивают возможности коммерциализации. Ведь технопредприниматели оказываются слабо заинтересованы в выводе своего продукта на рынок, процесс создания (порой даже бесконечной *возни* и *улучшательства*) гораздо важнее, поэтому разговор о разработках в рыночных терминах может рассматриваться как десакрализация *творения*.

О. Хархордин отмечает, что технопредприниматели обречены на творчество, и это сильнее их, им отсюда не выбраться, они «*попали*» (с. 215). Более того, риторика «(по)рождения», по мнению О. Хархордина, активного изменения мира своей работой придаёт разработке сильную квазирелигиозную окраску. Разработчики — деятельные творцы, но как и в повести Бориса и Аркадия Стругацких «Трудно быть богом», они буквально несут бремя своего знания, которое «обыватели» не всегда способны корректно применить с пониманием всей глубины миссии технологий в современном мире (с. 344). И, на наш взгляд, если продолжить прекрасные литературные отсылки и параллели, возникает ассоциация с романом Стругацких «Отягощённые злом...».

По убеждению автора главы, дилемма «рынок — творчество» решается российскими технопредпринимателями в пользу последнего, что усиливается сакральными коннотациями процесса создания разработки. В связи с этим О. Хархордин рассуждает о практических импликациях результатов исследования (напомним, что изначально исследование носило прикладной характер), ставя вопрос: «Можно ли и нужно ли вырваться из ловушки творчества?» (с. 244). Завершая главу, Хархордин обозначает социальную дилемму, возникающие противоречия при столкновении коммерческих целей Роснано и сакральных, глубоко укоренённых в идентичности смыслов работы технопредпринимателей, которыми они наделяют процесс и продукт разработки. Эта моральная проблема приводит к принципиальной развилке при стратегии вывода разработок на рынок: постепенно *методично* коммерциализировать мировоззрение технопредпринимателей либо использовать выявленные культурные особенности, «направить энергию [поклонения Науке и Творчеству] на благие цели» (с. 246). Оба варианта отсылают к моральной укоренённости рынков, и вопрос о балансе между творчеством и предпринимательством не имеет однозначного ответа и краткосрочного решения. Следующая глава книги усиливает аргумент культурной укоренённости технопредпринимательства. В ней разработки рассматриваются как физический объект и в то же время как субъект социальных взаимодействий.

Участие артефактов в конструировании технопредпринимателей и их миров

Открывая последнюю главу — «Лаборатория, которая не перевернула мир», — её автор Ольга Бычкова поясняет, что развиваемые в первой главе книги идеи о коллективных практиках обличения рос-

сийских технопредпринимателей, ориентация на сообщество и коллективный характер идентичности были магистральной гипотезой. Однако поле, как это часто случается, внесло свои корректировки: «В практики самопознания активно вмешивался некто <...>. Это были физические объекты или вещи» (с. 251). Встал нетривиальный для традиционного объяснения мира разработчиков вопрос о месте физических объектов (прежде всего, самих разработок как конечного продукта) в осмыслении деятельности технопредпринимателей.

Напомним, в первой главе книги («Практики самопознания и самоформирования российских технопредпринимателей») авторы развивают идею о преобладании среди российских технопредпринимателей коллективных практик формирования и познания себя. Но, как показали эмпирические данные, инженеры выстраивают и осмысливают свою деятельность непосредственно через произведённые продукты, наделяя их активной позицией в своей проектной работе и понимании социального порядка.

Следуя за концептуализацией практик Т. Шацки [Schatzki 2002], который разделяет их на социальные либо гибридные, процесс технологической разработки, по убеждению авторов, представляет собой второй тип и вовлекает в активные связи не только других индивидов, но и материальные объекты, не только играющие роль костыля или средства социальной жизни, но становящиеся полноценным участником взаимодействия с человеком (с. 263).

При довольно строгом разделении книги на глав, сюжету о месте объекта разработки в осмыслении технопредпринимательства, на наш взгляд, не хватает структурированности: аргументация авторов сплетается, не только дополняя, но отчасти, как кажется, и оспаривая выдвигаемые тезисы. Впрочем, это не ограничение или тавтологичность, а, скорее, теоретическая иллюстрация сложности «внутреннего мира» технопредпринимателей. Так, тезис о неотъемлемой роли физических объектов в осмыслении и объяснении окружающего мира фигурирует в анализе «миров» технопредпринимателей, где авторы акцентируют роль объектов, к которым апеллируют индивиды в своих обоснованиях и через которые маркируют каждый из миров (с. 132). Но в теории критической способности Болтански и Тевено материальный мир выступает объектом взаимодействия, и, как демонстрирует рецензируемая книга, артефакты маркируют знания и навыки технопредпринимателей, приложенные усилия и профессиональный капитал, доказывают «наличие требуемых свойств у человека» (с. 292).

Причём важно именно наличие воплощённого навыка (*embodied skill*), выученного и применяемого без рефлексии, автоматически, демонстрирующего истинный профессионализм разработчиков (с. 303). И здесь тезис об объектности разработок начинает, на наш взгляд, размываться. Дело в том, что выученные и идеально отточенные навыки дают технопредпринимателям пространство для замечания «особых качеств» разработок, и те становятся ключевым компонентом формирования идентичности, самооценки и положения инженера в социальном порядке. Разработка выступает активным участником практик самопознания, самостимулирования технопредпринимателей, которые определяют и выражают себя через произведённые технические объекты и инкорпорированное в тело умение ими пользоваться. Профессиональный капитал выступает одним из основных оснований идентичности инженеров, а изобретение — в некотором роде материальным продолжением этой идентичности. Цитируя фрагменты интервью с информантами, авторы книги демонстрируют, как разработчики буквально отождествляют себя со своей работой и лишь после вспоминают «о себе как о человеке» (с. 265). Вернёмся к тезису о любви к творчеству: разработка становится объектом заботы, внимательного развития и дальнейшего сопровождения в сложном пути коммерциализации, ведь «как опекаемому или приручаемому, ей надо помочь найти рынок» (с. 216).

Обращаясь к концептуальному аппарату акторно-сетевой теории, О. Бычкова показывает, что физический, вещный мир оказывается для разработчиков очень важен, поскольку разработка становится не

только фоном действия или инструментом в руках человека, но полноценным соучастником работы (с. 271). Как материальный объект она выступает не только продуктом деятельности, но и полноценным субъектом взаимодействия с инженером. Технологический артефакт является актантом, сигнализируя обо всех усилиях и квалификации, коммуницируя и сообщая окружающим и самому инноватору о том, на что тот способен. Вступая в диалог с изобретением, индивид разрабатывает не только прибор как таковой, но и «свою личность» (с. 221), понимая через эту коммуникацию своё место в профессиональном поле и в мире (с. 313). Более того, через диалог с продуктом пересобирается, как ассамбляж, реальность, в которой живут технопредприниматели (с. 266).

Таким образом, авторы книги обращают внимание на гибридность сборки личности технопредпринимателей. В их повседневности социальное окружение (значимые другие люди) и вещный мир (инструменты, материалы, оборудование и умение автоматически обращаться с ними, а также изобретения) взаимосвязаны в конструировании личности инноваторов и определении ими собственной работы (с. 276). Для них характерно публично-вещное самопознание и построение идентичности, когда вместе с инновацией запускается «новая грань собственной личности или её новое понимание» (с. 337). Причём та «штука», над которой с любовью и самозабвением трудятся разработчики, говорит «сама за себя»: её можно молча показать коллегам или заказчикам, и отзыва: «Вы — супер!» — будет вполне достаточно для признания и разработки, и её создателя (с. 339).

Прочная связь идентичности инноваторов со своими изобретениями становится ещё одним объяснением низких показателей коммерциализации технопредпринимательства в России, которые предлагают авторы исследования. Публично-вещное «обличение», свойственное российским разработчикам, значимость продукта для конструирования человеком своей самооценки, вероятно, выносят коммерциализацию разработок в совершенно иную плоскость осмысления работы технопредпринимателей. Коммерческая реализация не входит в задачи их работы, не мыслится как значимый маркер признания конечного продукта, а деньги при удачном выходе на рынок важны лишь как дополнение. «Достойное дело», прибор для «взлома Вселенной», «польза для других» оказываются, по мнению авторов, первостепенным ориентиром технопредпринимателей. Более того, вероятно, необходимость «оторвать от сердца» свою работу, вывести на суд законов рынка часть своей идентичности также препятствует развитию рынка научных разработок.

Заключение

Это делали, потому что нам это интересно. Потому что мы это любили. Далеко не только из-за денег... Самое главное — это интерес к науке, т.е. хотелось познать новое, познать тайны, открытия сделать. Свой прибор удивительный (с. 219).

Ставя своей целью сформировать портрет российского технопредпринимателя, авторы рецензируемой книги, безусловно, говорили не о социально-демографических характеристиках, а о комплексе выражаемых инженерами культурных паттернов и способов осмысления самого процесса разработки. Исследование выдержано в этнографическом ключе, рассматривает идентичность и повседневные практики технологических предпринимателей в России как отражение культурных особенностей инновационной и предпринимательской деятельности.

Принято выделять два основных типа моделей инновационного развития страны: (1) западный путь, ориентированный на наукоцентризм и идущий от фундаментальных исследований, которые затем вносят вклад в развитие прикладных технологий, и (2) азиатский, берущий начало на рынке, в спросе на технопродукцию [Олимпиева 2020]. Как показывают авторы книги, деятельность российских техно-

предпринимателей не укладывается ни в одну из этих институциональных логик. Именно поэтому, на наш взгляд, важен использованный в представленной книге этнографический метод. Российские инноваторы, как показало исследование, репрезентируют специфические социокультурные особенности, личностные и культурные аспекты становления феномена технологического предпринимательства и оформления соответствующего рынка.

На протяжении книги авторы демонстрируют, что для российских изобретателей мантрой оказывается идея творчества в своей работе. Процесс изобретения, по убеждению технопредпринимателей, самоценен: понятие «творчества» оказывается стержнем, вокруг которого выстраивается и осмысливается их опыт. Созидание даёт инженерам ощущение *творца*, способного «оставить вмятину во Вселенной» (с. 242) и познать её тайны, оказывается значимым и доминирующим компонентом их самооценки и идентичности во всех сферах жизни, свидетелем способностей и приложенных усилий. В таком случае коммерциализация изобретения не только вытеснена из приоритетов инженеров в силу своей рискованности (так как у разработчиков, как правило, отсутствуют предпринимательские навыки) и тянущегося из СССР и 1990-х гг. негативного образа бизнесмена, но и противоречит их ценностям.

В существующем российском публичном дискурсе технологические предприниматели обсуждаются, скорее, с экономической перспективы: каковы их экономические мотивы и реакции на условия бизнес-среды? Причём, как правило, количественно анализируются действующие на рынке технопредприниматели, из-за чего выводы этих исследований могут быть ошибочны, представляя оценки мотивации предпринимателей, заведомо выбравших путь маркетинга своей инновации, или упуская инженеров, не имевших успеха в разработке и не попавших в выборку. На этом фоне книга «Фантастические миры российского хай-тека» ценна вкладом в дискуссию о феномене российского технопредпринимательства, поскольку раскрывает повседневные практики «идейных» инноваторов, их личностные характеристики и внутренние установки. Стоит отметить, что книга показывает индивидуальный уровень осмысления технологического предпринимательства, тогда как само исследование, инициированное Роснано, более многоуровневое и целостное, что подчёркивают в публичных выступлениях авторы. Проект включает институциональный уровень, на котором был проведён сравнительный анализ инновационных экосистем выбранных стран [Гладарев et al. 2013; Гладарев 2015].

Сделанные авторами на основе дискурсивных данных выводы представляют собой набор первичных предположений для академического и публичного обсуждения, а развиваемая ими объяснительная схема внутренних обоснований работы техноинноваторов — одна «из возможных интерпретаций мира учёных и инженеров» (с. 361). Авторы постоянно указывают на гипотетический характер результатов и необходимость дальнейшей проверки приводимых аргументов. Результаты исследования имеют большой практический потенциал (собственно, прикладная значимость исследования следует из специфики исходного исследовательского проекта и подробно представлена в заключении). Однако, как резюмируют сами авторы и подчёркивает О. Бычкова, выводы тяжело применить для разработки прямых рекомендаций. Кажется, представленные в рецензируемой книге иллюстрации и аргументы могут стать пищей для размышлений в управлении технологическим предпринимательством и основой системных изменений, но не сиюминутных практических импликаций.

Формулируя проблему исследования, авторы заведомо сместили фокус своего рассмотрения с институциональных барьеров на индивидуальные практики и то, как в них выражен социокультурный контекст создания технопродукта. Однако для практических импликаций результатов существенна конфигурация институциональных условий, в которые погружены ценностные миры инженеров. По убеждению авторов, на данный момент нет явных рычагов, с помощью которых можно быстро сменить идеологию российских технологических предпринимателей. Прежде всего, стоит «определиться — считать ли кайф от творчества и вдохновения пороком или достоинством российских технопредпринимателей» (с. 370).

Если рассматривать творческие порывы инженеров как ограничение их профессионального развития, то авторы предлагают формировать на культурном уровне установку на маркетинговую изобретений, со школьной скамьи работать над формированием стратегии воплощения навыков, что гораздо больше, чем просто наработка умений работы с оборудованием, даваемых в учебных заведениях (чему и посвящена четвертая глава книги). Если же не пытаться бороться с одухотворённостью инженеров, а видеть это как достоинство, то необходимо научить технопредпринимателей позиционировать разработку как способ устранить с её помощью «раздражающую аномалию» обыденной жизни и тем самым перевернуть повседневность. Этот путь кажется авторам гораздо более трудным, поскольку навык «отстранения» повседневности у технопредпринимателей есть, но он сугубо индивидуализированный и не всегда сопряжён со «счастьем для всех», а не только для разработчика (с. 371–376).

В целом наиболее релевантными рекомендациями оказывается комплекс мер по институциональной перестройке инновационной экосистемы России, а также социокультурных установок отечественных инноваторов. И сами авторы признают тотальность и долгосрочность этих возможных решений. Хочется надеяться, что выводы исследования получат должное внимание на институциональном уровне, хотя в государственных структурах риторика технопредпринимательства делает акцент на коммерческую составляющую (вопреки магистральной для содержания книги теме о том, что рыночная мотивация не является для российских инженеров приоритетной). Нередко управленцы убеждены, что для технопредпринимателей первичны бизнес-ориентеры и что инженеры обладают «не только предпримчивостью, а ещё багажом знаний и потенциалом для выявления и решения уникальных задач» [Смирнов 2016].

Ключевой для книги подход исследований науки и технологий (STS) служит продуктивной рамкой для рассмотрения проблемы и позволяет обратить внимание на социальную укоренённость технологического предпринимательства, увидеть за физическими технологиями, оборудованием, институтами людей и социальные отношения, в которых «вынашиваются» разработки. Подход STS критикуется во внешнем сообществе за размытость и бессистемность [Geels 2007], однако эта неструктурированность кажется, скорее, преимуществом, открывающим возможности для многогранного и нетрадиционного рассмотрения проблемы.

Книгу отличают методологическая тщательность и неожиданные инсайты, стимулирующие читателя иначе взглянуть на процесс разработки и личность технопредпринимателей. Подводя итог, О. Бычкова рассуждает о месте социального учёного в данном исследовании, занимавшего двойную позицию слушающего и, что оказалось удивительным и неожиданным, наделяющего разработчиков личностью через признание их достижений (с. 353–362). На наш взгляд, это методологическое наблюдение не только фиксирует возможное влияние ситуации интервью на выводы исследования, но и становится своего рода автоэтнографическим элементом исследования. Авторы скрупулезно обосновывают применение качественной методологии, теории критической способности Л. Болтански и Л. Тевено и то, каким образом социология «градов» используется для анализа нарративов. В конце монографии приведены гайд интервью, примеры транскриптов и процедуры кодирования нарративов. Кажется, что авторы сумели отрефлексировать и обозначить все возможные методологические ограничения исследования, касающиеся выбора кейсов и технологических экосистем, качественного подхода и дискурсивного уровня анализа (в том числе не раз проговаривается, что в интервью участники, как казалось из беседы, впервые задумывались насчёт ряда вопросов). Подробные приложения, демонстрирующие методику сбора и анализа данных, делают результаты методологически обоснованными, а книгу — доступной для широкой аудитории. Она написана живым языком, фрагменты из интервью становятся ещё и очень выразительными иллюстрациями аналитических выводов, погружают читателя в мир технопредпринимателей. Книга будет интересна самому широкому кругу читателей, поскольку каждый сможет найти в ней неожиданные идеи: пищу для размышлений, основания для собственных исследований, примеры

реализации качественной парадигмы социологического анализа, вдохновляющие фрагменты нарративов и элементы удивительного мира технологического предпринимательства в России.

Литература

- Барт Я. et al. 2019. Прагматическая социология: инструкция по применению. *Социология власти*. 31 (2): 176–216.
- Болтански Л., Тевено Л. 2013. *Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов* (перев. с франц. О. В. Ковеневой под науч. ред. Н. Е. Копосова). М.: Новое литературное обозрение.
- Гладарев Б. 2015. «Шкалы» и «миры» технопредпринимателей Финляндии, Южной Кореи, Тайваня и России и их влияние на успех в бизнесе. Фонд «Контекст». 19 февраля. URL: <http://contextfound.org/events/y2015/m2/n100>
- Гладарев Б. et al. 2013. Выявление индивидуальных моделей поведения (механизмов самореализации, стратегий достижения успеха), влияющих на эффективность деятельности инновационных, высокотехнологичных компаний. Итоговый отчет. Центр изучения науки и техники ЕУСПБ. URL: https://euspp.org/sites/default/files/archive/sts/Итоговый_отчет.pdf
- Олимпиева И. 2020. «Учёный предприниматель»: гибридная идентичность и её роль в науке и бизнесе. Фонд «Контекст». 19 мая. URL: <http://contextfound.org/events/y2015/m3/n101>
- Смирнов А. 2016. Технологическое предпринимательство. Юрий Удадьцов: «Нужно вырастить когорту технопредпринимателей». *Роснано*. 28 декабря. URL: <https://www.rusnano.com/about/press-centre/media/20161228-izvestiya-tekhnologicheskoe-predprinimatelstvo-interviyu-yuriy-udaltsov>
- Bailetti T. 2012. Technology Entrepreneurship: Overview, Definition, and Distinctive Aspects. *Technology Innovation Management Review*. 2 (2): 5–12.
- Geels F. 2007. Feeling of Discontent and the Promise of Middle Range Theory for STS Examples from Technology Dynamics. *Science, Technology & Human Values*. 32 (6): 627–651.
- Graham L. R. 2013. *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge, MA: The MIT Press.
- Matza T. 2012. «Good Individualism»? Psychology, Ethics, and Neoliberalism in Postsocialist Russia. *American Ethnologist*. 39 (4): 804–818.
- Schatzki T. 2002. *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change*. University Park: Pennsylvania State University Press.
- Florida R., Mellander C., King K. 2015. *The Global Creativity Index*. Toronto: Martin Prosperity Institute. URL: <https://budstars.com/martinprosperity/Global-Creativity-Index-2015.pdf>

NEW BOOKS

Daria Lebedeva

Create not to Commercialize: On the Everyday Practices of Russian Technopreneurs

Book Review: Bychkova O., Gladarev B., Harkhordin O., Tsinman Zh. (2019) *Fantasticheskie miry rossiyskogo hay-teka* [Sci-Fi Worlds of Russian Hi-Tech], St. Petersburg: EUSP Press (in Russian)

LEBEDEVA, Daria — MA Student; Research assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: dlebedeva@hse.ru

Abstract

What is the reason for the low commercialization of high-tech innovations in Russia? Given the Russian engineers' high scores on initiative, creativity, and technical competence, why is there no successful launch of manufactured—often amazing—inventions on domestic and international markets? Does Russia have a specific way of development in the sphere of high technologies? The research team of sociologists from the European University at St. Petersburg (EUSP)—Olga Bychkova, Boris Gladarev, Oleg Harkhordin, and Zhanna Tsinman—offer answers to these questions in their book, *Sci-Fi Worlds of Russian Hi-Tech*. Based on a large set of in-depth interviews with entrepreneurs from Russia, as well as Finland, Taiwan, and South Korea, the authors' focus is not on institutions but on the technopreneurs themselves, who update the high-tech markets on their daily practices, ways of social interaction, worldviews, interactions with developers, technical prototypes, and themselves. Employing the concepts from the theory of practice and science and technology studies (STS), the authors have attempted to re-examine the life worlds of Russian technopreneurs and to align their individual narratives with the sociocultural context in which the daily life of developers is embedded. The researchers show the way that engineers live, in which value categories make sense of their work and daily practices, and how it may determine the technological development of the Russian economy and the whole society at the macro level.

The book is filled with detailed and thorough descriptions of methodology and fieldwork, rich and illustrative quotations from the narratives of innovators, and the justification for the theoretical framework of the study. It is addressed to a wide readership and will be useful for sociologists, including those interested in research on science and technology, and for the general public who strives to open up the daily life of those whose works try to “crack the laws of the universe.”

Keywords: technological entrepreneurship; innovation; creativity; commercialization; science and technology studies; pragmatic turn; order of worth.

References

- Bailetti T. (2012) Technology Entrepreneurship: Overview, Definition, and Distinctive Aspects. *Technology Innovation Management Review*, vol. 2, no 2, pp. 5–12.
- Barthe Y., Blic D. de, Heurtin J.-P., Lagneau E., Linhardt D., Moreau de Bellaing C., Lemieux C., Rémy C., Trom D. (2019) Pragmaticheskaya sotsiologiya: instruktsiya po primeneniyu [Pragmatic Sociology: A User's Guide]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, vol. 31, no 2, pp. 176–216 (in Russian).

- Boltanski L., Thévenot L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov* [Critique and Justification of Justice: An Essays on the Sociology of Worlds], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Florida R., Mellander C., King K. (2015) *The Global Creativity Index*, Toronto: Martin Prosperity Institute. Available at: <https://budstars.com/martinprosperity/Global-Creativity-Index-2015.pdf> (accessed 29 December 2020).
- Geels F. (2007) Feeling of Discontent and the Promise of Middle Range Theory for STS Examples from Technology Dynamics. *Science, Technology & Human Values*, vol. 32, no 6, pp. 627–651.
- Gladarev B. (2015) “Shkaly” i “miry” tekhnopredprinimateley Finlyandii, Yuzhnoy Korei, Tayvanya i Rossii i ikh vliyanie na uspekhi v biznese [“Scales” and “Worlds” of Technopreneurs in Finland, South Korea, Taiwan and Russia and Their Impact on Business Success]. “Context” Foundation, 19 February. Available at: <http://contextfound.org/events/y2015/m2/n100> (accessed 29 December 2020) (in Russian).
- Gladarev B., Olimpieva I., Harhordin O., Tsinman Zh., Chernysh A. (2013) Vyyavlenie individual’nykh modely povedeniya (mekhanizmov samorealizatsii, strategiy dostizheniya uspekha), vliyayushchikh na effektivnost’ deyatel’nosti innovatsionnykh, vysokotekhnologichnykh kompaniy. Itogovyy otchyot [Identification of Individual Behavioral Models (Mechanisms of Self-Realization, Strategies for Achieving Success) that Affect the Effectiveness of Innovative, High-Tech Companies. Final report]. *Center for Science and Technology Studies (STS Center) EUSP*. Available at: https://eusp.org/sites/default/files/archive/sts/ИТОГОВЫЙ_ОТЧЕТ.pdf (accessed 29 December 2020) (in Russian).
- Graham L. R. (2013) *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge, MA: The MIT Press.
- Matza T. (2012) “Good Individualism”? Psychology, Ethics, and Neoliberalism in Postsocialist Russia. *American Ethnologist*, vol. 39, no 4, pp. 804–818.
- Olimpieva I. (2020) “Uchyonny predprinimatel’”: gibridnaya identichnost’ i ee rol’ v nauke i biznese [“Scientist Entrepreneur”: Hybrid Identity and Its Role in Science and Business]. “Context” Foundation, 19 May. Available at: <http://contextfound.org/events/y2015/m3/n101> (accessed 29 December 2020) (in Russian).
- Schatzki T. (2002) *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change*, University Park: Pennsylvania State University Press.
- Smirnov A. (2016) Tekhnologicheskoe predprinimatel’sтво. Yuriy Udaltsov: “Nuzhno vyrastit’ kogortu tekhnopredprinimateley” [Technological Entrepreneurship. Yuri Udaltsov: “We Need to Grow a Cohort of Technopreneurs”]. *Rosnano*, 28 December. Available at: <https://www.rusnano.com/about/press-centre/media/20161228-izvestiya-tekhnologicheskoe-predprinimatelstvo-interviyu-yuriy-udaltsov> (accessed 29 December 2020) (in Russian).

Received: January 12, 2021

Citation: Lebedeva D. (2021) Tvorit’ nel’zya kommersializirovat’: o povsednevnykh praktikakh rossiyskikh tekhnopredprinimateley [Create not to Commercialize: On the Everyday Practices of Russian Technopreneurs. Book Review on Bychkova O., Gladarev B., Harkhordin O., Tsinman Z. (2019) *Fantasticheskie miry rossiyskogo hay-teka* [Sci-Fi Worlds of Russian Hi-Tech], St. Petersburg: EUSP Press (in Russian)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 124–139. doi: 10.17323/1726-3247-2021-1-124-139 (in Russian).

DEBUT STUDIES

Ilia Viatkin, Kristina Komarova

A Loosening Grip: Why Do Autocracies Engage in the Neoliberalization of Their Welfare Sectors?

VIATKIN, Ilia — BA Student, Educational program «Political Science and World Politics», St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, National Research University Higher School of Economics. Address: 123A Kanala Griboedova embankment, St. Petersburg, 190068, Russian Federation.

Email: iovyatkin@edu.hse.ru

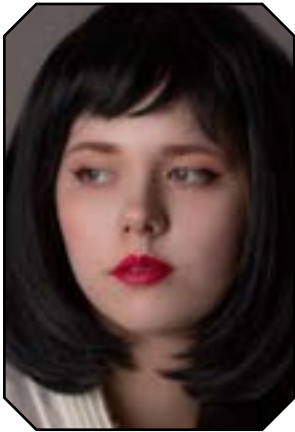
Abstract

Despite the wealth of studies on neoliberalism, research on why authoritarian states engage in processes of neoliberalization remains scarce. Therefore, our article seeks to explore why autocracies use neoliberal power practices, which, as suggested by Foucauldian governmentality approach to neoliberalism, are understood as governance techniques aimed primarily at disciplining and controlling populations through promoting the free market as a key form of societal organization. Empirically, these power practices can manifest in a state's withdrawal from the provision of welfare services. However, scholars have argued that control over the public sector is essential to the maintenance of authoritarian regimes, and hence, governments must have compelling reasons to opt for its neoliberalization. In this study, we employ three mutually nonexclusive theoretical perspectives that suggest incentives that may motivate autocrats to retreat from the welfare sector; these are the authoritarian legitimation, authoritarian modernization, and political economy perspectives. By means of a fuzzy-set qualitative comparative analysis, we tested the foregoing theories on a sample of 42 autocracies active during 1980–2005. The results revealed that authoritarian modernization theory has the highest explanatory capacity, as it identifies two distinct pathways to public sector neoliberalization—internal and external policy considerations or one of the two—while the political economy perspective was an important theoretical concern in several cases. Overall, our paper contributes to research on the governmentality approach to neoliberalism and serves as a departure point for further investigations into neoliberal authoritarianism.

Keywords: authoritarian modernization; authoritarian regimes; governmentality; neoliberalization; power practices; qualitative comparative analysis; welfare state retrenchment.

Introduction

The neoliberal restructuring of economies has attracted a great deal of academic attention since 1990s. The literature is multifaceted and examines the context, causes, and consequences of neoliberal reforms. However, it concentrates predominantly on developed and democratic countries of the Western world, and the conclusions are limited to a description of general patterns of global neoliberalization processes (e. g., [Chomsky 1999; Rose 2000; Comaroff, Comaroff 2001; Plehwe, Walpen, Neunhöffer 2006; Brown 2018]). Meanwhile, the foci of authoritarianism research have been regime collapse and survival strategies, with a general neglect of the “interesting everyday politics of authoritarian rule, consigning this to the realm of case studies by country experts” [Pepinsky 2008: 1].

KOMAROVA, Kristina —
BA Student, Educational
program «Political
Science and World
Politics», St. Petersburg
School of Social Sciences
and Area Studies,
National Research
University Higher
School of Economics.
Address: 123A Kanala
Griboedova embankment,
St. Petersburg, 190068,
Russian Federation.

Email: [kakomarova@
edu.hse.ru](mailto:kakomarova@edu.hse.ru)

Additionally, there are multiple examples of authoritarian states¹ adopting power practices that essentially replicate the neoliberal governing techniques of Western liberal democracies, which constitute the whole range of neoliberal exceptions [Ong 2006]. It would be erroneous to claim that those exceptions have not been included in the orbit of scholarly analysis, as we can cite a number of descriptive case studies that discuss the use of neoliberal policies by certain authoritarian regimes (e. g., [Bedirhanoglu, Yalman 2010; Klimina 2011; Liow 2012; Lim 2017; Springer 2017]). However, few of these works have examined the variety of causes that motivate autocrats to resort to neoliberal governance techniques, with the exception of several accounts that nevertheless applied a uniform explanation foregrounding the trend of governments' following the global neoliberal tendencies enforced by the agents of international capitalism (e. g., [Gill 1995; Harvey 2007; Duménil, Lévy 2011]).

To address the gaps described above, our research contains three distinctive features that contribute to its academic relevance: (1) it shifts away from the case study approach and incorporates a significantly greater number of cases in its analysis; (2) it goes beyond uniform explanations of autocracies' adoptions of neoliberal practices and considers a plethora of other determinants; and (3) it focuses on the adoption of specific neoliberal practices instead of the complex neoliberal transformations of autocracies' economies. More broadly, this article contributes to the advancement of knowledge on the issue of neoliberal authoritarianism in that it considers a multitude of cases and presents its findings via a comparative perspective. It is important to note that we concentrated on combination of causes, respecting the principle of causal complexity and equifinality in the social sciences [Braumoeller 2003]. This was reflected in the way we formulated our research question: what combination(s) of conditions compelled autocracies to use neoliberal power practices during 1980–2005? To answer the question and accommodate the research design requirements discussed later in this article, we opted to use a fuzzy-set qualitative comparative analysis (fsQCA) as a key methodological tool.

The remainder of this article proceeds as follows: first, we elaborate on the difficulties of working with the concept of neoliberalism. Next, we examine the conceptualization of neoliberal power practices we used in this study. We continue with a review of the theoretical models that explain the reasons autocrats are motivated to employ neoliberal governance practices, moving on to show how the key concepts of the respective models are operationalized using appropriate data sources. We then describe the fsQCA process and offer an interpretation of our results. Finally, the conclusion gives a summary and critique of our findings.

Neoliberal Power Practices and Authoritarian Regimes

Defining Neoliberalism: Major Traditions and Conceptual Difficulties

In modern empirical research, any attempt to use the concept of neoliberalism entails rigorous criticisms from scholars claiming that what we has been defined as “neoliberal” misrepresents and/or overlooks reality and those convinced that it cannot be measured empirically at all. Indeed, during its brief existence in

¹ We use the terms “autocracy,” “dictatorship,” and “authoritarian regime (state)” as interchangeable.

academic and public discourses, neoliberalism has been conceptualized as an international relations theory paradigm, a political economy doctrine, and a political project dedicated to restoring the power of elites, to name only a few interpretations [Birch 2015]. Further, as Venugopal highlighted, the term “neoliberalism” has also been used to denote an enormous multitude of empirical objects, including processes, practices, and much else, from the transformations of cities to ecological changes [Venugopal 2015]. This vagueness is difficult to resolve because there is no classical work or author acknowledged by the majority of the scholarly community that can serve as a primary reference in the way that Weber has on the issue of bureaucracy or Almond and Verba have on political culture.

Despite that, in their recent article recognizing the foregoing conceptual problems, Birch and Springer rethought neoliberalism as an analytical tool and attributed critical understandings of it to one of three intellectual traditions: Foucauldian thought, Marxist thought, and the so-called ideational analyses that combine multitude of emerging approaches [Birch, Springer 2019]. Although the authors noted that all three traditions agree on two features of neoliberalism—the *ascendancy of the market ideas* and consequential *alterations in people’s behavior and organizational structures*—there are still significant conceptual differences among them [Birch, Springer 2019: 471–478].

The ideational analyses have been primarily concerned with the spread of ideas and the power associated with them. In particular, representatives of this school examine how market thinking has influenced thought collectives and policy makers throughout the world [Jones 2014]. In contrast, the Marxist tradition is far more materialistic, as it is centered around notions of class and capital accumulation. Analysts of that direction tend to perceive neoliberalism as a disguise for a global redistribution of wealth that favors the economic elite [Harvey 2007; Duménil, Lévy 2011]. To explain this perception, key thinkers of the Marxist tradition have incorporated Gramscian ideas of cultural hegemony to address global political and economic restructuring processes [Jessop 2016]. In their view, the process of imposing neoliberalized regimes is uniform, disciplinary, not particularly influenced by country-specific contexts, and driven by globally constituted forces and class interests [Gill 1995].

Proponents of the Foucauldian approach to neoliberal power pay attention to a state’s political rationality and the technologies it uses to govern [Foucault 2008; Dardot, Laval 2014; Brown 2015]. While the former refers to modes of remote governing through indirect means, the latter refers to the tendency to economize human life by constructing a specific subjectivity of the “entrepreneurs of the self” [Lemke 2001; Birch, Springer 2019: 479]. Further, Foucauldian tradition is reinforced and conceptually complemented by the field of neoliberalization studies described in Brenner et al.’s influential work [Brenner, Peck, Theodore 2010]. In this paper, we do not focus on the framework they developed by combining the Marxist and Foucauldian perspectives, though what they described as the “governmentality approach” is particularly interesting [Brenner, Peck, Theodore 2010: 199]. They drew clear lines among the holistic and structuralist premises of the Marxist approach and the grassroots context-specific manifestations of neoliberal governmentality. Advancing the latter perspective, they cited Ong’s argument prioritizing the investigation of the “discursive and nondiscursive practices” [Ong 2006: 13] that constitute neoliberal rule and calling for researchers to focus on tracing the “migration of governmental techniques and programming technologies, their deployment in diverse sociopolitical settings, and their eclectic translation and operationalization” [Brenner, Peck, Theodore 2010: 199].

Generally, this approach refers to Foucault’s thoughts by focusing on the “infiltration of market-driven truths and calculations into the domain of politics” [Ong 2006: 4] and the overall treatment of local governing actors as the core agents of neoliberalization instead of abstract forces of global capitalism, which is the framing of the Marxist paradigm [Larner 2003]. Finally, contextually specific “assemblages” of techniques [Ong 2006: 14] formed in each case of neoliberalization are accentuated, as is the selective deployment or “domestication” [Smith, Rochovská 2007: 1163] of technologies used to pursue neoliberal rule [Ong 2007]. Examples of those technologies (power practices), which are discussed in detail further, are the introduction

of market incentives into the operation of the state bureaucracy and the delegation of public goods provision to market forces. Based on that, Ong denotes the selective and incoherent ingraining of neoliberal projects outside the Anglo-American world as spaces of exception since they do not fit conventional analytical models explaining the neoliberalization processes in the developed countries [Ong 2007].

Therefore, our study's theoretical framework rests on the governmentality approach to neoliberalism. This means that we have assumed that local political elites are the key drivers of adoption of technologies that facilitate neoliberal rule selectively appropriating them in accordance with their self-interest rather than simply surrendering to the exogenous "economic tsunami that attacks national space" [Brenner, Peck, Theodore 2010: 199].

What About Neoliberal Authoritarianism?

Most contemporary neoliberalism studies that engage the notion of authoritarianism have concentrated on what could be characterized as "authoritarian neoliberalism" (e. g., [Bruff 2014; Butler 2018; Giroux 2018; Bruff, Tansel 2019]). Such works are unified by Marxist propositions that analyze neoliberalism and approach neoliberal metamorphoses through the prism of the global ruling elite's economic considerations. They assert that neoliberal policies are used as repressive state tools that secure the power positions of the ruling class by suppressing and marginalizing opposition and dissatisfied groups [Bozkurt-Güngen 2018; Bruff, Tansel 2019; Fabry 2019]. This position essentially echoes mechanisms that Poulantzas put forward in his concept of authoritarian statism [Poulantzas 1978: 203–217], thus viewing authoritarianism not as a type of political regime but rather as a manner (uncompromising and violent) in which policy measures are imposed on society and subsequently enforced.

Furthermore, the focus of said studies has been on the package of macroeconomic policies governments introduce under the supervision of international financial institutions (e. g., [Giroux 2018; Bruff, Tansel 2019]). A significant portion of the literature has philosophical implications regarding how neoliberal logic and policies have corrupted Western democracies and the post-socialist and post-colonial worlds [Bruff, Tansel 2019]. At the same time, examinations of neoliberal authoritarianism are still confined to the Latin American neo-conservative dictatorships of the late 20th century, the economies of which were testing grounds for grandiose neoliberal experiments (e. g., [Schamis 1991; Roberts 1995; Roman, Arregui 2012]).

Hence, we drew on insights from the growing volume of authoritarian studies, listed in below in the article, to examine instances of neoliberal authoritarianism (i. e., neoliberal rule in modern autocracies). Further, we aimed to have this paper shift attention from the complex neoliberal transformations of national economies in authoritarian environments to targeted neoliberal power practices driven by regime-perpetuating motives rather than purely economic rationales. The distinction between neoliberal policies and practices is delineated in the following section.

Practices versus Policies

The final feature of our research design is our focus on a state's power practices rather than the policies it pursues. The latter pertains to the deliberate and complex actions that governments, authoritarian or otherwise, implement in the hopes of achieving certain economic or social goals [Howlett, Cashore 2014], including neoliberal policies that involve the widespread privatization of state property, austerity measures in state budgets, the flexibilization of labor laws, and the disempowerment of unions. In contrast, the power practices of neoliberal governmentality refer to the patterns of exercising power that serve the singular goal of enforcing the state's role as an instance of control manifested in a plenitude of forms, as articulated by the Foucauldian perspective on neoliberalism described above [Lazzarato 2009].

As can be seen, neither concept distinguishes between democratic or authoritarian policies or practices. Therefore, neoliberal practices and how authoritarian regimes employ them are examples of what will serve as an outcome variable in our research. The core neoliberal principle characterizing an entire set of empirical testimonies is the superiority of markets over other forms of organization, mainly state control. One category of such practices involves techniques that expand market mechanisms into spheres not previously considered marketizable.²

The most salient illustration of how those practices are internalized by autocracies is the numerous attempts of their leadership to create market-like incentives for the state's executive agencies. This approach has drawn upon the New Public Management paradigm originated in the 1980s, as an attempt to improve quality of public administration. In particular, it has sought to remake some of the cornerstone principles of Weberian rational bureaucracy – job stability, template procedures, and disinterest in the result of work—with the introduction of performance indicators and elements of inter-agency competition for funding along with the decentralization of administrative hierarchies [Hood 1991; Lane 2000]. In other words, it could be compared to the movement toward a more technocratic mode of government that resembles corporate management mechanisms. The adoption of a system of key performance indicators in government bodies, as well as the use of project activities to perform administrative tasks, could be cited as empirical epitomes of neoliberal power practices aimed at the marketization of various spheres of life [Marschke 2002; Libman, Rochlitz 2019].

The second category of neoliberal practices is connected to the selective retreating of the state from realms over which it was once responsible [Navarro 1998]. This may include the state's withdrawal from the provision of public goods, thus allowing private enterprise to occupy the market, or it may refer to the deregulation of a subject-specific legislation and the delegation of political autonomy to local communities. In this context, the delegation of welfare provision to market forces may appear to an autocrat as a financially tempting step. Nevertheless, scholars have recently demonstrated that the public sector is an essential component of authoritarian infrastructural power that cannot be abandoned without bearing the respective political costs of losing public support and leverage over a ramified network of public sector institutions (see: [Forrat 2018; Eibl 2020: 36–38]).

The bottom line is that both categories of neoliberal power practices are important for empirically gauging the essence of welfare sector neoliberalization. However, operationalizing and quantitatively measuring practices of bringing the economy into politics is problematic, since there is scant reliable data on the issues. Meanwhile, the withdrawal of state from the provision of welfare services is much easier to measure because it represents a long-term state project, and the evidence of its implementation can be found in open data sources. Therefore, we used the introduction of neoliberal practices to the public sector as a key empirical indicator of neoliberalization in autocracies.

Theoretical Models Explaining Why Autocrats Prefer Market Control over State Control

This section reviews the key theories on why autocratic regimes launch neoliberal reforms, also conceptualized as adaptive strategies. Framing neoliberal power practices as adaptive strategies allowed us to make use of the rich theoretical apparatus provided by research on the relationship between markets and authoritarianism. In this field, three blocks of literature can be distinguished: studies focused on the legitimization of autocracies, those focused on the modernization of autocracies, and those focused on the political economy perspective.

---

² This strain of thought dates back to Karl Polanyi's idea of the double movement, depicting the development of modern society as the opposition of processes of marketization and counter-process of society's insulation from the impact of market forces [Polanyi 1944].

Legitimization of Autocracies

Gerschewski's crucial work on the legitimization of authorities offers the so-called WZB model³ of authoritarian resilience based on the "three pillars of stability" [Gerschewski 2013: 14]. The model considers what combinations of high and low levels of legitimization, co-optation, and repression strategies contribute to autocracies' persistence. We contend that what are identified as neoliberal power practices in our paper may constitute a part of a regime's legitimization measures. Gerschewski argued that one needs to estimate the "specific" and "diffuse support of legitimation" of authoritarian regimes [Gerschewski 2013: 18–21]. Specific support is a dictatorship's ability to satisfy popular socioeconomic demands and provide physical security, including law and order [Gerschewski 2013: 18–21]. Diffuse support provides a regime with long-term legitimization reflecting what it "actually is or represents," referring to the intangible support that emanates from a state's ideology, nationalistic and traditionalistic sentiments, or a leader's charisma [Gerschewski 2013: 20].

Thus, a state's partial withdrawal from the public sector may boost the regime's legitimacy for several reasons. Above all, it must be noted that the privatization of state enterprises, budget sequestration, and the redefining of welfare state principles have been integral components in international financial institutions' policy recommendations for developing often-indebted countries. Hence, on the one hand, even a selective adherence to best practices supplemented by an appropriate discursive framing grants autocrats the image of reformer both inside (at least among the progressive circles of policy experts and researchers) and outside their countries, thus enhancing their international recognition. On the other hand, neoliberalization of the welfare sector facilitates the meeting of conditions for obtaining loans from the IMF and World Bank while elevating the country's attractiveness to foreign investors.

Notably, it is the very act of promoting neoliberal practices that gives a dictator additional legitimacy via the foregoing mechanisms, while the effects of those practices on the quality of welfare, the health of the population, and other social indicators is a separate matter.

After considering the above factors, we formulated our first research hypothesis (*H 1*): *if an authoritarian regime lacks either specific or diffuse legitimacy, it will withdraw from the public sector.*

Authoritarian Modernization

Another explanatory framework can be derived from the developing strain of authoritarian modernization studies (e. g., [Lo, Shevtsova 2012; Gel'man 2017; Foa 2018]). Accounts belonging to this direction have highlighted contextual and structural factors that could stimulate an autocrat's initiation of economic reform—or, as Gel'man and Starodubtsev put it, the "narrow version of modernisation" [Gel'man, Starodubtsev 2016: 99]. As a basic motivation, scholars have emphasized the impact of a state's usually low level of socioeconomic development and poor quality of governance [Gel'man, Starodubtsev 2016: 99–100]. Therefore, the concept of authoritarian modernization implies an autocrat's desire to launch stable economic growth via substantial structural reforms to eventually improve the country's economic performance and citizens' well-being [O'Donnell 1973].

The concept of authoritarian modernization has a lot to do with the notion of the developmental state, designed to account for the economic rises of the authoritarian Asian Tigers in the post-WWII period. Although the concept of developmental state is more context specific and accentuates a socioeconomic development priority, a commitment to the market, and the opening of most economic sectors to foreign competition [Kohli 2004: 1–24], this is not always the case in processes of authoritarian modernization. At the same time,

---

³ "WZB" stands for "*Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung*" ("Berlin Social Science Research Center").

features of the developmental state, such as the insulation of its bureaucracy from societal pressures, the use of repression, and active state intervention into the economy, resonate with the authoritarian modernization paradigm [Ibid.].

In the context of authoritarian modernization theory, the uses of neoliberal power practices align with the narrative autocrats use to justify it. First, given one of the fundamental postulates of the New Public Management literature on the supremacy of markets over state ownership, especially that of authoritarian states, the privatization of welfare services may indeed increase the efficiency of their delivery [Hood 1991]. Moreover, apart from the problem of inefficient management, neoliberalization of the welfare sector reduces the scope of state officials' corruption, as they lose access to public funds and there is an overall decrease in government spending on the maintenance of welfare infrastructure. Second, the application of neoliberal practices in the welfare realm inherently follows the logic of anti-crisis measures, allowing governments to cut budgetary expenses. To support this claim, one can refer to the fact that the marketization of the welfare sector has been a part of austerity regimes advised to and imposed on depressed economies since the 1980s, particularly via the IMF's notorious structural adjustment programs [Simon 2008].

Finally, we hasten to highlight that dictators' desire to amplify their legitimacy should not be perceived as the natural rationale of their attempts to execute real economic reforms. In fact, such undertakings are highly risky, as the vast majority of them have not achieved their goals and have often ended in serious damage to the dictator's legitimacy and their regime's stability [Fürtig 2009: 18–22].

After considering the above factors, we formulated our second research hypothesis (H 2): *if national economic performance and the state's administrative capacity are poor, an authoritarian regime will retreat from the public sector.*

Political Economy Perspective

The two explanatory frameworks discussed above are featured in the sociological and technocratic approaches to understanding the motives of authoritarian governance, as they foreground the perceptual (legitimation) and instrumental (modernization) causes and implications of political decisions. In contrast, the political economy perspective views the public sector as an element in the contractual relationship between a society and regime, one that exists above all for bargaining and the offering of in-kind benefits in exchange for loyalty.

A key scholar of the political economy of dictatorships, Wintrobe proposed an influential rational choice model describing dictators' economic decisions [Wintrobe 2000]. It assumes that dictators seek to maximize their utility, which includes their power and personal consumption (wealth) [Wintrobe 2000: 43–58]. There are two basic ways dictators can maximize their power: increase either repression or popular loyalty. However, dictators face the necessity of allocating budget resources toward personal power (by conducting repression and developing loyalty in citizens) and personal consumption [Wintrobe 2000: 43–58].

Some scholars used Wintrobe's model to justify autocrats' choices to use market mechanisms under certain circumstances. In the most important of these, Forrat argued that market transformations of the public sector can enlarge a dictator's budget by increasing tax revenue by privatizing welfare services and "reducing (the) costs of loyalty" by cutting welfare spending [Forrat 2012: 7–8]. Additionally, the abolition of the ramified infrastructure of public sector institutions deteriorates opportunities for political mobilization through those channels [ibid]. Finally, Forrat contended that the formal retreat of the state from the provision of welfare service does not mean a loss of leverage over it. On the contrary, state retreat is, as a rule, accompanied by the establishment of new forms of regulations and oversight of private enterprise aimed not so much at controlling business efficiency but mitigating political risks. To exemplify the latter, Forrat cited the consequences of Rus-

sia's educational reform during 2000–2010 in which the granting of greater financial autonomy to universities was done in tandem with a strengthening of the role of the Russian state as a gatekeeper in the educational services market [Forrat 2012: 11–14].

After considering the above factors, we formulated our third research hypothesis (H 3): *authoritarian regimes withdraw from the public sector if doing so brings substantial financial benefits and the regime can mitigate the political risks of public sector autonomy.*

Alternative Explanations

There are rich theoretical debates about the overall relationships between states and markets, but links between authoritarian regimes and markets are usually blurred or treated as nonessential. Among the extant approaches, we must highlight the Marxist approach and the aforementioned developmental state theory.

The Marxist approach foregrounds the role of capital in pushing its vested interests via state agencies (a phenomenon known as state capture—infiltration of state institutions by clientelist networks of private interests informally influencing decision-making to their own advantage), which is exemplified in our case by an economy's deregulation and shrinking of its public sector [Barrow 1993; Harvey 2007]. However, the majority of cases included in our analysis either lack a powerful national bourgeoisie (e. g., almost all states in sub-Saharan Africa), are relatively rich but have strong state autonomy to protect state interests from big capital influence (e. g., Gulf monarchies), or are post-Soviet countries passing through only the first stages of capital accumulation.

Developmental state theory, meanwhile, shares some affinities with the authoritarian modernization paradigm and implies the ensured functioning of market mechanisms but is accompanied with tangible investments in public sector enterprises [Cumings 1999: 61–92; Wade 2004: 8–34]. The rationale behind it is that advancing national health-care, education, and welfare systems fosters the development of human capital, which is an essential component of economic growth, a key target of developmental states [Rapley 1997: 119–135]. Thus, the very essence of a state that has neoliberalized its public sector contradicts the logic that guides the policy making of a developmental state. Thus, our research hypotheses did not draw on the Marxist approach or developmental state theory.

Research Design

Method: Fuzzy-Set QCA

We used the fsQCA as a core methodological tool in this study, and numerous factors dictated the choice. First, the research question overtly implied a need to reveal the complex causal links behind the instances of the welfare sector neoliberalization in autocracies. Further, after removing all missing values, our sample was restricted to an intermediate number of cases (> 10 and < 50); these were too large for a comparative case study and too small for statistical analysis, but they were ideal for QCA [Berg-Schlusser et al. 2009: 3–5]. Additionally, our analysis met another QCA prerequisite requiring the outcome variable to be dichotomous.

However, the main rationale for the choice of an fsQCA was that it allowed for the unravelling of *multiple* and *complex* causal paths leading to the occurrence or nonoccurrence of the outcome in which we are interested [Ragin 2014: 92–93]. Furthermore, while QCA is a methodological technique grounded in the principles of the formal logic of Boolean algebra, fuzzy-set QCA (as opposed to crisp-set QCA) accommodates the use of raw interval data, thus enabling the inclusion of statistical data in the analysis [Ragin 2009: 29–44]. Impor-

tantly, QCA assumes the asymmetry of causal relations in the occurrence and nonoccurrence of the outcome [Schneider, Wagemann 2012: 81]. Hence, while our paper seeks to explain the application of neoliberal power practices in autocracies, cases of non-usage of such practices could not be explained by simply mirroring our findings.

Case Selection

The starting point of our analysis is 1980 because the next decade saw the neoliberal economic doctrine become mainstream, as it was implemented by the Raegan administration in the United States and the Thatcher cabinet in the United Kingdom. During the same period, the International Monetary Fund (IMF) and World Bank began to require that developing countries pursue prescribed structural adjustment programs (implying neoliberal transformations of their economies) in exchange for loans. Therefore, our analysis's time frame is in reality open ended, but the last substantial attempts by autocracies to introduce elements of neoliberalization in their public sectors date back to the early 2000s. Thus, we limited our paper's time frame to 1980–2005.

To develop a sample for analysis, we first needed to arrive at a meaningful definition of “autocracy.” We stuck to the minimalistic and clear account provided by Geddes, Wright, and Frantz, which is widely applied in contemporary authoritarian studies [Geddes, Wright, Frantz 2014]. They proposed that a country be classified as an autocracy if an executive: (1) obtains power by nondemocratic means (i. e., not by free and fair elections), or (2) achieves power through democratic means but later alters those means, or (3) was elected according to democratic rules but the military obstructs compliance with them or alters them [Geddes, Wright, Frantz 2014: 317]. Accordingly, their comprehensive data set embracing autocratic regimes during 1946–2010 constituted the pool of cases for our empirical analysis. After removing all unavailable data, our sample consisted of 42 autocracies, 27 of which implemented neoliberal practices in their public sectors.⁴

Data Sources and Operationalization of Basic Concepts

The main outcome variable we were interested in was dichotomous and reflected whether a given dictatorship applied neoliberal power practices in its welfare sector. Due to the novelty of our conceptualization, we expected it would be difficult to find quantifiable data, and we therefore proceeded with using qualitative techniques to code the outcome variable. Here, we primarily relied on in-depth analyses of cases via examinations of their corresponding international financial institutions' reports and a review of scholarly literature on the issues. The outcome variable was assigned a value of 1 if the country satisfied the following three criteria (and 0 if it does not): (1) there was a significant cut in government social spending; (2) public sector assets were partially or completely privatized; and (3) there was an abolition or deflation of public social insurance.⁵

Turning to the operationalization of independent variables, we used several quantitative metrics to gauge the concepts articulated in the previous section. Concerning legitimization and in line with the distinction offered in Gerschewski's pivotal work, we accounted for the *diffuse* (ideologically fueled) and *specific* (performance-oriented) *support of the legitimization* of autocracies [Gerschewski 2013: 18–21]. To do so, we used von Soest and Grauvogel's expert survey on authoritarian claims to legitimacy [Soest, Grauvogel 2017]. The survey contained approximately 300 questions answered by leading specialists and asked to assess the six basic legitimization strategies of a country's most recent regime. The list of strategies included foundational myths, ideology, personalism, international engagement, procedures, and performance. Following the Maerz approach, we classified the former three as *specific* measures and the latter three as indicators of a regime's *diffuse support for legitimization* [Maerz 2020: 72–75].

---

⁴ The list of cases is available in Appendix 2.

⁵ An example of how the outcome variable was coded can be found in Appendix 1.

To estimate authoritarian modernization theory and bearing in mind the multifaceted nature of that framework, we selected several indicators pertaining to countries' socioeconomic conditions, their involvement in international financial networks, and their state capacity. Accordingly, these indicators the *GDP per capita* we obtained from World Bank data [World Bank 2020], the level of *foreign direct investment* as a percentage of GDP provided by the United Nations Conference on Trade and Development data [UNCTD 2020], and the *quality of governance* operationalized via the International Country Risk Guide (ICRG) indicator of the quality of government that we gathered from a "Quality of Government Institute" data set [Teorell et al. 2020]. The latter indicator comprised the mean score of the three ICRG variables: corruption, law and order, and bureaucracy quality scaled at the interval between 0 and 1 [The PRS Group 2014; Teorell et al. 2020].

The measurement of the quality of governance was vital to operationalizing the political economy perspective, though we also employed the variable of *government welfare spending* from a data set "Global State Revenues and Expenditures" covering public finance in developing countries [Richter, Lucas 2016]. It measured combined government expenditures (in U.S. dollars) on education, health, social protection, housing, and other social welfare contributions as a decimal share of total budget revenues. Further, it was advantageous because it supplemented the IMF's country-specific budgetary data that otherwise lacked information on most authoritarian countries with data from the IMF's archived documents.

Coding of Causal Conditions

The procedure we used to code variables was two-fold. First, we used a qualitative inquiry to code the outcome variable: the neoliberalization of the welfare sector. If such an outcome was present for a particular country, we pointed out the year when the corresponding measures began to be implemented. Having specified this date, we used the 10-year period prior to code all other variables (causal conditions). Specifically, we calculated the median values of the respective variables for the 10-year period. In cases in which the outcome did not occur, we applied a similar coding procedure for calculating each variable median value for the 1980–2005 period, although the analyzed period was often shorter due to the unavailability of data. The only exceptions were the diffuse and specific support of legitimization in the constant values of each autocracy we considered [Soest, Grauvogel 2017].⁶

In other words, the chosen coding procedure aimed to increase our findings' internal validity by controlling for possible changes over time in autocracies' socioeconomic performances as well as their intrinsic levels of legitimacy.

Calibration Strategy

As stated, fsQCA allowed us to work with raw interval data, but eventually, we had to transform it by assigning memberships scores (ranging between 0 and 1) to all cases using a specific calibration procedure. This was carried out by setting appropriate threshold values (anchors) for full exclusion and inclusion into one set or another as well as the crossover point (see Table 1).

---

⁶ Dates chosen for the remaining variables' coding and their values for each case can be found in Appendix 2.

Table 1

Anchors for Calibration of Causal Conditions

Set Label	Abbreviation	Source	Fully out	Crossover	Fully in
High specific support for legitimization	LEGS	[Soest, Grauvogel 2017]	0.275	0.6	0.92
High diffuse support for legitimization	LEGD		0.5	0.775	0.9
High-quality of governance	QOG	[Teorell et al. 2020]	0.25	0.475	0.58
High foreign direct investment	FDI	[UNCTD 2020]	0.4	1.25	2.5
High GDP per capita	GDP	[World Bank 2020]	1025	2510	3995
High government welfare expenditure	WELFS	[Richter, Lucas 2016]	0.22	0.34	0.50

To calibrate six legitimization strategies, three of each gauge diffuse (causal condition: *LEGD*) and the other three gauge specific support of legitimization (*LEGS*), we adhered to an approach developed by Maerz, who improved Soest and Grauvogel's calibration procedure [Maerz 2020: 75–76]. Anchors for the variable GDP per capita (*GDP*) were specified following the World Bank's suggestion to use 1,025 and 3,995 USD of GDP per capita as a basis for categorizing a country as either lower-middle or upper-middle income [World Bank 2019]. Our choice of thresholds for the quality of governance (*QOG*) variable reflected in the ICRG indicator that range from 0 to 1 was dictated by both intuition and the coherence of assigned membership with our practical knowledge of specific borderline cases. Via a similar rationale, the thresholds for the government welfare spending (*WELFS*) variable were set so we could differentiate between low and high levels of public sector financing. The foreign direct investment (*FDI*) variable distribution of factual data between the lower quartile, median, and the upper quartile appeared relevant, which was owing to the absence of any insights into what values of FDI as a percentage of a country's GDP should be treated as high or low.⁷

Results and Discussion

After completing each stage of variable encoding and calibration, we carried out the first step of the fsQCA and created a truth table for the neoliberalization of the public sector outcome (*NEOL*). After removing all repeating and logically controversial combinations, 25 rows (minterms) were left in the abbreviated table (i. e., the table in which at least one case was assigned to each row; see Table 2).

⁷ Table displaying all calibrated values can be seen in Appendix 3.

Table 2

Truth Table for the Outcome *NEOL*

Row	<i>LEGS</i>	<i>LEGD</i>	<i>QOG</i>	<i>FDI</i>	<i>GDP</i>	<i>WELFS</i>	<i>NEOL</i>	Consist.*	Explained Cases**
1	0	0	0	0	0	0	1	0.935	DRC, PAK
5	0	0	0	1	0	0	1	0.934	TOG
9	0	0	1	0	0	0	1	0.912	CAM
33	1	0	0	0	0	0	1	0.909	MOR, SUD, SYR
21	0	1	0	1	0	0	1	0.870	EGY
62	1	1	1	1	0	1	1	0.855	KAZ
17	0	1	0	0	0	0	1	0.846	PER, SEN
6	0	0	0	1	0	1	1	0.839	TUN
49	1	1	0	0	0	0	1	0.834	CON, ETH, GAM, IND, JOR
53	1	1	0	1	0	0	1	0.828	ANG, ZAM
50	1	1	0	0	0	1	1	0.806	GHA, UGA, ZIM
25	0	1	1	0	0	0	1	0.801	TAN
57	1	1	1	0	0	0	1	0.764	BUR
38	1	0	0	1	0	1	1	0.757	AZE
64	1	1	1	1	1	1	1	0.732	MAL, MEX
61	1	1	1	1	0	0	0	0.559	CHI, VIE
42	1	0	1	0	0	1	0	0.552	BEL
58	1	1	1	0	0	1	0	0.534	ALG, CUB, IRA
31	0	1	1	1	1	0	0	0.389	BAH
8	0	0	0	1	1	1	0	0.351	GAB
28	0	1	1	0	1	1	0	0.308	KUW
43	1	0	1	0	1	0	0	0.295	OMA
51	1	1	0	0	1	0	0	0.263	QAT, RUS
60	1	1	1	0	1	1	0	0.251	LYB, SAU
59	1	1	1	0	1	0	0	0.179	UAE

*Notes

* "Consist." stands for consistence level (inclusion score).

** Definitions of case abbreviations are available in Appendix 2.

We chose a liberal inclusion cutoff equal to 0.73, which meant that all rows above that consistency value were considered sufficient for the *NEOL* outcome. The reason for such a choice was that below that value, a sharp drop in consistency scores was observed, while at the 0.74 inclusion cutoff, the case of Algeria emerged among those with a positive outcome, representing a logical contradiction.

Finally, for the logical minimization of the sufficient rows, we set directional expectations assuming the presence rather than absence of all conditions. After that, the procedure of minimization followed the rules of Boolean algebra (the Quine-McCluskey algorithm), resulting in the solution formula below. In it, uppercase letters denote the presence of a causal condition, while lowercase letters denote their absence, "*" stands for logical AND, "+" denotes logical OR, and "=>" indicates the direction of causation.

$$qog * gdp + fdi * gdp * welfs + LEGS * LEGD * QOG * FDI * WELFS => NEOL$$

In other words, we identified three equifinal combinations of factors that led to the neoliberalization of the public sector. The first was the low quality of governance (*qog*) and low GDP per capita (*gdp*). The second path also contained low GDP per capita but complemented the low level of foreign investment (*fdi*) and low welfare spending (*welfs*). Meanwhile, the third combination implied high diffuse (LEGD) and specific support for legitimization (*LEGS*) combined with high quality of governance (*QOG*), a significant amount of foreign direct investment (*FDI*), and high welfare spending (*WELFS*). To estimate the share of cases explained by each term of the above solution formula, we supplemented the formula with the corresponding coverage indicators (see Table 3).

Table 3

Intermediate Solution Formula for the NEOL Outcome

Sufficient Paths Connected by Logical OR*	Inclusion Score	Raw Coverage	Unique Coverage
<i>qog * gdp</i>	0.905	0.611	0.212
<i>fdi * gdp * welfsp</i>	0.925	0.475	0.107
<i>LEGS * LEGD * QOG * FDI * WELFS</i>	0.813	0.145	0.073
Overall solution	0.907	0.791	

*Note: Uppercase letters denote the presence of a casual condition, while lowercase letters denote the absence of one.

The raw coverage metric showed that our model was capable of accounting for 79.1% of all cases, a high result for an fsQCA with a pool of 42 cases. The alternative solution formulas (conservative and parsimonious) displayed in Appendix 4 illustrate substantially similar results. While all causal paths included in the conservative solution were subsets of those elaborated in the intermediate one, two combinations listed in the parsimonious solution were identical to those in the intermediate one, while the third combination was a superset of the last three paths of the parsimonious solution.

Considering that the first causal path (*qog * gdp*) was sufficient for the occurrence of an outcome, we can say that it best fits authoritarian modernization theory. On the one hand, a country's underdevelopment is reflected in its low GDP per capita, while poor quality of governance can be interpreted both as a sign of deteriorated socioeconomic conditions and low state capacity. Given the adoption of neoliberal practices in the welfare sectors of those cases, we can infer that an autocrat decided to reduce state presence in the public sector due to its low effectiveness and as a part of their desire to enhance the country's economic performance. Essentially, the described narrative is implied by authoritarian modernization theory.

However, we believe that rather than seeking to revitalize economic growth, autocrats attempt to ensure adequate state capacity to guarantee the manageability of their countries primarily via the stick of government effectiveness but without the carrot of economic benefit (material public goods). This is the case because of the absence of causal conditions of support for legitimization and welfare expenditure for that causal path, which makes them irrelevant to the outcome. Notably, it is by far the most widespread causal path, as it explains more cases than the other two configurations. Further, in addition to the 12 cases not uniquely covered by this solution term, it covers the unique cases of Uganda, Angola, Ghana, Togo, Tunisia, Egypt, Azerbaijan, Zimbabwe, and Zambia.

Our interpretation of the second causal path (*gdp * fdi * welfs*) is less straightforward. Substantially, it also aligns with the authoritarian modernization paradigm because of the confluence of the low GDP per capita, low FDI, and scarce welfare expenses required for public sector neoliberalization to occur. Nonetheless, we should not overlook an important part of this configuration's empirical reality. While low GDP per capita and low budgetary welfare spending pinpoint a state's economic underdevelopment, a low share of FDI in the economy signals a significant addition to the narrative established in the previous paragraph. To understand our thinking, one needs to recall that the prime agents of national welfare marketization are seldom a dictator-

ships' elites but the international financial institutions promoting those measures as global best practices. As a result, poor autocracies tempted by the opportunity to acquire loans, consent to prescribed policy recommendations and withdraw from their welfare sectors. Furthermore, if structural adjustment programs imply the reform of not only the welfare sector but other branches of the economy and regulatory framework, an autocrat may also create a favorable climate for foreign investors. Money from both loans and investments may be seen to compensate, at least to some extent, for a country's poverty and low state expenditures in the public sector.

Therefore, the second causal path emerged as a representation of authoritarian modernization that is somewhat different from the one described earlier, as it is not driven by the same forces. If we look at the cases explained by the second path, we see that those cases largely overlap with the pool of autocracies in the first path, apart from Burkina Faso, Cameroon, and Tanzania.

Finally, the last causal configuration (*LEGS * LEGD * QOG * FDI * WELFS*) clearly depicts the situation of an autocrat decreasing the costs of loyalty by retreating from the type of welfare provision envisaged by the political economy perspective. The most important factors are abundant welfare spending and high quality of governance. Considered alongside high regime legitimacy and plentiful foreign investment, they entail the adoption of neoliberal practices in the public sector motivated only by an autocrat's desire to increase their own budget. This maneuver is feasible only if a given dictatorship has a high state capacity that allows the autocrat to control the marketized public sector. Although this causal path covers the smallest portion of cases (Kazakhstan, Malaysia, and Mexico), such instances of welfare sector neoliberalization are not covered by any other configuration.

Regarding our hypotheses, we may infer the below.

- The theory of authoritarian legitimization does not account for any adoption of neoliberal power practices, which is why *H 1* was not confirmed in our analysis.
- Authoritarian modernization theory appears to possess the highest explanatory power of all frameworks, as it explains two-thirds of all welfare sector neoliberalization. Therefore, *H 2* was largely confirmed, although we found two distinct mechanisms leading to the adoption of neoliberal practices, distinguishing whether it was purely a matter of internal policy considerations or a mix of external considerations.
- We framed the political economy perspective as important but supplementary, and hence, *H 3* was partially confirmed. We may claim that the political economy approach identifies the unique set of causal conditions that makes it possible to account for the smaller but essential part of empirical reality—that is, to explain cases that may seem deviant if they are understood through the lens of authoritarian modernization theory.

Conclusion

We designed this paper to explain why some authoritarian regimes decide to adopt neoliberal power practices. In the course of our work, we decided to define those practices as acts of state withdrawal from the provision of welfare services. We did this primarily to subject the neoliberalization of a welfare sector to reliable empirical measurement.

The fact that we did not consider a state's retreat from the public sector as a governmental policy but rather a *mode of governing* framed the choice of theories we needed to investigate why a certain dictatorship resorted to that type of power practice. Ultimately, we constructed three distinct but not mutually exclusive pathways

leading to the neoliberalization of the public sector, and these were grounded in the theories of authoritarian legitimization (as conceived by the WZB model) and authoritarian modernization as well as the political economy perspective. Despite our assumption of the mutual non-exhaustibility of causal paths leading to the welfare sector neoliberalization, our fsQCA were rather forthright. They proved that the authoritarian modernization paradigm influences autocrats in their adoption of neoliberal practices. Furthermore, two separate causal paths were identified: (1) authoritarian modernization driven by an autocrat's desire to improve the quality of governance over a poor country and (2) authoritarian modernization to back up a regime's foreign financial assistance. Meanwhile, the political economy approach was found to be an important additional explanation of when a dictator uses the neoliberalization of the public sector to increase extracted rent and to reduce costs of loyalty.

Taken together, these results suggest that what we defined as neoliberal power practices are essential tools for autocrats seeking to enforce their power regime rather than use a legitimization strategy to create a façade of good governance. Consequently, the findings of our study contribute both to the interpretation and explanation of the peculiarities of modern autocracies' modes of operation, refocusing academic attention from state policies to power practices. Additionally, this paper complements ongoing theoretical debates on the manifestations and properties of neoliberalism and neoliberalization by stressing the importance of the links between notions of neoliberalism and governmentality. In particular, most research has hued to the paradigm of authoritarian neoliberalism instead of trying to theoretically comprehend and empirically analyze manifestations of *neoliberal authoritarianism*. To offset this while still following the tradition of governmentality studies on neoliberalism, our paper has provided support for the strain of thought that examines the migration, deployment, and domestication of governmental techniques in various political landscapes beyond the Western world. Further, it has shown that autocrats are guided by a combination of rationales when they decide to resort to neoliberal power practices.

The study has limitations. One is the relatively small sample of cases, which was owing to missing data arising from a shortage of available information about authoritarian regimes' performances. Further, as we have already noted, our research focused on only one form of neoliberal practice—the state's withdrawal from the public sector—though we did identify other examples, such as the economization of politics.

However, we sought to overcome the above limits by using different databases and variables of interest. Additionally, it is expected that conducting in-depth case studies employing a purely qualitative methodology would enable the gathering of more insights into the autocracy-specific mechanisms of neoliberal power practices. In the same vein, region-specific patterns may be analyzed using the most similar (context) different outcome approach [Berg-Schlosser et al. 2009: 28–32] focusing on the post-Soviet space, MENA countries, and the states of sub-Saharan Africa.

Acknowledgements

The authors are grateful to Professor Dmitriy Riabov (HSE University) for helpful comments and suggestions as well as research assistance. Special thanks to three anonymous reviewers. None of these helpful people are responsible for the contents of this article; all conclusions and mistakes are our own.

Appendices

Appendix 1. Example of the Coding of the Outcome Variable

Table A1.1

Coding the Outcome Variable *NEOL* (Algeria and Angola)

GWF Case Name*	Value of the variable	Content of Neoliberalization	Year of Neoliberalization	Sources
Algeria 92-NA	0	<p>Although Algeria implemented the IMF's structural adjustments in 1994–1999 (including the privatization of state industries, fiscal and banking reform, and trade liberalization), the effort was offset by the significant enlarging of the country's social security system. As a result Algerian social safety nets, one of the most sophisticated among MENA countries, have been characterized by:</p> <ul style="list-style-type: none"> — social spending as approximately 45% of the state budget during 1985–2005, with health expenses doubling during this period; — a social security system covering 90% of the Algerian workforce in the mid-2000s; — insurance comprising sick pay and disability pensions for the insured and all dependent household members; — the marginal role of private education institutions (the state heavily subsidized public education); and — government scholarships, which, in the 1980s, were provided to 65% of all pupils and almost all university students to study in public education facilities. 	–	[Loewe 1998: 127–128; Bustos 2003: 16–18; IMF 2011; Richter, Lucas 2016; Galal et al. 2018: 314–315; Eibl 2020: 62–66]
Angola 75-NA	1	<p>Angola is a rather typical example of a sub-Saharan country and is deemed to have restructured its socialist economy and social protection system in line with the IMF standards during the short respite in its civil war during 1995. These changes included:</p> <ul style="list-style-type: none"> — the shrinking of the state's presence in the economy, including the privatization of state assets and liberalization of prices to activate market mechanisms; — the cutting of budgetary expenditures for social spending (from 8.2 % in 1992 to 1.4 % in 1995) as a part of measures aimed at tackling the deficit in order to solve the problem of the country's indebtedness; — the undermining of state infrastructural capacity due to the destruction of facilities and the mass fleeing of public sector personnel (doctors, teachers) during the war; — the practical absence of a health insurance system, including vaccinations; and — the de facto transfer of welfare functions to families, NGOs, foreign donors, and the informal economy. 	1995	[Addison 2003: 125–141; Gonçalves 2010; IMF 2011; IMF 2017: 9–10, 35–36; Richter, Lucas 2016; Tvedten 2018; World Bank 1999: 34–40, 207–210]

* Note: Case name in the data set collected by [Geddes, Wright, Frantz 2014].

Appendix 2. Raw Data

Table A.2.1

List of Cases and Variables' Raw Values

Case Name	GWF Case Name	Years of Variables' Coding	LEGS	LEGD	QOG	FDI	GDP	WELFS	NEOL
ALG	Algeria 92-NA	1980–2005	0.96	0.87	0.492	0.222	1991	0.364	0
ANG	Angola 75-NA	1984–1994	0.87	0.95	0.400	2.148	684	0.294	1
AZE	Azerbaijan 93-NA	1989–1999	0.67	0.73	0.421	1.891	748	0.436	1
BAH	Bahrain 1971-NA	1980–2005	0.55	0.91	0.671	5.461	9191	0.288	0
BEL	Belarus 94-NA	1980–2005	0.79	0.73	0.515	1.030	1530	0.533	0
BUR	Burkina Faso 87-NA	1977–1987	0.97	0.99	0.556	0.133	225	0.304	1
CAM	Cameroon 83-NA	1977–1987	0.55	0.43	0.502	0.981	720	0.204	1
CHI	China 49-NA	1980–2005	1	0.92	0.588	2.731	473	0.197	0
CON	Congo-Brz 97-NA	1977–1987	0.9	0.98	0.379	1.181	861	0.311	1
.	Congo/Zaire 97-NA	1977–1987	0.35	0.73	0.090	0.388	435	0.190	1
CUB	Cuba 59-NA	1980–2005	1	0.98	0.590	0.000	2422	0.550	0
EGY	Egypt 52-NA	1983–1993	0.58	0.92	0.402	3.307	728	0.331	1
ETH	Ethiopia 91-NA	1982–1992	0.95	0.99	0.306	0.025	234	0.258	1
GAB	Gabon 60-NA	1980–2005	0.2	0.58	0.443	1.408	4458	0.350	0
GAM	Gambia 94-NA	1977–1987	1	0.95	0.472	0.170	289	0.303	1
GHA	Ghana 81-00	1977–1987	0.7	0.96	0.208	0.086	354	0.526	1
IND	Indonesia 66-99	1987–1997	0.95	0.95	0.320	0.850	676	0.250	1
IRA	Iran 79-NA	1980–2005	1	0.87	0.514	0.038	2188	0.427	0
JOR	Jordan 46-NA	1982–1992	0.82	0.96	0.449	0.528	1680	0.083	1
KAZ	Kazakhstan 91-NA	1989–1999	0.97	0.95	0.556	3.370	1453	0.545	1
KUW	Kuwait 61-NA	1980–2005	0.25	0.81	0.532	0.130	12775	0.387	0
LIB	Libya 69-NA	1980–2005	0.98	0.96	0.484	0.040	6194	0.745	0
MAL	Malaysia 57-NA	1985–1995	0.73	0.93	0.644	5.0.9	2697	0.404	1
MEX	Mexico 15-00	1984–1994	0.87	0.91	0.482	1.403	3407	0.466	1
MOR	Morocco 56-NA	1975–1985	0.96	0.55	0.448	0.241	747	0.314	1
OMA	Oman 41-NA	1980–2005	0.98	0.73	0.596	0.879	6046	0.146	0
PAK	Pakistan 99-08	1988–1998	0.02	0.46	0.425	0.660	440	0.066	1
PER	Peru 92-00	1982–1992	0.41	0.95	0.306	0.006	1048	0.326	1
QAT	Qatar 1971-NA	1980–2005	0.7	0.99	0.472	1.105	15887	0.240	0
RUS	Russia 93-NA	1980–2005	0.63	0.94	0.456	0.746	2758	0.123	0
SAU	Saudi Arabia 27-NA	1980–2005	1	0.99	0.574	0.066	7338	0.344	0
SEN	Senegal 60-00	1977–1987	0.04	0.95	0.444	0.344	651	0.267	1
SUD	Sudan 89-NA	1983–1993	0.99	0.62	0.204	0.001	565	0.084	1
SYR	Syria 63-NA	1984–1994	0.95	0.27	0.467	0.471	991	0.124	1
TAN	Tanzania 64-NA	1987–1997	0.55	0.95	0.504	0.687	189	0.297	1
TOG	Togo 63-NA	1977–1987	0.35	0.55	0.306	2.119	299	0.233	1
TUN	Tunisia 56-NA	1976–1986	0.25	0.75	0.444	2.043	1123	0.360	1
UGA	Uganda 86-NA	1977–1987	0.96	0.98	0.114	0.044	196	0.407	1
UAE	United Arab Emirates 71-NA	1980–2005	0.99	0.88	0.520	0.115	26902	0.075	0
VIE	Vietnam 54-NA	1980–2005	0.99	0.95	0.493	5.259	278	0.252	0
ZAM	Zambia 96-NA	1994–2004	0.9	0.88	0.452	5.474	565	0.252	1
ZIM	Zimbabwe 80-NA	1977–1987	0.97	0.83	0.474	0.079	789	0.435	1

Appendix 3. Calibrated Data

Table A3.1

Calibrated Set Membership Values

Case Name	LEGS	LEGD	QOG	FDI	GDP	WELFS	NEOL
ALG	0.965	0.904	0.619	0.028	0.263	0.608	0
ANG	0.923	0.984	0.272	0.892	0.026	0.243	1
AZE	0.655	0.381	0.331	0.819	0.029	0.854	1
BAH	0.389	0.960	0.996	1.000	1.000	0.220	0
BEL	0.852	0.382	0.757	0.318	0.125	0.972	0
BUR	0.968	0.994	0.905	0.020	0.011	0.292	1
CAM	0.389	0.024	0.683	0.282	0.028	0.034	1
CHI	0.975	0.968	0.960	0.970	0.017	0.029	0
CON	0.940	0.992	0.221	0.440	0.037	0.328	1
DRC	0.094	0.382	0.006	0.048	0.016	0.024	1
CUB	0.975	0.992	0.962	0.013	0.456	0.979	0
EGY	0.455	0.968	0.277	0.992	0.028	0.443	1
ETH	0.962	0.994	0.099	0.014	0.011	0.119	1
GAB	0.026	0.110	0.397	0.592	0.979	0.546	0
GAM	0.975	0.984	0.491	0.023	0.012	0.288	1
GHA	0.715	0.987	0.029	0.017	0.014	0.968	1
IND	0.962	0.984	0.117	0.200	0.026	0.099	1
IRA	0.975	0.904	0.749	0.015	0.345	0.833	0
JOR	0.883	0.987	0.416	0.076	0.162	0.002	1
KAZ	0.968	0.984	0.905	0.993	0.109	0.978	1
KUW	0.040	0.695	0.833	0.020	1.000	0.704	0
LIB	0.971	0.987	0.561	0.015	0.999	0.999	0
MAL	0.768	0.975	0.991	1.000	0.592	0.766	1
MEX	0.923	0.960	0.550	0.589	0.856	0.910	1
MOR	0.965	0.082	0.412	0.029	0.029	0.344	1
OMA	0.971	0.382	0.968	0.217	0.999	0.009	0
PAK	0.005	0.033	0.342	0.115	0.016	0.001	1
PER	0.152	0.984	0.098	0.013	0.052	0.415	1
QAT	0.715	0.994	0.491	0.377	1.000	0.079	0
RUS	0.569	0.980	0.437	0.149	0.620	0.005	0
SAU	0.975	0.994	0.941	0.016	1.000	0.520	0
SEN	0.006	0.984	0.401	0.042	0.024	0.143	1
SUD	0.973	0.160	0.028	0.013	0.021	0.002	1
SYR	0.962	0.004	0.475	0.063	0.047	0.005	1
TAN	0.389	0.984	0.692	0.124	0.010	0.259	1
TOG	0.094	0.082	0.098	0.886	0.012	0.068	1
TUN	0.040	0.433	0.401	0.866	0.060	0.590	1
UGA	0.965	0.992	0.009	0.015	0.010	0.773	1
UAE	0.973	0.922	0.781	0.019	1.000	0.002	0
VIE	0.973	0.984	0.622	1.000	0.012	0.104	0
ZAM	0.940	0.922	0.426	1.000	0.021	0.103	1
ZIM	0.968	0.785	0.498	0.017	0.032	0.851	1

Appendix 4. Alternative Solution Formulas

Table A4.1

Conservative Solution Formulas for the Outcome *NEOL*

Sufficient Paths Connected by Logical OR*	Inclusion Score	Raw Coverage	Unique Coverage	M1	M2
<i>qog * fdi * gdp * welfs</i>	0.906	0.368	0.069	0.019	0.019
<i>LEGD * qog * gdp * welfs</i>	0.862	0.327	0.043	0.043	0.053
<i>LEGD * fdi * gdp * welfs</i>	0.889	0.309	0.044	0.044	0.044
<i>LEGS * LEGD * qog * fdi * gdp</i>	0.840	0.261	0.066	0.069	0.069
<i>legs * fdi * gdp * welfs</i>	0.912	0.205	0.019	0.066	0.066
<i>LEGS * LEGD * QOG * FDI * WELFS</i>	0.813	0.145	0.076	0.076	0.076
<i>legd * qog * FDI * gdp * WELFS</i>	0.821	0.062	0.010	0.016	0.010
<i>legs * qog * gdp * welfsp</i>	0.916	0.227	0.001	0.029	
<i>legs * legd * qog * FDI * gdp</i>	0.904	0.098	0.000		0.029
Solution M1:	0.901	0.901	0.733		
Solution M2:	0.900	0.900	0.732		

Table A4.2

Parsimonious Solution Formulas for the Outcome *NEOL*

Sufficient Paths Connected by Logical OR	Inclusion Score	Raw Coverage	Unique Coverage	M1	M2	M3
<i>qog * gdp</i>	0.905	0.611	0.183	0.194	0.194	0.202
<i>fdi * gdp * welfs</i>	0.925	0.475	0.107	0.107	0.107	0.107
<i>LEGS * FDI * WELFS</i>	0.838	0.172	0.000	0.077		
<i>LEGD * FDI * WELFS</i>	0.830	0.178	0.000		0.077	
<i>QOG * FDI * WELFS</i>	0.773	0.160	0.000			0.077
Solution M1	0.908	0.795				
Solution M2	0.904	0.795				
Solution M3	0.893	0.791				

References

- Addison T. (ed.) (2003) *From Conflict to Recovery in Africa*, Oxford: Oxford University Press.
- Barrow C. W. (ed.) (1993) *Critical Theories of the State: Marxist, Neomarxist, Postmarxist*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Bedirhanoglu P., Yalman G. L. (2010) State, Class and the Discourse: Reflections on the Neoliberal Transformation in Turkey. *Economic Transitions to Neoliberalism in Middle-Income Countries* (eds. A. Saad-Filho, G. L. Yalman), Abingdon: Routledge, pp. 107–127.
- Berg-Schlosser D., De Meur G. (2009) Comparative Research Design: Case and Variable Selection. *Applied Social Research Methods: Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques* (eds. B. Rihoux, C. C. Ragin), London: SAGE Publications, pp. 19–32.

- Berg-Schlosser D., De Meur G., Rihoux B., Ragin C. C. (2009) Qualitative Comparative Analysis (QCA) as an Approach. *Applied Social Research Methods: Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques* (eds. B. Rihoux, C. C. Ragin), London: SAGE Publications, pp. 1–18.
- Birch K. (2015) Neoliberalism: The Whys and Wherefores... and Future Directions. *Sociology Compass*, vol. 9, no 7, pp. 571–584.
- Birch K., Springer S. (2019) Peak Neoliberalism? Revisiting and Rethinking the Concept of Neoliberalism. *Ephemera: Theory & Politics in Organization*, vol. 19, no 3, pp. 467–485.
- Bozkurt-Güngen S. (2018) Labour and Authoritarian Neoliberalism: Changes and Continuities under the AKP Governments in Turkey. *South European Society and Politics*, vol. 23, no 2, pp. 219–238.
- Braumoeller B. F. (2003) Causal Complexity and the Study of Politics. *Political Analysis*, vol. 11, no 3, pp. 209–233.
- Brenner N., Peck J., Theodore N. (2010) Variegated Neoliberalization: Geographies, Modalities, Pathways. *Global Networks*, vol. 10, no 2, pp. 182–222.
- Brown W. (2015) *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*, New York: Zone Books.
- Brown W. (2018) Neoliberalism's Frankenstein: Authoritarian Freedom in Twenty-First Century "Democracies". *Critical Times*, vol. 1, no 1, pp. 60–79.
- Bruff I. (2014) The Rise of Authoritarian Neoliberalism. *Rethinking Marxism*, vol. 26, no 1, pp. 113–129.
- Bruff I., Tansel C. B. (2019) Authoritarian Neoliberalism: Trajectories of Knowledge Production and Praxis. *Globalizations*, vol. 16, no 3, pp. 233–244.
- Bustos R. (2003) Economic Liberalization and Political Change in Algeria: Theory and Practice (1988–1992 and 1994–1999). *Mediterranean Politics*, vol. 8, no 1, pp. 1–26.
- Butler C. (2018) State Power, the Politics of Debt and Confronting Neoliberal Authoritarianism. *Law and Critique*, vol. 29, no 3, pp. 311–331.
- Chomsky N. (1999) *Profit Over People: Neoliberalism and Global Order*, New York: Seven Stories Press.
- Comaroff J., Comaroff J. L. (2001) *Millennial Capitalism and the Culture of Neoliberalism*, Durham: Duke University Press.
- Cumings B. (1999) Webs with no Spiders, Spiders with no Webs: The Genealogy of the Developmental state. *The Developmental State* (ed. M. Woo-Cumings), New York: Cornell University Press, pp. 61–92.
- Dardot P., Laval C. (2014) *The New Way of the World: On Neoliberal Society*, London: Verso Books.
- Duménil G., Lévy D. (2011) *The Crisis of Neoliberalism*, Cambridge: Harvard University Press.
- Eibl F. (2020) *Social Dictatorships: The Political Economy of the Welfare State in the Middle East and North Africa*, Oxford: Oxford University Press.

- Eibl F. (2020) *Social Dictatorships: The Political Economy of the Welfare State in the Middle East and North Africa*, Oxford: Oxford University Press.
- Fabry A. (2019) Neoliberalism, Crisis and Authoritarian-Ethnicist Reaction: The Ascendancy of the Orbán Regime. *Competition & Change*, vol. 23, no 2, pp. 165–191.
- Foa R. S. (2018) Modernization and Authoritarianism. *Journal of Democracy*, vol. 29, no 3, pp. 129–140.
- Forrat N. (2012) *Authoritarianism and the Market: The 'Neoliberal' Reforms in Russia's Higher Education*. Available at: <http://iippe.org/wp/wp-content/uploads/2013/06/Forrat-iippe2013-abstract.pdf> (assessed 18 January 2021).
- Forrat N. (2018) Shock-Resistant Authoritarianism: Schoolteachers and Infrastructural State Capacity in Putin's Russia. *Comparative Politics*, vol. 50, no 3, pp. 417–449.
- Foucault M. (2008) *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979* (eds. M. Senellart, F. Ewald, A. Fontana), Basingstoke: Palgrave.
- Fürtig H. (ed.) (2009) *The Arab Authoritarian Regime between Reform and Persistence*, Cambridge: Cambridge Scholars.
- Galal A., Welmond M., Carnoy M., Nellemann S., Keller J., Wahba J., Yamasaki I. (2018) *The Road not Traveled: Education Reform in the Middle East and North Africa*, MENA development report, Washington, DC: World Bank.
- Geddes B., Wright J., Frantz E. (2014) Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. *Perspectives on Politics*, vol. 12, no 2, pp. 313–331.
- Gel'man V. (ed.) (2017) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*, New York: Routledge.
- Gel'man V., Starodubtsev A. (2016) Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms in the 2000s. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 1, pp. 97–117.
- Gerschewski J. (2013) The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes. *Democratization*, vol. 20, no 1, pp. 13–38.
- Gill S. (1995) Globalisation, Market Civilisation, and Disciplinary Neoliberalism. *Millennium*, vol. 24, no 3, pp. 399–423.
- Giroux H. A. (2018) *Terror of Neoliberalism: Authoritarianism and the Eclipse of Democracy*, New York: Routledge.
- Gonçalves J. (2010) The Economy of Angola: From independence to the 2008 Worldwide Crisis. *The Perspective of the World Review*, vol. 2, no 3, pp. 76–87.
- Harvey D. (2007) *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Hood C. (1991) A Public Management for All Seasons? *Public Administration*, vol. 69, no 1, pp. 3–19.

- Howlett M., Cashore B. (2014) Conceptualizing Public Policy. *Comparative Policy Studies* (eds. I. Engeli, C. R. Allison), Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 17–33.
- IMF (2011) *Government Financial Statistics*. Available at: <https://www.elibrary.imf.org> (accessed 26 February 2020).
- IMF (2017) Angola. *IMF Staff Country Reports*, no 97/112. Available at: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:imf:imfscr:97/112> (accessed 3 March 2020).
- Jessop R. D. (2016) The Heartlands of Neoliberalism and the Rise of the Austerity State. *The Handbook of Neoliberalism* (eds. S. Springer, K. Birch, J. MacLeavy), London: Routledge, pp. 410–421.
- Jones D. S. (2014) *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*, Updated Edition, Princeton: Princeton University Press.
- Klimina A. (2011) The Futility of the Neoliberal Policy of Deliberate Market Construction and the Promise of an Institutional Alternative: The Case of Russia's Authoritarian Transition. *Journal of Economic Issues*, vol. 45, no 2, pp. 411–420.
- Kohli A. (2004) *State-Directed Development: Political Power and Industrialization in the Global Periphery*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lane J. E. (2000) *New Public Management*, London: Routledge.
- Larner W. (2003) Neoliberalism? *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 21, no 2, pp. 509–512.
- Lazzarato M. (2009) Neoliberalism in Action: Inequality, Insecurity and the Reconstitution of the Social. *Theory, Culture & Society*, vol. 26, no 6, pp. 109–133.
- Lemke T. (2001) 'The Birth of Bio-Politics': Michel Foucault's Lecture at the Collège de France on Neo-Liberal Governmentality. *Economy and Society*, vol. 30, no 2, pp. 190–207.
- Libman A., Rochlitz M. (2019) Bureaucratic Incentives. *Federalism in China and Russia*, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 39–69.
- Lim K. F. (2017) Variegated Neoliberalization as a Function and Outcome of Neo-Authoritarianism in China. *States of Discipline: Authoritarian Neoliberalism and the Contested Reproduction of Capitalist Order* (eds. C. B. Tansel), London: Rowman & Littlefield International, pp. 255–273.
- Liow E. D. (2012) The Neoliberal-Developmental State: Singapore as Case Study. *Critical Sociology*, vol. 38, no 2, pp. 241–264.
- Lo B., Shevtsova L. (2012) *A 21st Century Myth—Authoritarian Modernization in Russia and China*, Moscow: Carnegie Moscow Center. Available at: https://carnegieendowment.org/files/BoboLo_Shevtsova_web.pdf (accessed 17 January 2021).
- Loewe M. (1998) Sozialpolitik Im Dienste des Machterhalts: Soziale Sicherung und Staat im Arabischen Vorden Orient [Social Policies as a Means of Retaining Power: Social Protection and the State in the Arab Middle East]. *Der Bürger im Staat*, vol. 48, no 3, pp. 147–152 (in German).

- Maerz S. F. (2020) The Many Faces of Authoritarian Persistence: A Set-Theory Perspective on the Survival Strategies of Authoritarian Regimes. *Government and Opposition*, vol. 55, no 1, pp. 64–87.
- Marschke G. (2002) *Performance Incentives and Bureaucratic Behavior: Evidence from a Federal Bureaucracy*, Discussion Papers 02-07, University at Albany, SUNY, Department of Economics. Available at: https://www.researchgate.net/publication/2836308_Performance_Incentives_and_Organizational_Behavior_Evidence_from_a_Federal_Bureaucracy (accessed 17 January 2021).
- Navarro V. (1998) Neoliberalism, ‘Globalization,’ Unemployment, Inequalities, and the Welfare State. *International Journal of Health Services*, vol. 28, no 4, pp. 607–682.
- O’Donnell G. (1973) *Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics*, Berkeley: University of California.
- Ong A. (2006) *Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty*, Durham: Duke University Press.
- Ong A. (2007) Neoliberalism as a Mobile technology. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 32, no 1, pp. 3–8.
- Pepinsky T. (2008) *Durable Authoritarianism as a Self-Enforcing Coalition*: Available at: <https://courses.cit.cornell.edu/tp253/docs/self-enforcing.pdf> (accessed 17 January 2021).
- Plehwe D., Walpen B., Neunhöffer. G. (2006) *Neoliberal Hegemony: A Global Critique*, London: Routledge.
- Polanyi K. (1944) *The Great Transformation*, New York: Farrar & Rinehart.
- Poulantzas N. A. (1978) *State, Power, Socialism*, London: New Left Books.
- Ragin C. C. (2009) *Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond*, Chicago: University of Chicago Press.
- Ragin C. C. (2014) *The Comparative Method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies*, Berkeley: University of California Press.
- Rapley J. (1997) *Understanding Development: Theory and Practice in the Third World*, Boulder: Lynne Rienner.
- Richter T., Lucas V. (2016) *GSRE 1.0—Global State Revenues and Expenditures Dataset*, Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies. doi: 10.7802/1290
- Roberts K. M. (1995) Neoliberalism and the Transformation of Populism in Latin America: The Peruvian Case. *World Politics*, vol. 49, no 1, pp. 82–116.
- Roman R., Arregui E. V. (2012) Neoliberal Authoritarianism: The “Democratic Transition” and the Mexican Left. *The New Latin American Left: Cracks in the Empire* (eds. J. R. Webber, B. Carr), Lanham: Rowman & Littlefield, pp. 277–298.
- Rose N. (2000) Government and Control. *British Journal of Criminology*, vol. 40, no 2, pp. 321–339.

- Schamis H. E. (1991) Reconceptualizing Latin American Authoritarianism in the 1970s: From Bureaucratic-Authoritarianism to Neoconservatism. *Comparative Politics*, vol. 23, no 2, pp. 201–220.
- Schneider C. Q., Wagemann C. (2012) *Set-Theoretic Methods for the Social Sciences: A Guide to Qualitative Comparative Analysis*, New York: Cambridge University Press.
- Simon D. (2008) Neoliberalism, Structural Adjustment and Poverty Reduction Strategies. *The Companion to Development Studies* (eds. V. Desai, R. B. Potter), London: Hodder Education, pp. 86–92.
- Smith A., Rochovská A. (2007) Domesticating Neo-Liberalism: Everyday Lives and the Geographies of Post-Socialist Transformations. *Geoforum*, vol. 38, no 6, pp. 1163–1178.
- Soest C. von, Grauvogel J. (2017) Identity, Procedures and Performance: How Authoritarian Regimes Legitimize Their Rule. *Contemporary Politics*, vol. 23, no 3, pp. 287–305.
- Springer S. (2017) Klepto-Neoliberalism: Authoritarianism and Patronage in Cambodia. *States of Discipline: Authoritarian Neoliberalism and the Contested Reproduction of Capitalist Order* (ed. C. B. Tansel), London: Rowman & Littlefield International, pp. 235–254.
- Teorell J., Dahlberg S., Holmberg S., Rothstein B., Alvarado N. P., Axelsson S. (2020) *The Quality of Government Standard Dataset*, Version Jan20, University of Gothenburg: The Quality of Government Institute. doi: 10.18157/qogstdjan20
- The PRS Group. (2014) *The International Country Risk Guide*, New York: The PRS Group.
- Tvedten I. (2018) Socioeconomic Conditions and Cultural Traits. *Angola: Struggle for Peace and Reconstruction* (eds. I. Tvedten), New York: Routledge, pp. 101–137.
- UNCTD (2020) *United Nations Conference on Trade and Development Data Center*, New York: United Nations. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed 17 March 2020).
- Venugopal R. (2015) Neoliberalism as Concept. *Economy and Society*, vol. 44, no 2, pp. 165–187.
- Wade R. (2004) *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*, Princeton: Princeton University Press.
- Wintrobe R. (2000) *The Political Economy of Dictatorship*, New York: Cambridge University Press.
- World Bank (1999) *Adjustment in Africa*, World Bank Policy Research report, Washington, DC, New York: Oxford University Press. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/219981468192845881/pdf/multi-page.pdf> (accessed 17 January 2021).
- World Bank (2019) *New Country Classifications by Income Level: 2019–2020*, World Bank Blogs, 1 July 2019. Available at: <https://blogs.worldbank.org/opendata/new-country-classifications-income-level-2019-2020> (accessed 2 March 2020).
- World Bank (2020) GDP per capita (current US\$). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed 13 March 2020).

Received: August 1, 2020

Citation: Viatkin I., Komarova K. (2021) A Loosening Grip: Why Do Autocracies Engage in the Neoliberalization of Their Welfare Sectors? *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 140–164. doi: [10.17323/1726-3247-2021-1-140-164](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-140-164) (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 22. № 1.
Январь 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 22. No 1.
January 2021

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>